

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ

«ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»

№ 1 (4)

Издается с 2008 года

Выходит 2 раза в год

Москва

2010

VESTNIK

**MOSCOW CITY
PEDAGOGICAL UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

PHILOLOGICAL EDUCATION

№ 1 (4)

**Published since 2008
Appears Twice a Year**

**Moscow
2010**

Редакционный совет:

- Рябов В.В.** ректор МГПУ, доктор исторических наук, профессор
председатель
- Геворкян Е.Н.** проректор по научной работе МГПУ,
заместитель председателя доктор экономических наук, профессор
- Атанасян С.Л.** проректор по учебной работе МГПУ,
кандидат физико-математических наук, профессор
- Русецкая М.Н.** проректор по инновационной деятельности МГПУ,
кандидат педагогических наук, доцент

Редакционная коллегия:

- Чеснокова Т.Г.** кандидат филологических наук, доцент
главный редактор кафедры зарубежной литературы МГПУ
- Коханова В.А.** кандидат филологических наук, профессор,
заместитель заведующая кафедрой прикладной лингвистики
главного редактора и образовательных технологий в филологии,
декан филологического факультета МГПУ
- Костомаров В.Г.** заслуженный деятель науки Российской Федерации,
академик Российской академии образования,
президент Государственного института русского языка
имени А.С. Пушкина, доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и общего языко-
знания МГПУ
- Гиленсон Б.А.** заслуженный деятель науки Российской Федерации,
заслуженный профессор МГПУ, доктор филологических
наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной
литературы МГПУ
- Джанумов С.А.** заслуженный работник высшей школы Российской
Федерации, заслуженный профессор МГПУ, доктор
филологических наук, профессор, заведующий
кафедрой русской литературы и фольклора МГПУ
- Кременцов Л.П.** заслуженный профессор МГПУ, доктор филологических
наук, профессор кафедры русской литературы
и фольклора МГПУ
- Киров Е.Ф.** доктор филологических наук, профессор, заведующий
кафедрой русского языка и общего языкознания МГПУ
- Огуречникова Н.Л.** доктор филологических наук, профессор, заведующая
кафедрой германской филологии МГПУ

Адрес Научно-информационного издательского центра ГОУ ВПО МГПУ:

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.

Телефон: 8-499-181-50-36. E-mail: Vestnik@mgpu.ru

ISSN 2074-7829

© ГОУ ВПО МГПУ, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Лингвистика

- Ганиев Ж. В.* Методология и метод в изучении парафонетики 8
- Девятова Н. М.* О местоимении *подобный* и его месте в системе языка 13
- Калугин В. В.* *Дательный самостоятельный* в русском гексаметре (Окончание. Начало статьи см. в «Вестнике МГПУ» серии «Филологическое образование», 2009, № 2, с. 18–26) 20
- Лихачев С. В.* Опыт коммуникативного анализа общественных надписей 27
- Виноградова Е. М.* Концепт «Несбывшееся» в романе А.С. Грина «Бегущая по волнам» 36

Литературоведение

- Громова А. В.* Образ Афона в литературе Русского Зарубежья (Б.К. Зайцев, В.А. Маевский) 45
- Казмирчук О. Ю.* Песня А. Галича «Баллада о стариках и старухах...» в контексте балладной традиции 54
- Чеснокова Т. Г.* «Поездка в Скарборо»: опыт драматургической переделки в комедийном творчестве Р. Б. Шеридана (Окончание. Начало статьи см. в «Вестнике МГПУ» серии «Филологическое образование», 2009, № 2, с. 62–71) 60
- Линкова Я. С.* Образ России и русских в «Путешествии в Россию» Теофиля Готье 73

Лингводидактика

- Ситникова Е.В.* Проблемы языковой адаптации школьников-инофонов 79

Методика преподавания филологических дисциплин

- Качанова (Лютая) А. А.* Инновационные методы обучения в педагогическом вузе 87

- Пустовит М. Ю.* Создание учебно-методического комплекса по стилистике русского языка и культуре речи..... 92
- Гиленсон Б. А.* Вузovsky учебник по зарубежной литературе: заметки о жанре 97

Трибуна молодых ученых

- Косихина С. В.* Функция отрицательных слов в лирических прозаических миниатюрах..... 108

Научная жизнь

- Чеснокова Т. Г.* XI Международная конференция «Виноградовские чтения» на филологическом факультете ГОУ ВПО МГПУ 113
- Линкова Я. С.* Научная конференция «Литературный процесс: от Средневековья к Новому времени» (К 80-летию Андрея Дмитриевича Михайлова) 122
- Памяти Георгия Константиновича Косикова 125

Юбилей

- Гиленсон Б. А.* А.А. Аникст и Т.Л. Мотылёва: двойной портрет (из истории российской филологической науки)..... 128

Критика. Рецензии. Публицистика

- Лоскутникова М. Б.* Рецензия на книги: Город и люди: Книга московской прозы / Сост. В.В. Калмыкова, В.Г. Перельмутер. – М.: Русский импульс, 2008. – 640 с.; Николаев П. А. Мемуарный калейдоскоп: Из тени в свет перелетая... / П.А. Николаев. – М.: Русский импульс, 2008. – 448 с. 136

- Авторы «Вестника МГПУ» серии «Филологическое образование», 2010, № 1 (4)..... 139**

CONTENTS

Linguistics

- Ganiev Zh. V.* Methodology and Method in Studying Paraphonetics..... 8
- Devyatova N. M.* On the Pronoun *Similar* ('Podobny') and its Place
in the Pronominal System of the Russian Language 13
- Kalugin V. V.* *Dativus Absolutus* in Russian Hexameter
(The End. Continued from № 2, 2009 of the «MCPU Vestnik»,
series «Philological Education», p. 18–26) 20
- Lihachev S. V.* An Essay on Communicative Analysis of Public
Inscriptions 27
- Vinogradova E. M.* The Concept *Unrealised* in the Novel by A. Grin
«She Who Runs through the Waves» 36

Literary Criticism

- Gromova A. V.* The Aphos Image in Russian Literature Abroad
(B.K. Zaitsev, V.A. Maevsky)..... 45
- Kazmirchuk O. Yu.* The Song by Alexander Galich «The Ballad
about Old Men and Women» in the Context of Ballad Tradition..... 54
- Chesnokova T. G.* «A Trip to Scarborough»: A Case of Dramatic
Adaptation in R.B. Sheridan's Comediography (The End. Continued
from № 2, 2009 of the «MCPU Vestnik», series «Philological
Education», p. 62–71)..... 60
- Linkova Ya. S.* The Image of Russia and Russians in «A Voyage
to Russia» by Théophile Gautier 73

Linguodidactics

- Sitnikova E. V.* The Problems of Language Adaptation of Foreign
Speaking Pupils 79

Technique of Teaching Philological Disciplines

- Kachanova (Lyutaya) A. A.* Innovative Teaching Methods
in Teachers' Training Institutes..... 87
- Pustovit M. Yu.* Elaboration of a Strategic Planning and Teaching
Aids Complex on Russian Stylistics and Speech Culture 92

<i>Gilenson B. A.</i> A Textbook on Foreign Literature at the University: Notes on Genre	97
---	----

Young Scientists' Platform

<i>Kosihina S. V.</i> The Function of Negative Words in Prose Lyrical Miniatures	108
---	-----

Scientific Life

XI International Conference «Vinogradov's Readings» (Vinogradovskye chteniya) at the Philological Faculty of the MСPU (T.G. Chesnokova)	113
«Literary Process: from Middle Ages to Modern Times» (Commemorating the 80 th Anniversary of Andrei Mihailov): A Conference (Ya.S. Linkova).....	122
In Memoriam Georgy Konstantinovich Kosikov	125

Anniversaries

A.A. Anixt and T.L. Motyleva: the Double Portrait. From the History of Russian Philology (B.A. Gilenson).....	128
--	-----

Critical Survey. Reviews. Bibliography

<i>Loskutnikova M. B.</i> Review on Books: City and People: The Book of Moscow Prose Fiction / Coll. by V. V. Kalmykov, V. G. Perelmuter. – Moscow: The Russian Impulse, 2008. – 640 p.; Nikolaev P. A. The Memoir Kaleidoscope: 'Flying from Shadow to Light...' / P. A. Nikolaev. – Moscow: The Russian Impulse, 2008. – 448 p.....	136
---	-----

MСPU Vestnik Authors, series "Philological Education".

2010, № 1 (4)	139
----------------------------	-----

Ж.В. Ганиев

Методология и метод в изучении парафонетики

Своеобразный остаток после «снятия» языковой информации: количество и типы заполнителей промежутков между языковым звучанием, необычные модификации звуков в конце синтагм, неязыковые паузы и многое другое — живет, подчиняясь общим нормам поведения человека как часть речевого этикета. Там, где языковая норма формируется, наряду с прочим, на основе этического принципа, нормы неязыковых средств в какой-то степени схожи с языковой нормой, вернее — ближе всего к норме узуальной, самой элементарной. И тот, и другой тип нормы суть формы самоконтроля говорящего, соотношенные, с разной степенью осознанности, с его представлением об ожиданиях микросреды. Нормы употребления «сверхязыкового остатка» осознаются обществом частично и почти не кодифицированы.

Ключевые слова: парафонетика; парафонетические парентезы; неязыковые модификации в означающем; неязыковые паузы; парафонетизмы и языковая норма; звуки-паразиты.

Из старого разграничения в содержании экспликативных и прочих средств ближе всего в этих последних к неязыковому остатку находятся так называемые экспрессивные признаки, характеризующие говорящего [5: с. 22–23]. Экспрессивные средства, служащие для распознавания адресанта, имеют и другие свойства: сопровождая линейное развертывание фонем и языковой паузирования, они как бы засоряют канал языкового сообщения. Недаром наиболее известные из парафонетических парентез (включений в речи) в обиходе называют звуками-паразитами, и они не фиксируются при собственно лингвистическом подходе. Парентезы и неязыковые модификации сегментов сопровождают языковое сообщение на фонетическом уровне (парафонетические средства).

Параоперациям, как и целесообразным действиям, присуща индивидуальность, свойство совершаться всегда определенным образом [см.: 3: с. 116–122]. Тем самым и на явления парафонетики распространяется социолингвистический

метод, который позволяет исследовать их не только в общественно-культурном аспекте, но и в зависимости от социальных характеристик отдельного носителя. Социальные различия, связанные с неодинаковым уровнем образованности, культуры, условиями быта и прочим, так или иначе, по гипотезе, сказываются на звучащей стороне речи. Иными словами, в любом проявлении парафонетических свойств речи определенной длительности содержатся указания на индивидуальность и социально-групповые признаки говорящего [см.: 4: с. 63–74].

Анонимные наблюдения парафонетических средств в московской речи, подкрепленные известными широкому кругу речеведов сведениями о «паразитарных» звуках и паузах колебания (обдумывания), послужили стимулом к организации эксперимента, упорядочившего старые и выявившиеся новые факты. Установленные здесь причинно-следственные отношения, те, что не требуют для подтверждения еще одного эксперимента, верифицировались с помощью новых наблюдений, которые, как и первые, можно лишь условно назвать анонимными, поскольку очевиден пол, примерный возраст, как и то, что детство информанта, ввиду его молодости, вернее всего прошло в Москве. К эксперименту, в соответствии с предварительными наблюдениями, были привлечены представители молодежи — рабочие, актеры, студенты, женщины и мужчины (поровну), образование рабочих не ниже среднего. Получено около 10 часов звучания: чтение и спонтанная речь. Обстановка (в широком смысле) и задания (единые для всех) породили в спонтанной речи стиль интервью (смена ролей «говорящий — слушающий» при непосредственном общении, официальность отношений, спонтанная речь с установкой на интимизацию общения, призванной оживить беседу) — с одной особенностью, связанной со специфическими эмоциями: никто из интервьюируемых ранее в экспериментах не участвовал и испытывал поэтому некоторый эмоциональный дискомфорт. Давление ситуации было разным в зависимости от индивидуальных показателей тревожности, но не было чрезмерным. Хотя женщины в целом, в соответствии с опросником, показали более высокие индексы тревожности, чем мужчины, ни у одной из них, в соответствии с практикой психологов, эти показатели нельзя назвать высокими. Уровень тревожности был также объективно установлен в ходе и обстановке эксперимента — по тому, сколько раз испытуемые откашливались, прочищали дыхательное горло, сглатывали, смачивали нёбо языком и т.д.: волнение, как известно, меняет слизистый режим речевого тракта. Эти данные согласуются с субъективными оценками в опросниках.

Разную степень волнения, скованности вызывают, по крайней мере, пять факторов: противоречие между желанием отказаться от участия и конформностью; само испытание; давление времени и сознание, что речь записывается, в особенности в период обдумывания (колебания); стремление, может быть и неосознанное, представиться «в лучшем виде», во всяком случае, не хуже остальных испытуемых и, наконец, несколько настороженное восприятие незнакомого интервьюера. «Давление» магнитофона и необходимость как-то подчиниться возникшим обстоятельствам несколько нейтрализуется объяснением целей эксперимента, не истинным, конечно, но приемлемым для ин-

форманта; последний также узнавал, что ситуация и строение эксперимента одинаковы для всех и что все испытуемые до него успешно справились с заданиями, и интервьюер ими доволен. Немаловажно также, что ведущий стремится вызвать у испытуемого симпатию к своей личности, чему способствует внешность интервьюера, его динамика, соответствующая эстетическим эталонам воспринимающего. Всё это помогает опрашиваемому успокоиться, говорить свободнее. Эксперимент проводится в привычных для испытуемого помещениях — на заводе, в театре, в вузе, где молодые люди работают и учатся. Приведенные подробности необходимы, чтобы избежать ненужной экстраполяции полученных в эксперименте выводов; существует, кроме того, мнение об эмоциональном происхождении известных широкой публике парафонетических явлений. Причиной их также являются усталость, рассеяние внимания, увеличивающиеся к концу тестов. Испытуемый в ходе эксперимента может оказаться менее или более собранным: его может «одолевать» прошлое или будущее, а вырвать испытуемого из «жизненного контекста», как это делается при специальных подготовках, в данном случае не представлялось возможным. Иначе говоря, в поведении и речи проявляется, изменяя их показатели, взаимосвязь интеллектуальных процессов и функционального состояния испытуемого [6: с. 209–212].

Обнаруженные парафонетические средства «привязаны» к концу синтагм и носят, таким образом, суперсегментный характер, хоть и не сопровождают фонемы, как тон или интенсивность; в работе не затронуты видоизменения сегментов под влиянием эмоций (дифтонгизация гласных, например в женской манерной речи, палатизация согласных и проч.) или эмоциональная субституция фонем. Сюда также не вошли эмоциональные прерыватели речи, такие как смех, плач и т. д. О сверхсегментном характере парафонов свидетельствует их производность от процессов формирования высказывания с его стратегией и тактикой, когда семантика целого доминирует над дискретным смыслом слов и словосочетаний. Широко известны парафонетические явления при речевых переходах с низкой вероятностью, сопровождающих «превращение синтаксиса значений в синтаксис слов» (Л.С. Выготский). Этот специфический пограничный сигнал о внутреннем кодировании свойствен спонтанной речи и свидетельствует об усиленном размышлении, активном творческом процессе. При большем умственном напряжении число определенных парафонетизмов может возрасти. Это показал и наш эксперимент, в котором вопросы различались по степени трудности — от легкого до трудного. Оказалось, что степень трудности ответа находится в определенном соответствии с его объемом: легкие ответы, не содержащие парафонетизмов, чаще всего состоят из 1–2 слов, очень редко достигая десятка слов; соответственно, ответы, группирующиеся по степени вокруг трудного, бывают почти всегда многословными, обрастают присоединениями и насыщены парафонетизмами.

Природа парафонетизмов такова, что они, будучи, казалось бы, данными «от природы» (поскольку «всплывают» при внязыковом функционировании

речевого аппарата), вместе с тем зависят от культурной моды, а их оценка — от исторически сложившегося взгляда нации на образцы речевого поведения. Если качественное и количественное варьирование парафонетических явлений — составная часть в оценке культуры устной речи, то какова связь парафонетики с мышлением? О том, что многие из парафонетизмов — знак напряженного мыслительного процесса, говорилось выше. Вместе с тем известно, что означающее в речи связано с мышлением слабо, так что произношение, в отличие от употребления морфем, слов, конструкций, является в основном неконтролируемым, автоматизированным процессом. Уровень контроля, правда, существенно разнится от говорящего к слушающему. Для адресанта — это в значительной мере побочный продукт его сознательной деятельности, однако парафонетические явления несут определенную информацию, интуитивно учитываемую адресатом, а посылающий информацию может не иметь ни малейшего представления о том, как оценивается его речевое поведение в целом. Вместе с тем паузы в речи могут быть объяснены самим говорящим как этап контроля и селекции. Осознается и в произношении, и в парафонетике, например, нечто непривычное, лежащее за рамками усвоенных норм, или престижное — то, что связано с социальными ценностями [2: с. 75–81].

Парафонетические явления факультативны, как и социально-ситуативные варианты экспликативных средств, между их появлением и стратификационно-ситуативными причинными факторами нет и не может быть жесткой детерминированной связи. Вместе с тем, они в общем регулярны и можно говорить о наличии вероятностной коррелятивной зависимости и ее социолингвистической значимости для многих паралингвистических явлений.

Так, существует несомненная связь между социально-стилистическими особенностями произношения фонем в составе коммуникативных единиц и наличием в речи типов и количества парафонетизмов.

Парафонетизмы в определенной мере, как и некоторые типы интонации, междометий, служат выражением эмоций, не опосредованным мыслительной деятельностью, возникают как непосредственная реакция в связи с психофизиологическим состоянием организма. Будучи «природными» звуками, парафонетизмы малосистемны и с трудом могут считаться дискретными (как, впрочем, упомянутые типы интонации и междометий).

Литература

1. Ганиев Ж. В. Русский язык: Фонетика и орфоэпия / Ж.В. Ганиев. – М.: Высшая школа, 1990. – 176 с.
2. Ганиев Ж. В. Что значат неязыковые явления в фонетике? (Полный перечень русских литературных парафонетизмов) / Ж.В. Ганиев // Фонетика в системе языка. – Вып. 3.4.1. – М.: РУДН, 2002. – С. 75–81.
3. Николаева Т. М. О новых работах по паралингвистике / Т.М. Николаева, Б.А. Успенский // Вопросы языкознания. – 1965. – № 6. – С. 116–122.

4. Николаева Т. М. Языкознание и паралингвистика / Т.М. Николаева, Б.А. Успенский // Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. – М.: Наука, 1966. – С. 63–74.
5. Трубецкой Н. С. Основы фонологии: пер. с нем. / Н.С. Трубецкой. — М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. – 325 с.
6. Ganiyev Zh. V. Attribution of Russian Literary Paraphonetics / Zh.V. Ganiyev // Proceedings XIth CPhS. – Vol. 4. – Tallinn: Academy of Sciences of Estonian SSR, 1987. – P. 209–212.

Zh.V. Ganiev

Methodology and Method in Studying Paraphonetics

What remains in the signifier after the specific linguistic information is ‘taken-away’ — viz. types and number of gap fillers, prolongation of vowels and consonants, unusual vowel variations at the end of sense-groups, non-linguistic pauses etc. — functions in accordance with general norms of human behaviour as a part of language etiquette. In cases when linguistic norm is formed, among other factors, on the basis of ethical principle, — non-linguistic norms are in a sense alike the linguistic norm itself, or, to be more precise, they are similar to the most elementary norm — that of linguistic usage. Both types of norms appear to be forms of a speaker’s self-control, corresponding to his idea of his micro-environment’s expectations. Norms of usage of these ‘extralinguistic remains’ are realized only partly by society and are almost not codified.

Key words: paraphonetics; paraphonetic parentheses; non-linguistic modifications in the signifier; non-linguistic pauses; paraphonetisms and linguistic norm; parasite sounds.

References

1. Ganiev Zh. V. Russkij yazy’k: Fonetika i orfoe’piya / Zh.V. Ganiev. – М.: Vy’sshaya shkola, 1990. – 176 s.
2. Ganiev Zh. V. Chto znachat neyazy’kovy’e yavleniya v fonetike? (Polny’j perechen’ russkix literaturny’x parafonetizmov) / Zh.V. Ganiev // Fonetika v sisteme yazy’ka. – Vy’p. 3.4.1. – М.: RUDN, 2002. – S. 75–81.
3. Nikolaeva T. M. O novy’x rabotax po paralingvistike / T.M. Nikolaeva, B.A. Uspenskij // Voprosy’ yazy’koznaniya. – 1965. – № 6. – S. 116–122.
4. Nikolaeva T. M. Yazy’koznanie i paralingvistika / T.M. Nikolaeva, B.A. Uspenskij // Lingvisticheskie issledovaniya po obshhei i slavyanskoj tipologii. – М.: Nauka, 1966. – S. 63–74.
5. Trubeczkoj N. S. Osnovy’ fonologii: per. s nem. / N.S. Trubeczkoj. – М.: Izd-vo inostr. lit-ry’, 1960. – 325 s.
6. Ganiyev Zh. V. Attribution of Russian Literary Paraphonetics / Zh.V. Ganiyev // Proceedings XIth CPhS. – Vol. 4. – Tallinn: Academy of Sciences of Estonian SSR, 1987. – P. 209–212.

Н.М. Девятова

О местоимении *подобный* и его месте в системе языка

В статье рассматривается местоимение *подобный* и его место в местоименной системе русского языка. Значение местоимения объясняется доминантным признаком лексемы *подобный*, определяющим отношения единицы с контекстом и ее отличия от близких по значению местоимений *такой*, *такой же*.

Ключевые слова: сравнение; подобие; доминантный признак; местоимение «подобный».

В местоименной системе русского языка наряду с первообразными местоимениями *я*, *ты*, *он* и др., составляющими «исход» языковой системы [5], выделяются местоимения производные — *данный*, *указанный*, *вышеназванный*, *определенный* и т.п., сохраняющие отношения деривации с соответствующими номинативными единицами. В отличие от первичных местоимений, они «наращивают в себе компоненты номинативного значения» и «означают собственно и только связь компонентов текста» [5: с. 451]. В настоящей статье рассматривается одно из таких местоимений — местоимение *подобный*. Данное местоимение составляет часть значения лексемы *подобный*. Разные значения лексемы связаны общим доминантным признаком, объясняющим семантические особенности местоимения *подобный*. Цель настоящей статьи — продемонстрировать доминантный признак лексемы *подобный*, представить значение этого местоимения, объяснить особенности его отношений с контекстом и отличия от близких по значению местоимений *такой*, *такой же*, составляющих «исход» местоименной системы, предложить решение проблемы синонимии рассматриваемых местоимений.

В словарных толкованиях значение местоимения *подобный* объясняется при помощи местоимений *такой*, *такой же*. Например: «2. Такой, как этот. *Никогда не встречал подобных упрямцев*» (Словарь С.И. Ожегова).

Однако это не идентичные единицы. Близость этих местоимений — относительная; каждое из них обладает своей семантикой и сферой употребления.

Выявление особенностей местоимения *подобный* требует обращения к анализу другого значения лексемы — сравнительного. *Подобный* выступает¹ как сравнительный предикат, соединяющий два объекта сравнения, и реали-

¹ Особенности сравнительного значения конструкций со значением подобия рассматриваются в ряде статей автора [1–4].

зуется в разных грамматических вариантах: *подобно, наподобие, уподобить, уподобиться* и др.

Подобие как категория компаративного синтаксиса обладает спецификой в передаче сравнения. В отличие от конструкций с союзом КАК, в конструкциях со значением подобия сравнительная модель не получает полной реализации. Если в КАК-модели обычно реализуются все четыре компонента сравнительной модели — объект сравнения, эталон сравнения, общий признак и показатель сравнительного отношения, то в модели с предикатами подобия предикат является не только показателем сравнительного отношения, но и включает в себя значение признака сравнения. Ср.:

Как дерево роняет тихо листья, / Так я роняю грустные слова (С. Есенин).

Оказалось, что Аполлон Григорьев, невзирая на примерное рвение к наукам, успел, подобно мне, заразиться страстью к стихотворству, и мы в каждое свидание передавали друг другу написанное стихотворение (А. Фет).

Конструкции с КАК и ПОДОБНЫЙ различаются особенностями представления признака сравнения. КАК-конструкция может соотносить объекты сравнения на основании разных признаков. В приведенном примере с союзом КАК сравнение организовано вокруг случайного признака — *тихо говорить*. В конструкциях со значением подобия признак сравнения мыслится как существенный признак объекта. При сравнении лиц существенный признак передает идею существования, жизнедеятельности, поведения лица. В приведенном примере с *подобно* объекты сравнения — *я* и *Аполлон Григорьев* — обладают общим признаком — «принадлежность к поэтам»; признак «страсть к стихотворству» составляет существенную характеристику поэта. Или:

— *Вы, господин Фандорин, производите впечатление умного, зрелого человека. Неужто вы, подобно вчерашнему розовощекому офицеру, не понимаете, что нам сейчас не до чистоплюйства? Вы разве не видите, что идет самая настоящая война?* (Б. Акунин).

С точки зрения говорящего, чистоплюйство составляет отличительную особенность офицера.

При сравнении предметов общий признак сравниваемых объектов связан с функциональным предназначением предметов. Например:

Связки шин эффективно поглощают энергию, сжимаясь подобно пружине (НКРЯ — Национальный корпус русского языка).

Сравнительное и местоименное значение лексемы *подобный* различаются своим синтаксисом. В отличие от сравнительного значения, местоимение *подобный* соединяется с единственным объектом. Например:

— *Ну, будет, будет, — прервал сам себя консул. — Что-то мы с вами очень уж по-русски... Для подобных задушевностей требуется либо давняя дружба, либо изрядная доля выпитого, а мы едва знакомы и совершенно трезвы. Посему давайте-ка лучше вернемся к делу* (Б. Акунин).

Местоимение *подобный*, как и сравнительный предикат *подобный*, обладает тем же доминантным признаком и выделяет в объекте его существенный

признак. Как и прилагательное *подобный*, местоимение *подобный* имеет широкий спектр употреблений. Это 1) свободная в своем употреблении форма *подобный*, 2) фразеологически связанные *нечто подобное*, *ничего подобного*, *и тому подобное*.

Местоимение *подобный* выполняет анафорическую функцию, замещая определенный фрагмент предшествующего контекста. Специфика его значения объясняется его связью с контекстом. Местоимение *подобный* замещает контексты определенного типа.

Особенность местоимения *подобный* состоит в том, что оно устанавливает такую связь с предшествующим контекстом, при которой замещает не отдельный признак, а целую ситуацию. Например:

Названное тобой по имени значительное лицо, раз уж оно не устрашилось похитить даму из рода Хованских и умертвить ее слуг, наверняка проживает в столице. Я полагаю, мой скрытный друг, что во всей России сыщется только один сладострастник, которому подобное злодейство сойдет с рук (Б. Акунин).

Ситуация, замещаемая местоимением *подобный*, имеет свой «сценарий», свою внутреннюю структуру. Ср.: подобное злодейство — это похитить даму, умертвить слуг.

Значение *подобный*, однако, не исчерпывается тем, что оно является знаком замещенной ситуации. Местоимение не только замещает, но и «обобщает» представленную ситуацию, возводит ее до некоего эталона. Ср.: Подобное злодейство — это злодейство, которое исходит от таких людей.

В отличие от местоимения *подобный* местоимение *такой* соотносится с отдельным признаком, а не целой ситуацией. Ср.:

Кажется, ему удалось довести до ее сознания, что нужно: он грубый, неотесанный и вообще не такой, как она себе придумала, бегать с ней на свидания он не будет из-за нехватки свободного времени, а так он с дорогой душой, всегда готов оценить ее неземную красоту (А. Маринина).

Различие *подобный* и *такой* во многом объясняются характером их отношения с контекстом. *Подобный* вступает в отношения лишь с «левым» контекстом. *Такой* не исключает отношений и с «правым» контекстом и часто допускает конкретизацию признака. Например:

Богopodobная Фелица была вся такая: толстая, раздутая, будто едва втиснувшаяся в платье (Б. Акунин).

Содержательные различия между *подобный* и *такой* обнаруживаются и в их сочетаемости.

Особенности значения *подобный* объясняют возможность одних сочетаний и исключают другие. Так, *подобный*, как и *такой*, допускают сочетания с личными именами. В таком соединении, как и при выражении сравнительного значения, выявляются существенные признаки лица, актуализируется доминантный признак — связь с поведенческой сферой лица. Например:

Версии появлялись каждый день, ибо сомнительные, с точки зрения оперативников, личности возникали в окружении Валерия на каждом шагу. Кто-

то был связан с наркотиками, кто-то «шестерил» на криминалитет, кто-то был ранее судим. И о каждом из подобных персонажей нужно было наводить дополнительные справки и выяснить, где они проводили время в момент убийства Фризе (А. Маринина). Ср.: подобные персонажи — те, кто ведет себя соответствующим образом; те, кто живет так же.

Способность обобщать ситуацию, характерная для местоимения *подобный*, связана и с грамматическими характеристиками сочетающегося с ним имени. Существительное, сочетающееся с местоимением, имеет форму мн. ч. в его нереперентном значении или форму ед. ч. в родовом употреблении. Ср.: *подобные субъекты, экземпляры, общества; подобное общество, публика* и т.п.

Особый случай употребления *подобный* с личными именами — фразеологизированное сочетание *себе подобные*. Сочетание имеет значение «те, кто ведет такой же образ жизни, принадлежит к тому же социальному слою; обладает соответствующими внутренними качествами». Например:

Если же он с юности требует от жизни немедленного предъявления правды как некоего служебного удостоверения, то он не художник, потому что не страдает себе подобным, а поминутно тащит их на Божий суд. (Д. Рубина). Или:

Ей полагалась нянька в отдельное пользование и индивидуальный уход. Она спала сколько хотела, потом ее кормили и водили гулять в песочницу, где Ниночка общалась с себе подобными (В. Токарева).

При сравнении употреблений *подобный* и *такой* можно заметить и их своеобразное распределение между некоторыми контекстами. Так, в контексте предметных существительных употребляется *такой* и не употребляется *подобный*. Например:

— *Слушай, нельзя в твоём возрасте быть таким сентиментальным. Это не первый и не последний мой подарок тебе. В конце концов стеклянная посуда всегда бьётся, на то она и стеклянная. Ну не расстраивайся, дорогой мой, я тебя прошу. Хочешь, я пойду и куплю точно такие же?* (А. Маринина). Ср.: * куплю *подобные*.

Такой является заместителем прилагательного, называющего один из признаков предмета.

Наоборот, в соединении с существительными, называющими признак — действие, ситуацию, абстрактное понятие, — употребляется *подобный* и не употребляется *такой*. Приведем некоторые примеры возможных сочетаний: *подобные случаи, подобные эмоции, подобные болезни, подобные цены; подобное обращение, подобная роскошь, подобная проблема, подобная бестактность, подобная литература* и др. Например:

Несколько раз взрывался молодой и сильный смех женщины. Красивый, низкий и свободный смех. Кокетки глупенькие так не смеются. Нужно быть достаточно привлекательной, чтобы позволить себе подобную роскошь (Д. Рубина).

Другие местоименные варианты — *ничего подобного, нечто подобное, что-нибудь подобное* — выявляют те же отношения с предшествующим кон-

текстом, что и вариант *подобный*. Они также замещают собой целую ситуацию. Например:

В нее [книгу] надо было вчитываться. Когда я это сделал, я ахнул от открывшейся мне бездны чистоты и силы. Ничего подобного нигде кругом не существовало. (Б. Пастернак). Ср.: того, что я увидел и понял; того, что есть в книге.

Сближаясь с *подобный*, этот вариант местоимения отличается от него тем, что не поднимается до обобщения ситуации, не может представить ее как эталон. В таком употреблении это местоимение ближе к местоимению *такой*. Однако и здесь различие между ними существенное. Более ярко оно обнаруживается в сочетании *нечто подобное, нечто такое*. Например:

Он изобразил нечто такое, от чего у меня захватило дыхание.

Такой здесь не только представляет признак, но и выражает его высокую степень проявления. Конкретизируясь в правой части, признак представляется как результат его воздействия на воспринимающего субъекта.

Особое значение сочетания *ничего подобного* проявляется при выражении реакции на сообщение собеседника. *Ничего подобного* представляет один из способов выражения категорического несогласия с изложенной точкой зрения. Например:

Казалось бы, горе должно отодвинуть неуместную страсть. Но ничего подобного. Марина топила свое горе в любви, от этого любовь становилась выше, полноводнее, как уровень воды в водоеме, если туда погрузить что-то объемное (В. Токарева);

— *Кто тебе сказал, что я ненавижу Дере?* — *Она тут же ответила: Дере! Значит, дело серьезно!*

— *Он просто тебя недостойн, и я это вижу. Не красавец, да и зануда редкостный.*

— *Значит, мы друг друга стоим.* — *Маргарита невольно улыбнулась.*

— *Ничего подобного! Он тебя законсервировал. Подавил твои желания.* (Н. Андреева).

Связь с предшествующей ситуацией обнаруживает и фразеологизм *и тому подобное*: «выражение, указывающее, что дальше могут быть перечислены предметы, явления, действия, признаки» (СО — Словарь Ожегова). Например:

Туристы стояли вялые, безучастные. Когда хочется спать, не хочется уже ничего. Природа пристально отслеживает свои интересы и моментально мстит за недостаток сна, еды, питья и так далее и тому подобное (В. Токарева).

Анализ местоименных вариантов лексемы *подобный* и сравнение ее с местоимением *такой* показал, что между такими местоимениями общность значения ограничивается указанием на признак. Различия же между ними достаточно значительные. Прежде всего это разное отношение единицы с контекстом. Местоимение *подобный* замещает целую ситуацию, тогда как *такой* представляет один из признаков ситуации. Самое существенное различие заключается в том, что только *подобный* способно обобщать ситуацию, возводя ее до эталона. На основании изложенного можно сделать вывод о том, что

вопрос о синонимии местоименных единиц должен быть решен отрицательно. Нет таких контекстов, в которых местоимения свободно бы заменяли друг друга, не утратив присущие им значения.

Анализ значений и употреблений местоимения *подобный* на фоне других употреблений лексемы *подобный* позволил увидеть ее внутреннюю целостность. Во всех вариантах своего употребления лексема *подобный* может рассматриваться как целостная лингвистическая единица, единство которой базируется на общем доминантном признаке, представляющем сущностный признак лица, предмета, ситуации.

Литература

1. Девятова Н. М. Концепты сходства и подобия в русском языке и их лингвистическое выражение / Н.М. Девятова // *Xorijiy Filologiya*. – Samarkand. – 2006. – № 2. – С. 13–15.
2. Девятова Н. М. *Подобно и как*: к проблеме синтаксической синонимии / Н.М. Девятова // X Виноградовские чтения. Текст и контекст: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты: сборник статей по материалам Международной научной конференции (15–17 ноября 2007 года). – Т. I. – Ч. II. – М.: МГПУ, 2007. – С. 88–91.
3. Девятова Н. М. ПОДОБНО и КАК: о сравнительных моделях с предметными актантами / Н.М. Девятова // Текст. Структура и семантика: Доклады XI международной конференции. – Т. II. – М.: Изд-во МГОПУ, 2007. – С. 220–225.
4. Девятова Н. М. Подобие как объект компаративного синтаксиса / Н.М. Девятова // *Mogus ir zodis*. – Vilnius, 2007. – № III. – С. 19–25.
5. Шведова Н. Ю. Деиктическая система языка. Языковой смысл / Н.Ю. Шведова // Шведова Н.Ю. Русский язык. Избранные работы / Н.Ю. Шведова. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 639 с.

N.M. Devyatova

On the Pronoun Similar (*Podobny*) and its Place in the Pronominal System of the Russian Language

The article describes pronoun *podobny* (similar) and its place in the pronominal system of the Russian language. The meaning of pronoun is determined by the dominant feature of the lexeme ‘similar’ governing the relations between the unit and its context and distinguishing it from similar pronouns ‘the same’, ‘the same as’.

Key words: comparison; similarity; dominant feature; pronoun similar (*podobny*).

References

1. Devyatova N. M. Koncepty' shodstva i podobiya v russkom yazy'ke i ix lingvisticheskoe vy'razhenie / N.M. Devyatova // *Xorijiy Filologiya*. – Samarkand, 2006. – № 2. – S. 13–15.

2. *Devyatova N. M. Podobno i kak: k probleme sintaksicheskoj sinonimii / N.M. Devyatova // X Vinogradovskie chteniya. Tekst i kontekst: lingvisticheskiy, literaturovedcheskiy i metodicheskiy aspekty': sbornik statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (15–17 noyabrya 2007 goda). – T. I. – Ch. II. – M.: MGPU, 2007. – S. 88–91.*
3. *Devyatova N. M. PODOBNO i KAK: o sravnitelny'x modelyax s predmetny'mi aktantami / N.M. Devyatova // Tekst. Struktura i semantika: Doklady' XI mezhdunarodnoj konferencii. – T. II. – M.: Izd-vo MGOPU, 2007. – S. 220–225.*
4. *Devyatova N. M. Podobie kak ob'ekt komparativnogo sintaksisa / N.M. Devyatova // Mogus ir zodis. – Vilnius, 2007. – № III. – S. 19–25.*
5. *Shvedova N. Yu. Deikticheskaya sistema yazy'ka. Yazy'kovej smy'sl / N.Yu. Shvedova // Shvedova N. Yu. Russkij yazy'k. Izbranny'e raboty' / N.Yu. Shvedova. – M.: Yazy'ki slavyanskoj kultury', 2005. – 639 s.*

В.В. Калугин

Дательный самостоятельный в русском гексаметре

*(Окончание. Начало статьи см. в «Вестнике МГПУ»
серии «Филологическое образование», 2009, № 2 (3), с. 18–26.)*

Статья посвящена синтаксическому обороту *дательный самостоятельный* в «Тилемахиде» В. К. Третьяковского. Впервые выявлено, изучено и описано 44 примера ДС в структуре поэмы, рассмотрены особенности его употребления в связи с языковыми установками позднего Третьяковского. ДС входит в набор признаков «славено-российского» языка, воспринявшего синтаксическое своеобразие греческого и церковнославянского языков. Вместе с тем эта конструкция является частью русского гомеровского гексаметра и русского гомеровского языка, создавая особую архаичную норму.

Ключевые слова: «Славено-российский» язык; дательный самостоятельный; синтаксис; придаточное предложение; гексаметр.

Подведем итог. Из 44 примеров ДС трижды включает в себя два разных причастия. Однажды причастия находятся в отношениях однородного соподчинения (№ 11) и дважды они соединены последовательным подчинением (№ 37, 41).

ДС используется начиная с первой книги, но неравномерно. Он отсутствует в восьми книгах «Тилемахиды». Шесть из них приходятся на первую половину поэмы (кн. 2, 4–6, 10, 11) и только две книги — на вторую часть (кн. 18, 22).

В первых 13 книгах оборот встречается изредка, от случая к случаю — всего семь раз (кн. 1336, 3118, 73, 867, 947, 12532, 13540). Такое положение дел резко меняется в 14-й книге. Начиная с нее число оборотов с ДС возрастает более чем в пять раз и составляет 37 примеров (кн. 14204, 242, 313, 527, 15301, 316, 1664, 80, 101, 152, 228, 284, 316, 523, 17512, 563, 584, 19281, 2042, 346, 397, 429, 529–530, 596–597, 804, 21367, 431, 460, 479, 507, 23465, 24243, 320, 481, 594, 688). В одной только 16-й книге ДС использован восемь раз.

Резкая активизация ДС никак не связана, разумеется, с языком оригинала, где конструкции вроде греческого *genetivus absolutus* или латинского *ablativus absolutus* не существует. Причины тому не внешние, а внутренние. До 14-й книги «Тилемахиды» Третьяковский не определился окончательно с ДС, но затем он решительно утверждает оборот в славено-российском языке героической поэмы. В этом смысле можно говорить о нарастающей славяни-

зации перевода и ее усилении во второй половине книги. Такого обилия ДС больше неизвестно в светской литературе XVIII–XIX вв.

По общему правилу, субъекты ДС и главной части должны быть разными. Главная часть может начинаться вводно-указательной частицей *се*, что придает еще бóльшую независимость ДС (№ 8, 10, 15, 32, 44). Однако отступление от закона разносубъектности иногда встречается в ДС даже в библейских книгах (*Исх* 4: 21; *Иер* 31: 32; *2 Кор* 2: 13) [1: с. 245–246]. Третьяковский отвергает такие конструкции как ненормативные. Он использует придаточное предложение или деепричастный оборот с его правилом односубъектности, сформулированным еще Ломоносовым в «Российской грамматике» (§ 532) [11: с. 566–567]. Четкое разграничение ДС и деепричастия позволило Третьяковскому избежать распространенных ошибок, нарушающих закон односубъектности в предложениях с деепричастиями под влиянием французского или русского народного языка. Ср., например, стоящие рядом ДС (№ 4) и деепричастный оборот: «Сии вещая слова, вспламенён Аркисий казался / Божеским неким огнем...» (кн. 19268–269, с. 523) и далее: «Так вещав, ощутил Аркисий...» (кн. 19555, с. 529).

ДС выражает относительное время. Если действия главной части предложения и ДС синхронны, то причастие ставится в форме настоящего времени. Если действие ДС полностью или хотя бы частично предшествует действию главной части предложения, то причастие принимает форму прошедшего времени. Это происходит и при указании на «преждебудущее» время. Трижды в ДС причастие прошедшего времени выражает будущее действие, которое предшествует будущему действию главной части предложения (№ 29, 31, 36).

Представления об одновременности и предшествовании действия нередко субъективны. Поэтому у разных авторов в одних и тех же контекстах оно может выражаться различно. Ср. пример № 38 и Великий канон Андрея Критского (песнь 4-я): «... чертѣг заключи́ся, мне спя́щу...» [2: с. 122]. В евангельском парафразе Андрея Критского причастие в форме настоящего времени может быть обусловлено источником: «Косня́щу же жениху́, воздрема́шася вся и спа́ху», «Иду́щымъ же ѿмъ купи́ти, при́де жени́хъ... и затворѣны быша двѣри» (*Мф* 25: 5, 10).

ДС может относиться к деепричастному обороту (№ 42) и к другому ДС (№ 37, 41). Более чем в 90% ДС выражает только временные отношения. Дважды оборот осложнен дополнительными обстоятельственными оттенками значения, условно-временными (№ 35, 36). Шесть раз он содержит указание на причину (№ 14, 19, 37, 41, 42, 43). И в церковных книгах ДС употребляется чаще всего вместо придаточного предложения времени и намного реже — вместо придаточного причины, условного или уступительного.

В церковных текстах иногда встречается ДС с соответствующим его значению подчинительным союзом времени, причины и др. Это делалось для того, чтобы избежать синтаксической многозначности оборота и четко обозначить его смысл. Так, например, поступил славянский переводчик в Великом каноне Андрея Критского (песнь 7-я): «Кивѣт ѿко ношашеся на колеснице, Зан ѡный, егда превращшуся тельцу́, то́чию косну́ся, Бѣжиим искуси́ся гнѣвом...». Пе-

ревод Н. Кедрова 1914 г.: «Когда ковчег везом был на колеснице, то известный Оза, в то время как телец свернул в сторону, лишь только прикоснулся, испытал на себе гнев Божий...» (2 Цар 6: 6–7) [1: с. 82, 83, 256]. В «Тилемахиде» нет ни одного примера ДС с подчинительным союзом.

§ 5. ДС в русском гексаметре после «Тилемахиды». Трелиаковский превратил французский прозаический роман в героическую поэму послегомеровского эпоса. Своим переводом он дал «свод русского гомеровского языка», как точно заметил Л.В. Пумпянский [8: с. 68]¹. Опыт Трелиаковского, непонятого и осмеянного современниками, пригодился позднее, во время кризиса классицизма и исканий подлинной античности в начале XIX в. Упорным филологическим трудом Трелиаковский подготовил почву, на которой появились классические переводы Гомера: «Илиада» Н.И. Гнедича и «Одиссея» В.А. Жуковского.

Несмотря на критику тяжеловесных гексаметров Трелиаковского [7: с. 419], его стихотворный размер и архаизованный стиль воспринял и усовершенствовал Гнедич. В «Илиаде» Гомера в его переводе (1813–26, изд. 1829) ДС встречается гораздо реже, чем в «Тилемахиде»: 16 примеров против 44 (кн. 4175, 5500, 773, 6175, 297, 7313, 8433, 974, 10224, 302, 12200, 1572, 190, 21289, 22383, 2338) [7: 53/452, 71/459, 77/462, 85/465, 87/467, 99/470, 113/473, 118/475, 138/481, 139/482, 169/488, 208/498, 211/499, 302/520, 318/524, 323/525]. Еще один пример допускает двоякое толкование: «...Царь Одиссей положил и означил приметою видной... / Чтобы его не минуть им, идущим под сумраком ночи» (кн. 10466, 468) [7: 143/482]. Форма дательного падежа может быть обусловлена глагольным управлением. (В ссылках после косой черты указаны страницы комментариев А.И. Зайцева к ДС в переводе Гнедича.)

При этом прослеживается любопытная закономерность. Если во второй половине «Тилемахиды» число ДС резко возрастает: 6 примеров против 38, то Гнедич гораздо реже прибегает к этому обороту именно во второй части перевода: 11 примеров против 5. Сначала Трелиаковский использует ДС почти в два раза меньше, чем Гнедич, но потом резко архаизирует свой язык. Гнедич же не пошел за Трелиаковским в его чрезмерном увлечении церковнославянскими. Он использует ДС умеренно, постепенно сокращая его употребление. В 8 книгах «Илиады» из последних 12 ДС вообще отсутствует.

Не удивительно, что Гнедич, разделявший взгляды писателей-архаистов, использует ДС. Но к этому обороту прибегал и первопроходец русского романтизма Жуковский. С 1814 г., тотчас за Гнедичем, он обратился к гексаметру. ДС встречается в его ранних переводах античных авторов, выполненных с латыни. Еще Ф.И. Буслаев отметил ДС в отрывке «Цейкс и Гальциона» из «Метаморфоз» Овидия (1819): «...Вдруг с волной упадет [корабль. — В.К.] и, кругом взгроможденному морю, / Видит как будто из адския бездны далекое небо» [10: с. 237; 4: с. 466]. В свою очередь укажем, что переводчик прибегает к ДС там, где в латинской поэме нет конструкции *ablativus absolutus*. Так Жу-

¹ 2-я глава цитируемого учебника [8] — «Кантемир, Трелиаковский», с. 49–78 написана Л.В. Пумпянским.

ковский передает *perfectum praesens* в 3 л. ед. ч.: «...Nunc, ubi demissam curvum circumstetit aequor, / Susplicere inferno summum de gurgite caelum» («Метаморфозы», кн. 11505–506, Кеик и Алкиона) [10: с. 236].

В «Разрушении Трои», во второй книге из «Энеиды» Вергилия (1822), выбор ДС Жуковским обусловлен латинским оригиналом: «Но... богам отравившимся, поздно вверяться надежде!» [10: с. 271]. Так поэт переводит латинский *ablativus absolutus*: «Neu nihil invitis fas quemquam fidere divis!» (кн. 2402) [10: с. 270]. (В латинском обороте в значении логического сказуемого могут употребляться отглагольные прилагательные, например, *invitus* ‘поступающий против воли’ и т.п.)

Впоследствии Жуковский отказался от ДС, так как с годами все больше стремился к простоте и естественности поэтического языка. Отказавшись от рифмы, он обратился к стилистическим возможностям гексаметра и белого стиха в области «повествовательной» поэзии. Эти художественные искания нашли логическое завершение в его переводе «Одиссеи» (1842–44 и 1848–49). Здесь Жуковский весьма умеренно прибегает к церковнославянизмам. И специфически книжному обороту ДС не нашлось среди них места.

§ 6. ДС за пределами гексаметра. ДС использовал Н.И. Новиков, имитируя речь духовенства в церковнославянском письме отца Тарасия в «Живописце»: «...видех аз толико бесчинна, яко возьму ему сткляницу вина церковным гласом дерзновенно воспети о ней сицевое блядословие, возвеселится пьяница о стклянице и уповаеет на вино» [12: с. 122]. Последние слова пародируют прокимен вторника 7-го гласа: «Возвеселится праведникъ о Господе и уповаеет на Него» (Пс 63: 11). Пародия сочинена в духе знаменитой «Службы кабаку» и шуток на «всепьянейших соборах» «протодьякона» Петра I.

Не без влияния Ломоносова и Тредиаковского к ДС неоднократно обращался А.Н. Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» (1790) [14: с. 41, 55, 59, 63, 67], где пытался реабилитировать Тредиаковского. Незадолго до смерти Радищев написал в защиту «Тилемахиды» и ее гексаметров иронический «Памятник дактило-хореическому витязю...».

В то же самое время молодой А.Х. Востоков прибегал к ДС даже в четырехстопном ямбе русской сказки «Светлана и Мстислав» (1802): «Наставшу утру, возвратился / Мстислав с Светланой в Киев град» (отмечено в кн.: [3: с. 397]). Ср. в «Тилемахиде»: «Битвы наставшу дню...» (№ 28) и Остромировом Евангелии 1056–57 гг., изданным Востоковым сорок лет спустя: «оутроу же бывъшоу...» [13: 163г]. Будущий академик принадлежал к литературному направлению писателей-архаистов и был членом «Беседы любителей русского слова».

§ 7. Заключение. ДС не оказался эпизодом в творчестве одного Тредиаковского. Этот оборот с почти 1000-летней историей крайне неохотно покидал литературный язык и был жив еще в 20-х гг. XIX в. Попытки использовать его в стихах и прозе делали разные писатели, начитанные в церковнославянских книгах. «Илиада» в переводе Гнедича — последняя яркая вспышка церковнославянского языка в русской художественной литературе. После нее, с 30-х гг.

XIX в., не было ни одного значительного произведения, созданного под большим влиянием церковнославянского языка. В это время ДС заканчивает свое существование как активно действующий оборот, а если иногда и появляется позднее, то только как средство стилизации или в устойчивых книжных формулах. «Богу изволившу...» — пишет современный поэт Олег Столяров в гексаметрах о встрече со своей будущей женой [16: с. 176].

Литература

1. *Алипий, иер. (Гаманович)*. Грамматика церковнославянского языка / иер. Алипий (Гаманович). — М.: Паломникъ, 1991. — 271 с.
2. *Андрей, преп. (Критский)*. Великий канон. Творение святого преподобного Андрея Критского (с параллельным русским переводом) / преп. Андрей Критский. — М.: Сретенский монастырь, 2008. — 336 с.
3. *Булаховский Л. А.* Курс русского литературного языка / Л.А. Булаховский. — Т. 2. Исторический комментарий. — 4-е изд. — Киев: Радянська школа, 1953. — 436 с.
4. *Буслаев Ф. И.* Историческая грамматика русского языка / Ф.И. Буслаев. — [6-е изд.] — М.: Учпедгиз, 1959. — 624 с.
5. *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков / В.В. Виноградов; науч. ред. В.П. Вомперский, Н.И. Толстой. — 3-е изд. — М.: Высшая школа, 1982. — 329 с.
6. *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха: Метрика, ритмика, рифма, строфика / М.Л. Гаспаров. — М.: Наука, 1984. — 319 с.
7. *Гомер*. Илиада / Гомер; пер. Н.И. Гнедича; изд. подгот. А.И. Зайцев; [отв. ред. Я.М. Боровский]. — Л.: Наука, 1990. — 572 с. — (Литературные памятники).
8. *Гуковский Г. А.* Русская литература XVIII века: учебник / Г.А. Гуковский. — М.: Аспект Пресс, 2003. — 456 с.
9. *Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII века / В.М. Живов. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. — 591 с.
10. Зарубежная поэзия в переводах В.А. Жуковского / В.А. Жуковский; сост. А.А. Гугнин. — Т. 1. — М.: Радуга, 1985. — 608 с.
11. *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений / М.В. Ломоносов. — Т. 7. Труды по филологии. 1739–1758 гг. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. — 996 с.
12. Н.И. Новиков и его современники. Избранные сочинения / АН СССР; Ин-т философии; [под ред. и с предисл. И.В. Малышева; подбор текстов и примеч. Л.Б. Светлова]. — М.: Изд-во АН СССР, 1961. — 535 с.
13. Остромирово Евангелие 1056–1057 года по изданию А.Х. Востокова. — М.: Языки славянских культур, 2007. — 968 с.
14. *Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность: [Ода] / А.Н. Радищев; изд. подгот. В.А. Западов. — СПб.: Наука, 1992. — 670, [1] с.
15. Словарь русского языка XVIII века. — Вып. 14. — СПб.: Наука, 2005. — 280 с.
16. *Столяров О. О.* Номо homini / О.О. Столяров. — М.: Линкор, 2009. — 187 с.
17. *Тредиаковский В. К.* Лирика, «Тилемахида» и другие сочинения / В.К. Тредиаковский; [сост. Г.Г. Исаев, Г.Г. Глинин, Т.Ю. Громова]. — Астрахань: Астраханский университет, 2007. — 624 с.

18. Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни / Б.А. Успенский. – М.: МГУ, 1985. – 216 с.

V. V. Kalugin

Dativus Absolutus in Russian Hexameter

The article deals with the syntactic unit of *Dativus Absolutus* in the «*Tilemakhida*» by V.K. Trediakovsky. For the first time 44 examples of DA are shown up in the structure of the poem, described and investigated, the peculiarities of its usage are also considered in connection with language notions of Trediakovsky in his later years. DA is included in the set of features of the «*Slaveno-Rossiysky*» language which acquired the syntactic peculiarities of Greek and Old Church Slavonic. At the same time this construction appears to be a part of Russian Homeric hexameter and Russian Homeric language taking part in the formation of a peculiar archaic norm.

Key words: the «*Slaveno-Rossiyskij*» language; *Dativus Absolutus*; syntax; subordinate clause; hexameter.

References

1. *Alipij, ier. (Gamanovich)*. Grammatika cerkovnoslavyanskogo yazy'ka / ier. Alipij (Gamanovich) – М.: Palomnik", 1991. – 271 s.
2. *Andrej, prep. (Kritskij)*. Velikij kanon. Tvoreniye svyatogo prepodobnogo Andreya Kritskogo (s parallel'nym russkim perevodom) / prep. Andrej Kritskij. – М.: Sretenskij monastyr', 2008. – 336 с.
3. *Bulaxovskij L. A.* Kurs russkogo literaturnogo yazy'ka / L.A. Bulaxovskij. – Т. 2. Istoricheskij kommentarij. – 4-e izd. – Kiev: Radyan'ska shkola, 1953. – 436 s.
4. *Buslayev F. I.* Istoricheskaya grammatika russkogo yazy'ka / F.I. Buslayev. – [6-e izd.] – М.: Uchpedgiz, 1959. – 624 s.
5. *Vinogradov V. V.* Oчерki po istorii russkogo literaturnogo jazy'ka XVII–XIX vekov / V.V. Vinogradov; nauch. red. V.P. Vomperskij, N.I. Tolstoj. – 3-e izd. – М.: Vy'sshaya shkola, 1982. – 329 s.
6. *Gasparov M. L.* Oчерk istorii russkogo stixa: Metrika, ritmika, rifma, strofika / M.L. Gasparov. – М.: Nauka, 1984. – 319 s.
7. *Gomer. Iliada / Gomer*; per. N.I. Gnedicha; izd. podgot. A.I. Zaicev; [otv. red. Ya.M. Borovskij]. – L.: Nauka, 1990. – 572 s. – (Literaturny'e pamyatniki).
8. *Gukovskij G. A.* Russkaya literatura XVIII veka: uchebnik / G.A. Gukovskij. – М.: Aspekt Press, 2003. – 456 s.
9. *Zhivov V. M.* Yazy'k i kultura v Rossii XVIII veka / V.M. Zhivov. – М.: Shkola «Yazy'ki russkoj kultury'», 1996. – 591 s.
10. *Zarubezhnaya poe'ziya v perevodax V.A. Zhukovskogo / V.A. Zhukovsky*; sost. A.A. Gugin. – Т. 1. – М.: Raduga, 1985. – 608 s.
11. *Lomonosov M. V.* Polnoe sobranie sochinenij / M.V. Lomonosov. – Т. 7. Trudy' po filologii. 1739–1758 gg. – М.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1952. – 996 s.

12. N.I. Novikov i ego sovremenniki. Izbranny'e sochineniya / AN SSSR; Institut filosofii; [pod red. i s predisl. I.V. Maly'sheva; podbor tekstov i primech. L.B. Svetlova]. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1961. – 535 s.
13. Ostromirovo Evangelie 1056–1057 goda po izdaniyu A.X. Vostokova. – M.: Yazy'ki slavyanskix kultur, 2007. – 968 s.
14. *Radishhev A. N.* Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu. Volnost': [Oda] / A.N. Radishhev; izd. podgot. V.A. Zapadov. – SPb.: Nauka, 1992. – 670, [1].
15. Slovar' russkogo jazy'ka XVIII veka. – Vy'p. 14. – SPb.: Nauka, 2005. – 280 s.
16. *Stolyarov O. O.* Homo homini / O.O. Stolyarov. – M.: Linkor, 2009. – 187 s.
17. *Trediakovskij V. K.* Lirika, «Tilemaxida» i drugie sochineniya / V.K. Trediakovskij; [sost. G.G. Isaev, G.G. Glinin, T.Ju. Gromova]. – Astraxan': Astraxanskij universitet, 2007. – 624 s.
18. *Uspenskij B. A.* Iz istorii russkogo literaturnogo yazy'ka XVIII – nachala XIX veka. Jazy'kovaya programma Karamzina i eyo istoricheskie korni / B.A. Uspenskij. – M.: MGU, 1985. – 216 s.

С.В. Лихачев

Опыт коммуникативного анализа общественных надписей

В статье разрабатывается методика анализа коммуникативных особенностей надписей. В основу разработки положена информационно-кодовая модель коммуникации, дающая возможность использования методики для компьютерной программы.

Ключевые слова: автор; адресат; надпись; коммуникация; компьютер.

Общественные надписи, то есть такие полезные надписи, для использования которых не обязательно знакомство автора и адресата, занимают в нашей жизни все большее место и позволяют решать все больше задач. Возникнув в виде вывесок и ярлыков в период появления массовой грамотности, они успели стать объектом внимания классиков русской литературы [4–9]. За этим первым опытом осмысления коммуникативных особенностей надписей, чаще всего сатирического или юмористического, не заставили себя ждать и другие. В XX веке стало нормой воспроизведение надписей в газетных и журнальных статьях. В то же время материал, все время останавливающий на себе взгляд, стали замечать лингвисты. Однако научное обращение к надписям чаще ограничивается лишь декларативными утверждениями или попутными замечаниями [1: с. 136; 2: с. 331; 5: с. 473; 9: с. 380]. Пристальное внимание к надписям проявили непрофессионалы, давая опыты довольно пространным и наукообразным описаниям надписей. (<http://ano.newmail.ru/other/avtotatu.htm>, дата обращения: 19.10.2009). Тем не менее, комплексному коммуникативному анализу общественные надписи не подвергались. Между тем современная гуманитарная наука имеет возможности для такого анализа. Учитывая незаменимость надписей в жизни общества и проявляемый к ним интерес, полезно будет провести их анализ с коммуникативных позиций. В результате должна появиться классификация надписей по коммуникативным свойствам, свободная от названий, содержащих компонент эмоционального отношения, таких как «ярлыки», «бирки».

Чтобы выработать инструмент коммуникативного анализа надписей, нужно опираться на модель, детально изображающую структуру коммуникации. Таких, более или менее разработанных моделей известно несколько: информационно-кодовая, инференционная, интеракционная и др. [6: с. 33] Выбрать, следуя традиции, одну из них а priori, чтобы затем использовать для построения последовательности анализа было бы неоправданно, так как теория коммуникации молодая отрасль знаний, где нет еще академической однозначности. Следовательно, нуж-

но анализировать материал применительно ко всем известным моделям, чтобы определить наиболее соответствующую особым коммуникативным условиям, в которых используется надпись. Однако в рамках одной статьи ограничимся лишь первой, информационно-кодовой моделью.

Информационно-кодовая модель восходит к схеме речевой деятельности, предложенной еще в «Курсе общей лингвистики» Фердинандом де Соссюром (см. рис. 1). Причем Ф. де Соссюр указывал на сложность процесса: «понятие» ассоциируется со знаком, знак переводится в акустический образ, органы речи получают соответствующий импульс, звуковые волны достигают ушей собеседника и т.д. [10: с. 98].

Рис. 1. Схема речевой деятельности Ф. де Соссюра.

Позднейшие версии информационно-кодовой модели, безусловно, детализируют схему Ф. де Соссюра, кроме того абстрагируют ее от обстоятельств передачи устной речи, делая таким образом применимой и к письменной речи (что необходимо для изучения надписей), и к машинному общению. Все это позволяет информационно-кодовой модели коммуникации стать хрестоматийно известной в нескольких принципиально схожих вариантах: например, модель Шенонна-Уивера (рис. 2), где учитывается шум [6: с. 33].

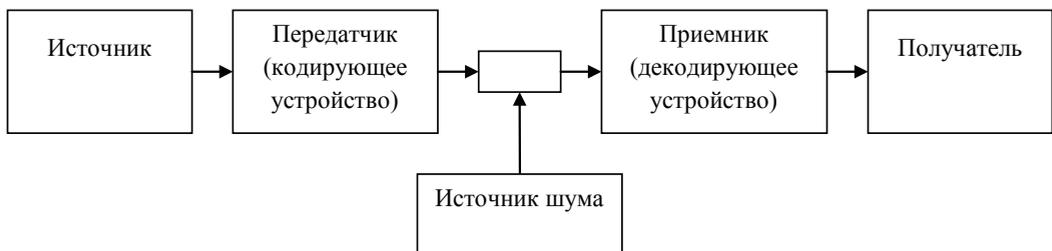

Рис. 2. Информационно-кодовая модель коммуникации.

В моделях М. де Флера и Осгуда-Шрама [8: с. 135] появляется обратная связь. Затем В.П. Морозов предполагает необходимость учета невербальной (экстралингвистической) информации наряду с лингвистической, возникает

идея взаимодополнения и взаимодействия вербального и невербального каналов общения. В этом проявляется отказ от однозначного понимания коммуникации как процесса опирающегося только на код [7: с. 578].

В разработках, связанных с информационно-кодовой моделью, накапливались сведения о коммуникативных барьерах, начиная с шума, ранее всего замеченного, заканчивая шестью барьерами, выделенными В. Шепелем: помехи среды, уход слушателя «в себя», стереотипы и фобии, языковой барьер, этико-эстетический и профессиональный барьеры [8: с. 151].

Учитывая все известные элементы информационно-кодовой модели: коммуниканты, код, барьеры, экстралингвистические факторы, — можно предложить следующую систему анализа надписей.

Вне всяких сомнений, сохраняет актуальность анализ собственно языка надписей (кода): характеристик лексики, синтаксиса, стиля, нормативности и т.д. Показательно также наличие орфографических, пунктуационных и других речевых ошибок. Например, прочитав на заднем стекле машины «ПРАДАЮ», водитель и пассажир следующего за ней маршрутного такси, интерпретируя надпись, обоснованно решили, что автор владел русским языком как иностранным.

Учет экстралингвистической информации и «помех» обеспечит характеристика внешнего вида надписи и предметного окружения (контекста), которая может быть сделана со следующих позиций:

- сохранность предметного окружения и самой надписи или наличие следов разрушения (частичная утрата надписи, отсутствие следов использования входа под вывеской, следы вскрытия на упаковке, выцветание краски, полное несоответствие предметного окружения надписи — выброшенная вывеска и т.д.). Например, вывеска НЯМ-НЯМ, оказавшаяся в мусорном контейнере, может быть связана с ним только в комической интерпретации;

- графические характеристики надписи — цвет и форма букв, наличие в одном обозримом поле графически подобных надписей, пространственное отделение надписей от графически подобных и графическое разделение пространственно смежных надписей, например, неправильно интерпретируются сделанные на одной двери похожие графически надписи: ТОРТЫ СКУПКА Б/У РЕМОНТ. Тип шрифта становится смыслоразличительным, например, в фирменных знаках, так что одна и та же буква обозначает разные организации и фирмы, становясь, по существу, иероглифом (рис. 3);

- пространственное положение надписей по отношению к подписанному объекту — находится на нем, над ним, перед ним — в одном поле зрения, удаленные (со стрелкой или подобными знаками), а также угловые, козырьковые, вертикальные и выносные положения на архитектуре;

- наличие в составе надписи пиктограмм и других рисунков, иероглифов (\$, %, ©, ®, ☺, ☹, ♀, ♂, ♠), смещения алфавитов, изображений из букв и т.д.;

- положение надписи зависит от потенциального адресата и доступности для восприятия: то она находится в зоне широкого обзора и выведена крупным контрастным шрифтом, то ей отведено малозаметное место на упаковке,

Рис. 3. Графические варианты буквы «М».

и использован мелкий шрифт. Или она занимает достаточную по закону часть упаковки КУРЕНИЕ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ, но написана некон-трастно;

– способ изготовления существен для интерпретации надписи — промышленный, на черно-белом принтере, плакатно-оформительский, кустарно-рукописный — одно из косвенных свидетельств об авторе надписи, например: НЕ ВЛЕЗАЙ УБЬЮ — на-малевано на заборе (рис. 4).

Рис. 4. Надпись на заборе.

Следы реакции адресата на надпись проявляются или вандализмом (попытками уничтожения, частичного стирания, перестановки букв) или даже предметной реакцией: СДЕЛАЕМ НАШ ПАРК ЧИСТЫМ ВМЕСТЕ — на заваленном мусором плакате.

Если систематизировать перечисленные признаки, присвоив каждому из них всего два статуса — положительный и отрицательный, образуется достаточно простая система оценки коммуникативных свойств надписи (табл. 1).

Для некоторых из перечисленных признаков способ выработки статуса целесообразно будет мотивировать. Окрашенной считается не только эмоциональная лексика, но и специальная. Под техническими эффектами понимается сменяемость, подсветка, движение. Тиражным считается наличие более одной

Таблица 1

Признаки для информационно-кодowego анализа надписей

№	Признак надписи	Статус признака	
		нейтральный (0)	маркированный (1)
1.	орфография	нормативная	ошибочная
2.	пунктуация	нейтральная	выразительная (в т.ч. ошибочная)
3.	лексика	нейтральная	окрашенная
4.	конструкция	номинативная	предикативная
5.	графика (в т.ч. технические эффекты)	стандартная	оригинальная
6.	рисунки и специальные знаки	нет	есть
7.	способ изготовления	тиражный	специальный
8.	близость к адресату	посредственная	усиленная
9.	пропорциональность предмету	от 10% до 50%	> 10% или < 50%
10.	реакция адресата	нет	есть

стандартной надписи. Надписи распечатанные на листе А4 на компьютере, рукописные, вырезанные на твердом материале или литые считаются нетиражными. Близость к адресату будет посредственной, если надпись расположена на предмете, упоминаемом в надписи. Если используется специальный предмет — доска, плакат, перетяжка, — близость к адресату станет усиленной. Пропорциональность предмета оценивается по отношению к видимой с одной стороны поверхности. При наличии деталей — от поверхности одной детали, например на стекле автомобиля — от поверхности стекла.

Проанализируем надпись на рисунке 5. Лексика надписи книжная, конструкция номинативная, графика стандартная, специальных знаков нет. В орфографии одна ошибка: «оплат» вместо «оплата», пунктуация отсутствует. Изготовлена надпись промышленным способом, доступна для восприятия — на витрине почтового отделения. Надпись занимает около трети длины и половины высоты витрины — то есть пропорциональна, надпись не подсвечена и не сменяется. Учитывая все сказанное, данную надпись можно считать носителем официальной информации. Так как нарушение орфографии — отсутствие буквы отчетливо слышимого звука — не связано с нарушением конкретного орфографического правила, следует предположить, что буква утрачена, то есть первоначально была на месте. Один из адресатов надписи оказался вандалом. В пользу такого объяснения говорит «совпадение» в грамматическом мужском роде слова «прием» и новообразования «оплат».

Рис. 5.

Практически полезным такой анализ может быть для обнаружения последствий деятельности вандалов. Технические возможности уже есть: большинство зданий организаций уже находятся под видеонаблюдением. Нужна только программа, способная распознавать надписи на видеоизображении

и анализировать их по предложенной схеме. Поскольку уже существуют говорящие навигаторы для слепых на основе спутникового позиционирования, их работа могла бы быть дополнена анализатором надписей.

Преимущество предлагаемой методики анализа в том, что результаты могут быть схематизированы, а это облегчит их автоматическую обработку. В результате можно дать отвлеченную оценку широте аудитории надписи и интенсивности коммуникативного взаимодействия автора и адресата по десятибалльной системе. При этом широта аудитории будет тем большей, чем меньше баллов, и наоборот, контакт коммуникантов будет тем более тесным, лично ориентированным, чем больше баллов. То есть массовость адресата обратно пропорциональна интенсивности контакта автора и адресата надписи. Новизна предлагаемой методики в том, что впервые предлагается учитывать невербальную сторону взаимодействия при анализе письменной речи, что раньше было сделано только для речи устной.

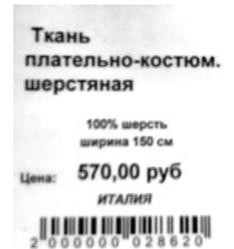
Рассмотрим примеры (см. рис. 6).

В библиотеке

В маршрутном такси

В магазине

На станции монорельсовой дороги

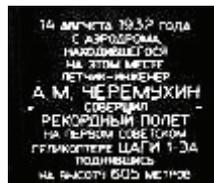
Бронзовый медальон на станции метрополитена

Полотенца в туалете

На стекле автомобиля

На постаменте

На грузовике

На упаковке

Рис. 6. Примеры надписей.

Таблица 2

Анализ коммуникативного статуса конкретных примеров

№	Пример	Статус	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	Σ
1.	ТЕЛЕФОН МОЛЧИТ... 0 СПАСИБО!		0	1	1	1	0	1	1	1	0	0	6
2.	КРУЧУСЬ КАК БЕЛКА В МЯСОРУБКЕ		0	0	1	1	1	1	0	0	0	0	4
3.	ТКАНЬ ПЛАТЕЛЬНО- КОСТЮМ. ШЕРСТЯНАЯ		0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	1
4.	ГАЗ НЕ ВХОДИ (красный фон)		0	1	0	1	1	1	0	1	1	0	6
5.	МОЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ КЕЛЯ ВДРУГ ОЗАРИ- ЛАСЬ: МУЗА В НЕЙ ОТ- КРЫЛА ПИР МЛАДЫХ ЗАТЕЙ		0	1	1	1	1	1	1	1	1	0	8
6.	ТОЛЬКО ДЛЯ РУК		0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	1
7.	ПРОДАЕТСЯ 8-9XX-XXX-XX-XX		0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	1
8.	14 АВГУСТА 1937 ГОДА С АЭРОДРОМА, НАХО- ДИВШЕГОСЯ НА ЭТОМ МЕСТЕ ЛЕТЧИК-ИНЖЕ- НЕР А.М. ЧЕРЕМУХИН СОВЕРШИЛ РЕКОРД- НЫЙ ПОЛЕТ НА ПЕР- ВОМ СОВЕТСКОМ ГЕ- ЛИКОПТЕРЕ ЦАГИ 1-ЭА ПОДНЯВШИСЬ НА ВЫ- СОТУ 605 МЕТРОВ		0	1	1	1	1	1	1	1	1	0	8
9.	ВЕЗУ ДИВАН		0	0	0	1	1	1	0	0	1	0	4
10.	БЛЮДО ДЛЯ ТОРТА С ЛОПАТКОЙ		0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	1

Как видно из таблицы, наиболее широкую аудиторию (всех, кто увидел) предполагает надпись на упаковке, на ценнике, ситуативное предписание (ТОЛЬКО ДЛЯ РУК), объявление о продаже на автомобиле, получившие по 1 баллу. Они же в наименьшей степени стремятся быть убедительными, воздействовать эмоционально. Запрещающие надписи и реклама набирают от 4 до 6 баллов. Наконец, наименьшую аудиторию и наибольшую заинтересованность (эмоциональную и интеллектуальную вовлеченность) предполагают декоративная цитата на станции метро и памятная доска, получившие по 8 баллов.

В результате можно констатировать, что примененная методика пригодна для создания на объективных основаниях коммуникативной классификации

надписей. С помощью той же методики можно попытаться установить конкретный функциональный тип надписи. Для этого нужно прежде провести следующую процедуру: оценить, каким статусным комплексом будет обладать тот или иной тип надписей с заведомо известными коммуникативными свойствами. Однако для решения этих задач требуется анализ большого корпуса примеров, что должно быть сделано в фундаментальном исследовании, но не укладывается в рамки настоящей статьи.

Тем не менее подобный анализ поможет более или менее полно объяснить коммуникативную природу надписей лишь с точки зрения широты и адресности распространения информации. Рассмотрим пример на рисунке 7. По всем выделенным признакам надпись вполне официальна и нейтрально-информативна, то есть набирает 1 балл. Рекламная функция слова «государственная» в информационно-кодовом аспекте рассмотрения не видна. Таким образом, чтобы глубже понять характер взаимодействия автора и адресата, цели и задачи речи, намерения автора и т. д., следует обратиться к моделям коммуникации, принципиально отличающимся от информационно-кодовой. И эта задача может быть решена в дальнейших исследованиях.

Рис. 7. Вывеска.

Литература

1. *Бабайцева В. В.* Односоставные предложения в современном русском языке / В.В. Бабайцева. – М.: Просвещение, 1968. – 160 с.
2. *Истрина Е. С.* Вопросы учения о предложении по материалам архива А.А. Шахматова / Е.С. Истрина // Шахматов А.А. (о нем). – М.; Л.: Учпедгиз, 1947. – С. 317–337.
3. *Киров Е. Ф.* Когнитивная модель языковой деятельности / Е.Ф. Киров // Научные школы: Новое в современной лингвистике. – М.: МГПУ, 2009. – С. 6–15.
4. *Лихачев С. В.* Надписи от Ломоносова до Чехова / С.В. Лихачев // Литература в школе. – 2009. – № 3. – С. 9–12.
5. *Лосев А. Ф.* Поток сознания и язык / А.Ф. Лосев // Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. – М.: МГУ, 1982. – 479 с.
6. *Макаров М.* Основы теории дискурса / М. Макаров. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
7. *Морозов В. П.* Психоакустические аспекты восприятия речи / В.П. Морозов // Механизмы деятельности мозга / Под ред. Н.П. Бехтеревой. – М.: Наука, 1988. – С. 578–607.
8. Основы теории коммуникации. – М.: Гардарики, 2005. – 615 с.
9. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М.: Учпедгиз, 1956. – 512 с.
10. *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию: пер. с фр. / Ф. де Соссюр. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.

S.V. Lihachev

An Essay on Communicative Analysis of Public Inscriptions

Method of analysis of communicative features of inscriptions is developed in the article. Informational and code model of communication is used as a basis of the method. The examples of inscriptions made according to the method described are given. The possibility of using of this method as a base of a computer program is proposed.

Keywords: author; addressee; inscription; communication; computer.

References

1. Babajceva V. V. Odnosostavny'e predlozheniya v sovremennom russkom yazy'ke / V.V. Babajceva. – M.: Prosveshhenie, 1968. – 160 s.
2. Istrina E. S. Voprosy' ucheniya o predlozhenii po materialam arxiva A.A. Shaxmatova / E.S. Istrina // Shaxmatov A. A. (o nem). – M.; L.: Uchpedgiz, 1947. – S. 317–337.
3. Kirov E. F. Kognitivnaya model' yazy'kovoij deyatel'nosti / E.F. Kirov // Nauchny'e shkoly': Novoe v sovremennoj lingvistike. – M.: MGPU, 2009. – S. 6–15.
4. Lixachev S. V. Nadpisi ot Lomonosova do Chexova / S.V. Lixachev // Literatura v shkole. – 2009. – № 3. – S. 9–12.
5. Losev A. F. Potok soznaniya i yazy'k / A.F. Losev // Znak. Simvol. Mif. Trudy' po yazy'koznaniyu. – M.: MGU, 1982. – 479 s.
6. Makarov M. Osnovy' teorii diskursa / M. Makarov. – M.: Gnozis, 2003. – 280 s.
7. Morozov V. P. Psixoakusticheskie aspekty' vospriyatiya rechi / V.P. Morozov // Mehanizmy' deyatel'nosti mozga / Pod red. N.P. Bexterevoj. – M.: Nauka, 1988. – S. 578–607.
8. Osnovy' teorii kommunikacii. – M.: Gardariki, 2005. – 615 s.
9. Peshkovskij A. M. Russkij sintaksis v nauchnom osveshhenii / A.M. Peshkovskij. – M.: Uchpedgiz, 1956. – 512 s.
10. Sossyur F. de. Trudy' po yazy'koznaniyu: per. s fr. / F. de Sossyur. – M.: Progress, 1977. – 695 s.

Е.М. Виноградова

Концепт «Несбывшееся» в романе А.С. Грина «Бегущая по волнам»

В статье рассматривается система средств лингвистической репрезентации концепта «Несбывшееся», одного из ключевых не только в романе А. Грина «Бегущая по волнам», но и в его творчестве в целом. Семантический анализ внутренней формы имени концепта дополняется результатами исследования системы метафорических предикатов, представляющих синтагматическое развертывание концепта, а пропозициональная структура концепта проецируется на фабулу и систему персонажей романа.

Ключевые слова: концепт; концептосфера; понятийное ядро; образные и прагматические компоненты семантики концепта; пропозиция; фрейм; «сценарий»; мотив.

На значимость концепта «Несбывшееся» в творчестве А.С. Грина обратили внимание уже литературоведы. Так, по мнению В.Е. Ковского, Несбывшееся приобретает значение пересозданной действительности [3: с. 133], И.К. Дунаевская полагает, что «образ Несбывшегося — одно из наиболее ёмких воплощений этико-эстетического идеала Грина» [2: с. 132]. В тексте романа «Бегущая по волнам» этот концепт получает детальное лингвистическое развертывание и приобретает статус индивидуально-авторского. Н.Н. Грин отмечает, что образ Несбывшегося возник у А. Грина после одного из разговоров о старости: «... многие люди доживают до глубокой старости, ни разу не получив того, что утолило бы их душу. Так их душа, выглянув в мир, и увядает, не расцвев. Другие же на своем пути на всё бросаются жадно, непрерывно ошибаются и тоже неудовлетворенные, неутолённые уходят из жизни». Через несколько дней Грин написал для романа «Бегущая по волнам» вступительный фрагмент о Несбывшемся, сказав о состоявшемся разговоре, что он «сконцентрировал все давно лежавшие в глубине сознания мысли о Несбывшемся» [1: с. 72–73].

Интуитивно оцениваемые как справедливые, суждения литературоведов, тем не менее, не отменяют потребности в переводе гриновского «Несбывшегося» из области метафорических догадок в область аргументированной семантической определенности. Для этого требуется анализ средств его лингвистической репрезентации.

Понятийная составляющая концепта выражена прежде всего внутренней формой его имени (с учётом её парадигматических, деривационных и синтагматических связей), а его образная и ценностная (прагматическая) составляющие проявляются в сочетаемости имени концепта в узких и широких контекстах романа. Значимость образной составляющей обусловлена не только

тем, что концепт получает лингвистическую репрезентацию именно в художественном тексте, но и установкой автора, который употребляет имя концепта в сочетании с лексемой «образ» («образ Несбывшегося»).

Противоречивый онтологический статус Несбывшегося проявляется уже в морфемной структуре имени концепта. Бытийная семантика корня «-бы-» отменяется префиксом с отрицательным значением «не-», и совокупная семантика двух морфем означает небытие. Но словообразовательная «память» слова учитывает также и значение префикса «с-». «Сбыть» — «продать», «избавиться», то есть прекратить бытие в определенном пространстве; «сбыться», соответственно, — «пойти на убыль». Совокупная семантика двух приставок приобретает значение двойного отрицания: Несбывшееся — то, чего не было, но что не избыло себя. Предикат бытийности требует определенности относительно одного из возможных миров — пространства бытия. «Сбыться» — значит перейти онтологическую границу между виртуальным (желаемым, должным, возможным) и тем самым утратить до-бытийную и до-событийную форму, прекратить бытие в качестве идеального феномена. Отсюда противоположный онтологический статус Несбывшегося — как не имеющего места в реальной действительности, но обладающего предикатом виртуального бытия, а потому допускающего переход онтологической границы. Предикаты бытия / небытия характеризуют несбывшееся относительно разных денотативных пространств, но в один и тот же момент времени. Сбывшееся утрачивает аксиологическую значимость, несбывшееся ее сохраняет.

Деривационно «несбывшееся» противопоставлено не только «сбывшемуся» (преодолевшему границу между ирреальным и реальным), но и «несбыточному» (не допускающему преодоления границы), а также «несбывающемуся» и «несбывавшемуся» (с ними связано представление о проницаемости границы, которая, однако, не имела прецедентов в продолженном настоящем). Очевидна модальная градация от узуального к генерализованному коммуникативно-речевому регистру: *несбывавшееся* (до момента речи) — *несбывающееся* (регулярно) — *несбыточное* (никогда вообще). «Несбывшееся» не содержит сем повторемости или вневременности, но сохраняет зависимость оценки положения дел от субъекта наблюдения и от его временной координаты. Оппозиция «несбывшегося» и «небывалого» обусловлена presupпозицией ожидаемого воплощения первого и противоречащего чувственному опыту, а потому неожиданного появления второго. Первое предполагает переход в реальность, но реальным не становится; второе, наоборот, изначально не предполагается, но обретает статус реального бытия и воспринимается как чудо, но и как воплощение чистой сущности («истинно-небывалое» в романе «Блистающий мир»).

«Сбываться» («осуществляться, исполняться», «случаться, происходить») [4: Т. 4, с. 36]) означает переход из области духа в область материальной формы, из сферы возможного в сферу сущего. При этом не обязательно происходит совпадение сущности и явления формы: сущее не обязательно есть сущностное. Несбывшееся — некий идеал, эталон по отношению к сущему, оно сохраняет

свою связь с бесконечным и вневременным миром возможностей. Несбывшееся воспринимается сразу в двух модальных перспективах и обладает одновременно предикатом небытия в реальном мире и бытия в мире возможностей.

Очевидная субъективно-модальная отмеченность Несбывшегося проявляется в синтагматике имени: сбыться / не сбыться можно только относительно чьих-то ожиданий, по отношению к кому-то (сочетаемость с атрибутом принадлежности). Оно всегда предполагает такую точку зрения, которой открыты обе перспективы — ирреального и реального. При этом несбывшееся не обязательно обладает перцептивной определенностью для того лица, которого оно непосредственно касается (отсюда в романе мотив уяснения образа своего Несбывшегося). Степень определенности того, что может сбыться или не сбыться, различна; чаще образ возможного и его корреляты в реальном мире связаны метафорическими отношениями (ср.: «сны», «надежды», «пророчество»). Субъект, констатирующий, что нечто сбылось или не сбылось, не обязательно совпадает с субъектом порождения представления о том, что может сбыться.

«Поведение» Несбывшегося не подлежит контролю. Нечто сбывается не в результате усилий субъекта мнения, а как игра случая. Об этом свидетельствует анализ залоговой семантики имени концепта. Сочетаемость лексемы «сбываться» с именными группами, выполняющими в пропозициональной структуре функцию субъекта, показывает, что содержание Несбывшегося не является результатом рациональной деятельности субъекта (сбываются или не сбываются «сны», «опасения», «мечты», «надежды», «предчувствия», «пророчества» — но не «планы», «проекты» и т.п.). Словарь синонимов включает глагол «сбыться» в ряд глаголов с постфиксом -ся: *осуществиться, исполниться, реализоваться, воплотиться в жизнь (или в действительность), претвориться в жизнь (или в действительность)* [4: Т. 4, с. 336]. Однако, в отличие от других членов синонимического ряда, глаголы «сбыться / сбываться» не имеют залоговых вариантов; эти предикаты могут быть использованы только в двухкомпонентной пропозициональной структуре с актантом-субъектом (ср.: кто-то осуществляет что-либо — что-либо осуществлено кем-либо — что-либо осуществляется кем-либо). Сбывающееся совершает качественное изменение в силу внутренней готовности, но не в результате акциональной активности субъекта. Невозможна сочетаемость причастия «несбывшееся» со словами, обозначающими результат волеизъявления или проспективной деятельности («совет», «просьба», «приказ», «план»), потому что в этом случае предполагается субъект осуществления чужой или своей воли, а само осуществление перестает быть игрой случая. Поэтому очевиден модальный парадокс в строках А. Блока: «несбывшееся — воплотить». Заметим, что концепт «Несбывшееся» допускает как положительное, так и отрицательное содержание — ср.: «мечта», «надежда» — «предостережение», «опасение», при этом воплотить можно только то, что обладает положительной коннотацией.

Семантика совершенного вида и форма прошедшего времени причастия «несбывшееся» определяют особенности моделирования действительности в аспекте категории времени: факт несбывшегося всегда устанавливается ретроспективно относительно момента речи; тем самым отмечается его онтоло-

гическая неустойчивость — возможность изменения статуса (стать сбывшимся или воплощённым) в перспективе.

Переходя из причастия в субстантив (особенно в сочетании с атрибутом принадлежности: *моё Несбывшееся*), имя концепта приобретает обобщающее значение: его денотатом становится не только и не столько некая конкретная ситуация, имеющая отношение к личной сфере субъекта, но и вся область чьего-либо потенциального бытия.

Понятийное ядро концепта может быть представлено в полипропозициональной логической модели: {1. Некто полагает, что в виртуальном мире существует некоторое положение дел и что в реальной действительности может иметь место положение, тождественное или эквивалентное предполагаемому. 2. Это мыслимое положение дел обладает значимостью для некоторого субъекта, касается сферы его интересов (желательно или нежелательно для него), поэтому может быть определено как *его несбывшееся*. 3. Субъект, которого касается мыслимое положение дел, представляет его с разной степенью определенности. 4. Констатируется также, что к моменту речи в реальной действительности нет такого положения дел, которое соответствовало бы мыслимому, но мыслимое положение дел по-прежнему существует как вариант возможного положения дел в реальной действительности и может быть реализовано либо при наличии некоторых субъективных усилий, либо в отсутствие их и даже вопреки им}.

Фреймовая структура концепта может быть реализована в нескольких частных «сценариях», которые в художественном произведении могут стать основой мотива, например: 1) содержание Несбывшегося неясно субъекту мнения, а потому с его стороны требуется угадывание (мотив прояснения образа Несбывшегося); 2) виртуальный образ не имеет соответствия в реальной действительности (мотив неудовлетворенности действительностью); 3) событие реального мира, с точки зрения субъекта оценки, не коррелирует с его виртуальным образом (мотив несбывшихся ожиданий, романтическая ирония, обнаруживающая конфликт между желаемым и его воплощением); 4) виртуальный образ утратил возможность иметь соответствие в реальной действительности (мотив недостижимого идеала); 5) виртуальный образ сохранил свою ценность, и субъект мнения полагает, что он может иметь воплощение благодаря субъективным усилиям (мотив претворения мечты в жизнь); 6) виртуальный образ утратил ценность для субъекта оценки и потому не содержит проекции в будущее (мотив отказа от мечты).

В романе А. Грина «Бегущая по волнам» прежде всего обращает на себя внимание сочетание имени концепта «Несбывшееся» с предикатом принадлежности («своё Несбывшееся»): несбывшееся мыслится как входящее только в мир конкретного субъекта и предполагает ограниченность персональных сфер. При этом уникальность субъективного содержания концепта и его надличностный характер подчеркнуты выбором написания имени концепта с прописной буквы. Концептуализацию Несбывшегося («уяснение образа») автор доверяет автобиографическому герою-рассказчику (Томасу Гарвею), а способом достижения этого становится вербализация концепта по мере

соединения жизненного опыта с самопознанием. В то же время перспектива абсолютной ясности Несбывшегося представлена как форма его умертвления: *«Через несколько столетних переходов желания человека достигнуто отчетливости художественного синтеза. Желание избегнет муки смотреть на образы своего мира сквозь неясное, слабо озаренное полотно нервной смуты. Оно станет отчетливо, как насекомое в янтаре».*

Индивидуально-авторская часть концептуальной семантики проявляется в выборе синонимичного имени концепта: в эпиграфе Несбывшееся метафорически обозначается именем «Дезирада» (производное от франц. «desir» — ‘желать’: область желаний): *«О Дезирада, как мало мы обрадовались тебе, когда из моря выросли твои склоны».* Внутренняя форма новой номинации актуализирует в Несбывшемся модальное значение желательности (не опасения или предостережения), ассоциативно связывая поиски Гарвеем его Несбывшегося и его встречу с девушкой по имени Дэзи.

Метафора «Несбывшееся — остров» детализируется за счёт компонентов лексического значения «остров» и дополнительных предикатов. Несбывшееся — это включённый в широкое безграничное пространство океана и в то же время отграниченный, замкнутый, трудноразличимый и труднодоступный локус: его склоны *«поросли манцилиловыми лесами»*, его берега *«высоки и туманны»*, оно появляется внезапно (*«из моря выросли твои склоны»*), обнаруживает себя и при этом остается неузнанным (*«мы плывем мимо ... берегов Несбывшегося»*).

Другая группа метафорических предикатов характеризует Несбывшееся в развернутом авторском отступлении: *«таинственный и чудный олень вечной охоты».* Компоненты лексического значения перифразы входят в содержание концепта: трудно уловимое, благородное, таинственное, противостоящее обыденности, недостижимое, объект постоянного желания. Несбывшееся характеризуется и как небесное, высокое, сущностное, как источник света: *«над гаванью — в стране стран — сверкает Несбывшееся».* В образное поле концепта входит сравнение его с архитектурным сооружением; при этом подчеркивается его размер (*«оно было громадно»*), оформленность, структурированность, гармоничность (*«его стройность, его почти архитектурная острота выросли из оттенков параллелизма»*). В то же время оно нерукотворно и подобно природным явлениям, *«как бы бережно вынутым солнцем из драгоценного ящичка».* Несбывшееся обладает смысловой цельностью, подобно тексту. Как целое оно недоступно, но частично открывается во внешний мир: *«волнующие слова, знаки Несбывшегося /.../ надписи золотых букв хранили неоткрытую истину».* Знаки Несбывшегося могут оформляться в минитекст — в стихотворные строки, которых *«почему-то»* всегда только четыре.

Будучи непосредственно связанным с человеком, являясь выражением его скрытого потенциала и непостижимой сущности, Несбывшееся антропоморфно (*«...прощальной рукой Несбывшегося»*, *«Несбывшееся зовёт нас»*) и связано с человеком прочной связью (*«оно было ... так неотвязно»*). Оно вне человека, далеко от него и в то же время близко к нему (*«Не нужно ли теперь*

только протянуть руку, чтобы схватить и удержать его слабо мелькающие черты?»). Оно находится как бы за невидимой преградой, поэтому звуки, которыми оно обнаруживает себя, невнятны («глухой шум Несбывшегося»), хотя может проявляться с отчетливостью внятно произнесенной, но вырванной из контекста синтагмы, воспринимаемой как загадка и подсказка в одно и то же время, причём слышит эти слова только субъект Несбывшегося (слова «Бегущая по волнам», которые Гарвей слышал во время карточной игры). Несбывшееся находится у горизонта, совпадает с положением солнца, поэтому знаками его являются не только слова, звуки, но и свет: «Несбывшееся скрывалось среди гор, и я должен был принять в расчёт все дороги в направлении этой стороны горизонта. Мне следовало ловить все намёки, пользоваться каждым лучом среди туч и лесов»).

Метафорически актуализируется связь Несбывшегося с пространством духовного мира: оно обитает «в пустынях и лесах сердца, в небесах мыслей». Поэтому оно нуждается в эмоциональном и рациональном приближении к нему, в узнавании и понимании, но может остаться неразгаданным («... уяснял сущность и тип своего Несбывшегося», «Не ясен ли его образ?»), «понял свое Несбывшееся»). Открывающееся не прямо, а через косвенные знаки, Несбывшееся многолико, любое его частное конкретное воплощение не равно целому: «Да, неоднократно повторялся обман, принимая вид жеста, слова, лица, пейзажа, замысла, сновидения и надежды, и, как закон, оставлял по себе тлен»; остается «воспоминание многих подобных случаев, о которых следовало сказать, что их по-настоящему не было»; «Невидимая рука чертила странные письма, понять значение которых было нельзя, как в музыке, когда она говорит таинственными словами, хотя их прикладной смысл утерян».

Оппозиция внешнего знака и сущности несбывшегося реализуется в метафоре названий кораблей — «волнующих знаков Несбывшегося»: «Сидней», «Лондон», «Амстердам», «Тулон» для Гарвея означают вовсе не реальные географические точки, а «другой “Тулон” и вовсе не тот “Сидней”, какие существовали действительно; надписи золотых букв хранили неоткрытую истину».

Несбывшееся производно от желаний человека, но и сами желания, и их воплощение появляются в силу внутреннего закона, а не по субъективному произволу: «Несбывшееся, которому я протянул руки, могло восстать только само, иначе я не узнал бы его и, действуя по примерному образцу, рисковал наверняка создать бездушные декорации». Оно проявляется постепенно («не начинает ли сбываться Несбывшееся?»), требует от человека терпения, поэтому, в сущности, уяснение несбывшегося и обнаружение его корреляции в реальном мире — это и есть бытие личности, переход от потенциального «я» к «я» реальному. Слишком сильные и определенные желания не приближают к Несбывшемуся, а уводят от него: «я узнавал свои желания постепенно и часто не замечал их, тем самым упустив время вырвать корни этих опасных растений. Они разрослись и скрыли меня под своей тенистой листвой». Но не ставшее желанным, не освоенное субъектом, оно тоже гибнет, превращается в «ржавчину... Несбывшегося».

Прагматическая составляющая концепта выступает в его индивидуально-авторском, гриновском варианте: чувство Несбывшегося не только заставляет человека испытывать экзистенциальную тоску, постоянно вглядываться в себя и в окружающий мир («Среди уродливых отражений жизненного закона и его тяжбы с духом моим я искал, сам долго не подозревая того, — внезапное отчетливое создание...»). Оно обладает особой «повелительной силой», подобной власти механизма («её стальное движение»). Его «властная рука» толкает человека на бесконечный поиск, ставит между бытом и Бытием, и он, откликаясь на зов Несбывшегося («рано или поздно, под старость или в расцвете лет, Несбывшееся зовет нас»), поняв его, «покоряется ему», «повинуется силе более повелительной, чем страсть или мания». Итогом может стать совпадение реального бытия человека с его сущностью («Филатр, нашедший своё Несбывшееся»).

Инвариантная фреймовая структура концепта коррелирует с фабулой романа, реализуясь в вариантах отношений разных персонажей с их Несбывшимся, друг с другом и с миром. Вехами на пути Гарвея к его Несбывшемуся становятся случайно услышанная фраза «Бегущая по волнам», превращающаяся в лейтмотив романа и являющаяся то названием корабля, то прозвищем легендарной Фрези Грант, то названием произведения искусства, то метонимической или метафорической характеристикой реальной девушки (Биче — Дэзи); «подсказку» и стимулы в игре света на стенах комнаты, именах героинь (Биче, Фрези, Дэзи), карнавальных костюмах, корабле-игрушке и др. Способ движения Гарвея к Несбывшемуся — это не столько конкретные действия, сколько созерцание или самоанализ, пребывание в пограничном состоянии сна или дремоты, размышление. Проекция пропозициональной структуры концепта «Несбывшееся» на фабульный и персонажный уровни романа обнаруживает его дополнительные образные корреляты: море, луна, Фрези Грант и её чудесный остров, Дэзи, дом-корабль, обращенный к морю, который построен Гарвеем для Дэзи. Противоположными по своему отношению к Несбывшемуся являются Гарвей, занятый уяснением несбывшегося и движением к нему, и Гез (осознав своё Несбывшееся как несбыточное, он приходит к смерти, представленной одновременно как убийство и самоубийство). Противопоставлены и Гарвей и Биче: герой постоянно чувствует неуловимость Несбывшегося и отсутствие прямого пути к нему, а героиня, которую отличает прагматическая определенность, отказывается считать Несбывшееся категорией своего бытия. Если Гарвей, Филатр и Дэзи в конце романа, откликаясь на зов Фрези, обращаются в сторону моря, то Биче стремится к берегу («говорящим» становится её имя, которое ассоциируется не только с дантовской *Беатриче*, но и с английским *beach*; недаром уже в начале романа она сходит на берег и кажется «дочерью начальника всех гаваней мира» и может без лишней прямой провести прямую линию).

Антонимом Несбывшегося в концептосфере романа становится Происходящее (также написанное с прописной буквы). Область Несбывшегося не вытекает из обиходной жизни, а параллельна ей: человек постигает свое Не-

сбывшееся, «изумлённый явлением, которое, так очевидно, не имело никакой связи с Происходящим»; однако именно в Происходящем открываются знаки Несбывшегося.

Концепт «Несбывшееся» соединяет А. Грина с парадигмой не только романтизма и неоромантизма, но и модернизма (прежде всего символизма), взаимодействуя с концептами мечты, идеала, романтической иронии и др. Поиски героем Грина своего Несбывшегося — это путь в «*страну стран*», куда направлены «*бушприты всех кораблей*», то есть это поиск самого себя в мире и адекватности внешнего мира миру внутреннему. На этом пути акциональная деятельность постоянно взаимодействует с аксиональной, поэтому движение начинается с «*остановки внутри себя*», дающей возможность «*прислушаться к затаенному ходу психических часов*». При этом для Грина более важным является не воплощение Несбывшегося, а вера человека в его существование и попытка через поиск своего Несбывшегося глубже понять самого себя.

Литература

1. Грин Н. Н. Воспоминания об Александре Грине: Мемуарные очерки; Дневниковые записи; Письма / Н.Н. Грин; сост., подгот. текста, коммент. Н. Яловой [и др.]. — Феодосия; М.: Коктебель, 2005. — 400 с.
2. Дунаевская И. К. Этико-эстетическая концепция человека и природы в творчестве А. Грина / И.К. Дунаевская. — Рига: Зинатне, 1988. — 168 с.
3. Ковский В. Романтический мир Александра Грина / В. Ковский. — М.: Наука, 1969. — 296 с.
4. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР; Ин-т русского языка; под ред. А.П. Евгеньевой. — М.: Русский язык, 1981–1984.
5. Словарь синонимов: справочное пособие / Под. ред. А.П. Евгеньевой. — Л.: Наука, 1975. — 648 с.

Е.М. Vinogradova

The Concept “Unrealised” in the Novel by A. Grin «She Who Runs on the Waves»

The article reviews the system of means of linguistic representation of the concept “Unrealized”, one of the key concepts not only in the novel «*She Who Runs on the Waves*» but in all A. Grin’s works. Semantic analysis of the inner form of the name of concept is supplemented with the results of the investigation of the system of metaphorical predicates that present the syntagmatic development of the concept, while the propositional structure of the concept is projected on the plot and the system of characters of the novel.

Key words: concept; concept sphere; conceptual kernel; figurative and pragmatic components of concept semantics; proposition; frame; “scenario”; motif.

References

1. *Grin N. N. Vospominaniya ob Aleksandre Grine: Memuarny'e ocherki; Dnevnikovy'e zapisi; Pis'ma / N.N. Grin; sost., podgot. teksta, komment. N. Yalovoj [i dr.]. – Feodosiya; M.: Koktebel', 2005. – 400 s.*
2. *Dunaevskaya I. K. E'tiko-esteticheskaya koncepciya cheloveka i prirody' v tvorchestve A. Grina / I.K. Dunaevskaya. – Riga: Zinatne, 1988. – 168 s.*
3. *Kovskij V. Romanticheskij mir Aleksandra Grina / V. Kovskij. – M.: Nauka, 1969. – 296 s.*
4. *Slovar' russkogo yazy'ka: v 4-x t. / AN SSSR; In-t russkogo yazy'ka; pod red. A.P. Evgen'evoj. – M.: Russkij yazy'k, 1981–1984.*
5. *Slovar' sinonimov: spravochnoe posobie / Pod. red. A.P. Evgen'evoj. – L.: Nauka, 1975. – 648 s.*

А.В. Громова

Образ Афона в литературе Русского Зарубежья (Б.К. Зайцев, В.А. Маевский)

В статье впервые в отечественном литературоведении проводится сопоставительный анализ двух путевых циклов: «Афона» Б. К. Зайцева и «Афонских рассказов» В.А. Маевского. Выявляемые в ходе анализа черты сходства и различий при создании образа Святой Горы соотносятся с жанровой ориентацией произведений и индивидуальными задачами авторов. Подчеркивается, что, при сходстве средств образной характеристики (пейзажные зарисовки, описания монастырей, портреты монахов, введение апокрифических легенд), в книге Зайцева обширнее представлены этнографические сведения, исторический и агиографический материал, больше внимания уделено искусству Афона.

Ключевые слова: Б.К. Зайцев; В.А. Маевский; Афон; художественный образ; путевой очерк; хождение.

Заметным явлением в литературе Русского Зарубежья первой волны стали описания паломнических странствий на Афон Б.К. Зайцева и В. А. Маевского. Борис Константинович Зайцев (1881–1972) совершил путешествие на Святую Гору в мае 1927 г., описав ее в цикле путевых очерков «Афон» (Париж, 1928). Это произведение уже неоднократно анализировалось литературоведами [1, 2, 4, 5, 9]. Имя Владислава Альбиновича Маевского (1893–1975) менее известно современному читателю [8: с. 292]. Проживая в Сербии и работая в 1930-х годах секретарем Сербского патриарха Варнавы, Маевский трижды побывал на Афоне и написал о нем ряд книг, в том числе путевой цикл «Афонские рассказы» (Париж, 1950)¹. В данной статье впервые проводится сопоставительный анализ названных произведений Зайцева и Маевского с целью выявления общих черт при создании образа Святой Горы.

¹ См., в частности: Стрижев В. Православный прозаик Владислав Маевский / В. Стрижев // Москва [Электронный документ]. – 2005. – № 2 (URL: <http://www.moskvam.ru/2005/02/strigev.htm>; дата обращения: 29.12.2009).

Путешествия генетически связаны с древнерусским жанром паломнических хождений, основными чертами которого являются опора на личные впечатления, композиционное построение из небольших очерков-зарисовок, сгруппированных на основе временного или топографического принципа, включение легенд, соотнесенных с определенной местностью [10: с. 19]. С конца XIV в. появились так называемые «светские» хождения, изображающие торговые и дипломатические поездки, свободные от библейско-апокрифических сюжетов. На протяжении веков происходило изменение жанрового канона: уменьшался удельный вес символично-религиозных мотивов, расширялся справочно-документальный пласт, появились картины жизни монастырей и портреты монахов, вводились повествовательные элементы и литературный пейзаж. В XIX в. рассказы о паломничествах приблизились к этнографическим очеркам. По мнению исследователей, данный жанр не исчез и в XX веке, развиваясь в трех направлениях: культурологическом («Тень птицы» И.А. Бунина, «Образы Италии» П.П. Муратова, «Офейра» А. Белого, «Италия» Б.К. Зайцева), публицистическом («Путешествие в Палестину» А. Ладинского) и религиозно-православном («Афон» и «Валаам» Б.К. Зайцева, «Старый Валаам» И.С. Шмелева) [2]. К последней группе следует отнести и «Афонские рассказы» В.А. Маевского.

Анализируемые произведения Зайцева и Маевского композиционно выдержаны в традициях жанра путешествий: они состоят из отдельных очерков, описывающих впечатления авторов и их размышления об увиденном. В расположении глав реализуются как временной, так и пространственный принципы, позволяющие воссоздать передвижение авторов по афонскому полуострову в соответствии с хронологией их путешествий.

Пребывание Зайцева на Афоне заняло всего семнадцать дней. Путешествие Маевского было более длительным и продолжалось с весны до осени. Оба путешественника посетили Карею, русский Андреевский скит и монастырь св. Пантелеймона, греческие монастыри (Лавру Святого Афанасия, Пантократор и Ватопед), встречались с отшельниками Карули и Новой Фиваиды. В отличие от Зайцева, Маевский совершил восхождение на вершину Святой горы.

Книги обоих авторов начинаются с описания морского путешествия. Зайцев прибыл на Афон в бурю и сразу ощутил в облике Святой Горы «что-то грозное», «ветхозаветно-грандиозное» [3: с. 77]. У Маевского также присутствует образ неприступных скал полуострова, «мощно-спокойным взглядом отшельника» глядящего «в туманную даль, где укрылась беззаботно-веселая Греция» [6: с. 19]. Обе книги щедро украшены пейзажными зарисовками, и авторы в равной мере чувствуют присутствие в этом мире Божества. «Горы, ветры, леса, кое-где виноградники и оливки, уединенные монастыри с монахами <...> тишина, море вокруг... и Господь надо всем, — вот это и есть Афон», — пишет Зайцев [3: с. 80]. В повествовании Маевского лейтмотивом проходит представление о красоте местной природы, «Самим Господом устроенной и данной в удел Своей Пречистой Матери для возделывания на ней цветов неувядаемых — святых душ...» [6: с. 23].

Расположение Афонского полуострова на греческой территории не позволяло путешественникам забывать об античных истоках местной культуры. У Маевского движение вдоль греческих берегов — это движение «в глубь поэтических легенд и сказаний Элады» [6: с. 16]. Упоминание античных образов сопровождает даже такой священный для рассказчика акт, как подъем на вершину афонской горы, с которой он различал «берега мифологической Трои и любовался величественным видом Олимпа» [6: с. 119]. Зайцев также прибегает к метафорам, уводящим к эллинской мифологии, описывая природу Афона: «Теплым кармином тронул Эос верхушку Св. Горы» [3: с. 118]; «не полдень ли это Великого Пана, не подстережем ли тут <...> Афродиту-Морфо?» [3: с. 119].

В описаниях паломничеств органической составляющей являются библейские и апокрифические легенды [10: с. 15]. Легендарное начало связано, прежде всего, с «чудесным преданием» о посещении Афона Богородицею. Именно с этого сюжета начинается книга Маевского. Зайцев, кроме того, широко вводит агиографический материал, посвящая ему специальную главу «Святые Афона». Писатель выбрал три наиболее значимых, на его взгляд, фигуры, «как бы олицетворяющие различные типы афонского святого» [3: с. 150]: это Петр Афонский («отшельник»), св. Афанасий («строитель») и Иоанн Кукузель («певец»). В афонском мире древнее предание воспринимается как реальный факт и существует наряду с событиями современности, поэтому возникает ощущение, что «здесь нет земного времени...» [6: с. 40].

Проникновенная поэтичность отдельных фрагментов книг Зайцева и Маевского сочетается с документальной точностью в описании монастырских реалий и публицистичностью в осмыслении современного состояния афонского монашества.

Афон — это своеобразное монашеское государство, на территории которого располагается несколько десятков православных монастырей и скитов: греческих, русских, сербских и др. Значительное место в анализируемых книгах занимает описание монастырей. Зайцев ставил себе целью показать духовное величие русского монашества на Афоне, поэтому подчеркнул бедность и скромность русских обитателей, отметил непритязательность приходящего в упадок монастырского хозяйства и уделил особое внимание изображению «духовного хозяйства» (служб, послушаний, молитв и других ритуалов).

В этом описании присутствовала и доля публицистичности: незадолго до путешествия автора, в сентябре 1926 г., Афон был объявлен греческой территорией, и принято негласное решение не допускать новых монахов в негреческие монастыри. Это неизбежно вело к вымиранию русского иноческого населения [7]. Зайцев не знал этих фактов и считал, что приток молодежи будет идти из эмиграции. Маевский, посетивший Афон почти десятилетие спустя, уже знал о принятом законе и видел, как неуклонно сокращается число русских иноков, и тяжелые послушания вынуждены нести «ветхие» старцы. Автор и насельники Афона главную причину этого видели в революционной «смуте», произошедшей на родине.

Русские обители и для Зайцева, и для Маевского — прежде всего частица утраченной родины: «*От всего того, что я видел перед глазами, веяло <...> настоящей Россией, Святою Русью*» [6: с. 25–26]. Каждому русскому, прибывшему на Афон, присуще невольное противопоставление русского и греческого. О церковных службах Маевский пишет: «*Вообще, всюду на Афоне богослужение прекрасное. Но в Пантелеймоновом монастыре, в Андреевском и Ильинском русских скитах — оно к тому же истовое <...> и нам родное*» [6: с. 37]. Даже радостный колокольный перезвон в русском св. Андреевском скиту он отличает от «*греческого унылого благовеста Карейского*» [6: с. 47].

В книге Зайцева присутствует некоторая тенденциозность в описании монахов-греков: автор подчеркивает, что устав греческих монастырей менее строг, их обитатели недостаточно аскетичны, опрятны и трудолюбивы. Греческие монастыри богаче, «артистичнее» и несут черты нерусского мира. Так, Лавра св. Афанасия в восприятии Зайцева — «*монастырь густо-восточный*» [3: с. 121], поражающий своей роскошью. Он окружен духом древней Эллады и странным образом связан с язычеством: каменные столы в трапезной Лавры похожи на «*друидические дольмены*» [3: с. 116], а часовня построена из плит языческого храма [3: с. 115]. Пантократор напомнил Зайцеву о европейском Возрождении, а автора уникальных фресок Панселина он назвал «*византийским Рафаэлем*» [3: с. 119]. Другой «*очень культурный и ученый*» [3: с. 120] греческий монастырь Ватопед освоил достижения современной цивилизации: электрическое освещение и новый стиль. Ватопед «*несет легкий налет запада*» [3: с. 121] и во всем противоположен русским обителям с их бедностью и верностью священным традициям, включая старый стиль летоисчисления.

Отношение Маевского к грекам в целом более лояльно, через всю его книгу проходит мотив единения разных народов под эгидой православия. Маевский высоко ценил заслуги греков-афонитов, приписывая им сохранение ортодоксального православия, о чем специально говорится в одной из глав книги, а греческие Салоники названы родиной просветителей славян, св. Братьев Кирилла и Мефодия [6: с. 183].

Описание монастырей и монастырских порядков в анализируемых книгах во многом носит этнографический характер, поскольку речь идет о мире очень экзотичном. Например, Зайцев замечает: «*Но так как все необычно на Афоне, то и часы удивительные <...> Когда садится солнце, башенную стрелку ставят на полночь*» [3: с. 92–93] «*Вторую тысячу лет не знает эта земля никого, кроме монахов. Около тысячи лет <...> не ступала на нее нога женщины*» [3: с. 80].

Путевые очерки всегда имеют познавательное значение, знакомя читателей с неизвестной культурой, при этом авторы путешествий могут опираться как на личные наблюдения (описывая повседневную жизнь монастырей), так и на письменные источники (давая исторические справки). Зайцев широко привлекал материалы книг, изученных им в монастырской библиотеке. Благодаря сохранившемуся в фондах РГАЛИ путевому дневнику писате-

ля (см.: Зайцев Б.К. «Афон». Дневник // РГАЛИ. – Ф. 1623 (Б.К. Зайцев). – Оп. 1. – Ед. хр. 8. – Л. 1–53) можно точно установить использованные им источники: это «Путеводитель по св. горе Афонской» и «Письма к друзьям о св. горе Афонской» иеромонаха Серафима, известного под псевдонимом Святогорец (в миру С.А. Веснин), сочинение археолога и монаха Порфирия (Успенского) «Восток христианский», «Рассказ святогорца, схимонаха Селевкия, о строе жизни и о странствовании по святым местам: Русским, Палестинским и Афонским», «Афонский патерик, или Жизнеописание святых, на святой Афонской горе просиявших». Однако заимствованное из книг впоследствии было сокращено, часть материала ушла в примечания к книге, нередко — в форме прямых цитат [3: с. 150–151]. В книге Маевского меньше исторических сведений, а справочный аппарат отсутствует. Лишь в конце описываются типы существующих на Афоне монастырей (глава «Киновии и идиоритмы») и типы монахов (в главе «Келлиоты, каливиты и сиромахи»). Автор, вероятно, не ставил перед собой задачи «популяризировать» знания об Афоне.

Как отметил Н.И. Прокофьев, характерная особенность языка хождений — это присутствие иноязычной лексики и фразеологии [10: с. 18]. У Маевского ее очень мало: незнакомые предметы могут описываться, но не называться (например, «особенные открытые кадилъницы на серебряных блюдах» [6: с. 37]), либо называться иноязычным словом без перевода («*пαραклис*» [6: с. 39]). Книга Зайцева изобилует греческими названиями, которые вводятся с комментарием или переводом: «особая кадилъница (“кация” — плоская, с ручкой)» [3: с. 96], «*пαραклис (небольшая домовая церковь)*» [3: с. 80], «*стасидии (высокие, узкие кресла с подлокотниками, где стоят монахи)*» [3: с. 84] и т.п.

Оба автора подробно изобразили некоторые ритуалы: богослужения, молитвы, общую трапезу. Путешественники отметили, что афонские службы длятся по 10–12 часов, падающих на ночные и предутренние часы, некоторые монахи кладут в день до тысячи поклонов. Многие обряды могут вызвать у современного человека удивление. Так, во время праздничной трапезы один монах на кафедре читает Жития Святых, в конце ее происходит древний обряд Панагии (освящения просфоры), а после трапезы повар, трапезарь и чтец ложатся ниц у выхода, смиренно прося таким образом прощения у каждого выходящего «за какую-либо оплошность, допущенную во время обеда или изготовления пищи» [6: с. 44]. Одной из характерных черт афонской традиции является погребальная обрядность: иноческие останки не предают земле, а складывают в специальных усыпальницах, где покоятся «правильно сложенные на полках черепа и отдельные кости умерших братьев...» [6: с. 91]. Наблюдая эти особенности, Зайцев отметил: «Все это может показаться странным и далеким человеку нашей пестрой культуры. Что делать. Священнодействие очень важная, яркая черта монашеской жизни <...> Монах как бы живет в Боге, “ходит в нем”. Естественно его желание приблизить к Богу каждый шаг своей жизни» [3: с. 97].

Путешествуя по полуострову, паломники посещали не только монастыри, но и отдаленные части Афона, например, Карулю — глухую афонскую пустынь на вершине прибрежной отвесной скалы, населенную отшельниками.

Посещение труднодоступных мест подготавливает паломника к дальнейшему движению вверх и достижению сакрального центра местности, которым является вершина Святой Горы. Зайцеву не удалось взойти на вершину Афона, Маевский же совершил это нелегкое восхождение. Наверху его ждало неожиданное впечатление: церковь без креста. Однако данное проводником объяснение оказалось самым прозаичным: *«Кресты не могут здесь долго стоять на храме <...> их постоянно ломает пронсящимися бурями и страшными ударами молнии»* [6: с. 118].

Заметное место в книгах отводится изображению афонских монахов, в облике которых авторы подчеркнули душевную и духовную исключительность.

На страницах «Афона» Зайцева чередой проходят смиренные и в большинстве безвестные иноки: архимандрит Кирик, лодочник о. Петр, проводник автора в путешествии по полуострову о. Пинуфрий, фотограф о. Наум, пустынножитель о. Нил, стерегущий монастырский огород от диких кабанов и питающийся круглый год одними смоквами. Портретным описаниям в книге Зайцева свойственно сочетание реалистической конкретности и иконописных черт.

Маевский также много внимания уделяет образам святогорских насельников: игумен Свято-Андреевского скита о. Митрофан — *«типичный монах аскетического склада»*, *«достигший духовных высот, совершенно недоступных и незнакомых людям мирской суеты»* [6: с. 56], пантелеймоновский наместник иеросхимонах о. Иоанникий — *«замечательный русский самородок»* [6: с. 29], сумевший в 1913 г. противостоять даже *«злополучному Григорию Распутину»* [6: с. 27]. Внимание путешественника привлекли не только облеченные церковной властью иноки, но и *«безвестные отшельники Святой Горы»*: такие, как старец Вивиан и о. Пимен.

Образы некоторых иноков встречаются в обеих анализируемых книгах, например фигура игумена Свято-Пантелеймонова монастыря архимандрита о. Мисаила. Зайцев отметил его *«глубоко-русскую, народную»* простоту и твердость [3: с. 96]. Маевский застал о. Мисаила уже 82-летним парализованным старцем. Автор «Афонских рассказов» поведал читателю историю этого монаха, выходца из патриархальной семьи, который отличался умом и тактом, несмотря на почти полное отсутствие школьного образования. В Свято-Пантелеймоновом монастыре он руководил огромным хозяйством и сохранил величественность и ясный ум, даже когда болезнь приковала его к креслу: *«Это был человек мира <...> И, как плоды этой святой жизни, у о. Мисаила были несомненные дары Св. Духа: дар прозорливости и предвидения. Но выше всего — дар отеческой любви»* [6: с. 32].

Одну из вершин духовного роста демонстрирует *«известный всему Афону»* карульский отшельник иеросхимонах Феодосий. Как сообщает Маевский, о. Феодосий в прошлом — профессор Казанской Духовной Академии. Удалившись

на Афон он продолжал интересоваться богословскими вопросами. Зайцев отметил, что внешне о. Феодосий напоминал скорее не монаха, а «светского мудреца и учителя жизни», подобного Л.Н. Толстому [3: с. 108]. Когда разговор коснулся судьбы родины, старец сказал, что Господь покарал Россию революционными потрясениями, «*потому что возлюбил больше*»: «*И больше послал несчастий. Чтобы дать нам скорее опомниться. И покаяться*» [3: с. 109]. Маевский беседовал с о. Феодосием исключительно о своей личной жизни. Мудрость отшельника проявилась в разговоре о добродетелях. Так, на вопрос автора: «*Можно ли спастись, живя в миру*», он ответил словами своего учителя, оптинского старца, что необходима «*добродетель рассуждения и благоразумия*» [6: с. 107], основывающаяся на заповедях Господних и на любви к ближним.

Несмотря на тяжесть иноческого подвига, афонские монахи отличаются жизнерадостностью и добротой, излучают «*тихий небесный свет*» [6: с. 86].

В произведениях Зайцева и Маевского обнаруживается достаточно много сходства, обусловленного, во-первых, обращением к жанровой форме путешествия, во-вторых, общностью позиции авторов — русских изгнанников, ищущих за пределами славянского мира уцелевшие островки Святой Руси. Сходство проявилось в композиционной форме очерков, объединенных маршрутом путешествия и развитием авторской мысли, в сочетании документального, публицистического и художественного начал, в наличии пейзажных зарисовок, описаний монастырей и портретов монахов, во введении легендарных сюжетов и образов.

Различия обусловлены авторской индивидуальностью писателей: в книге Зайцева отчетливо реализуется просветительская задача изучения и популяризации незнакомого мира; обильнее введены этнографические сведения, большее внимание уделено искусству Афона (включая архитектуру, живопись и устные предания), в повествование включен агиографический материал. В целом взгляд Зайцева — это взгляд светского писателя, который описывает мир монастыря, одновременно открывая его для себя и стремясь донести до читателя его своеобразную поэтичность: «*Здесь самую жизнь обращают в священную поэму*» [3: с. 97]. Маевский меньше внимания уделяет историческим сведениям и агиографии, в его книге меньше справочного материала, описания предметов искусства практически отсутствуют. Оставляя без комментариев некоторые знакомые понятия, автор апеллирует, по-видимому, к читателю, хорошо знакомому с церковным обиходом. Сам рассказчик отправляется на Афон, преследуя глубоко личную цель, связанную с его духовным миром (он не раскрывает читателю содержание своей беседы со старцем Феодосием). Легендарные сюжеты представлены скупой. Различается и стиль повествования: богатый, но доступный широкому читателю литературный язык Зайцева контрастирует с несколько архаичным языком Маевского.

Данные произведения дополняют друг друга, не только донося до современного светского человека знания об Афоне, но и передавая суровый и высокий дух православной культуры.

Перспективным представляется более подробный стилевой анализ данных произведений, а также рассмотрение их в более широком контексте литературы путешествий.

Литература

1. *Воропаева Е.* «Афон» Б.Зайцева / Е. Воропаева // Литературная учеба. – 1990. – № 4. – С. 32–35.
2. *Глушкова Н. Б.* Паломнические «хождения» Б.К. Зайцева: Особенности жанра: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.Б. Глушкова. – М.: МПГУ, 1999. – 16 с.
3. *Зайцев Б. К.* Собр. соч.: в 11-ти т. / Б.К. Зайцев. – Т. 7. – М.: Русская книга, 2000. – 528 с.
4. *Капица Ф. С.* Мифологема пути в книге Б. Зайцева «Валаам» / Ф.С. Капица // Калужские писатели на рубеже Золотого и Серебряного веков. – Вып. 5. – Калуга: ИПКРО, 2005. – С. 55–59.
5. *Любомудров А. М.* Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. Зайцев, И. Шмелев / А.М. Любомудров. – СПб.: Д. Буланин, 2003. – 272 с.
6. *Маевский В.* Афонские рассказы / В. Маевский. – Париж, 1950. – 185 с.
7. *Мальшев В.* Сокровища Афона / В. Мальшев // Наше наследие. – 1989. – № 1. – С. 144–148.
8. *Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1999: в 6-ти т. / Сост. В.Н. Чуваков. – Т. 4. Л – М. – М.: РГБ, Изд-во «Пашков дом», 2004. – 700 с.*
9. *Пак Н. И.* Древнерусская культура в художественном мире Б.К. Зайцева / Н.И. Пак. – М.; Калуга: МПГУ; КГПУ, 2003. – 180 с.
10. *Прокофьев Н. И.* Хожение: путешествие и литературный жанр / Н.И. Прокофьев // Книга хождений: Записки русских путешественников XI–XV вв. – М.: Советская Россия, 1984. – С. 5–20.

A.V. Gromova

Athos Image in Russian Literature Abroad (B.K. Zaitsev, V.A. Maevskij)

In the article for the first time comparative analysis of two travelogues: “Athos” by B.K. Zaitsev and “Athos stories” by V.A. Maevskij — is held out to show both similarities and differences in creating the image of the Holy Mountain. The similarity is seen in presence of landscape drawings, descriptions of monasteries and portraits of monks, in the introduction of apocryphal legends as well. But Zaitsev’s work presents extensive ethnographic data, historical and hagiographical material, more attention is paid there to the art of Athos.

Key words: B.K. Zaitsev; V.A. Maevskij; Athos; image; travelogue; pilgrimage.

References

1. Voropaeva E. “Afon” B. Zaiceva / E. Voropaeva // Literaturnaya uchyoba. – 1990. – № 4. – S. 32–35.
2. Glushkova N. B. Palomnicheskie “xozheniya” B.K. Zaiceva: Osobennosti zhanra: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / N.B. Glushkova. – M.: MPGU, 1999. – 16 s.
3. Zaicev B. Sobr. soch.: v 11-ti t. / B. Zaicev. – T. 7. – M.: Russkaya kniga, 2000. – 528 p.
4. Kapica F. S. Mifologema puti v knige B. Zaiceva “Valaam” / F.S. Kapica // Kaluzhskie pisateli na rubezhe Zolotogo i Serebryanogo vekov. – Vy’p. 5. – Kaluga: IPKRO, 2005. – P. 55–59.
5. Lyubomudrov A. M. Duxovnij realizm v literature russkogo zarubezh’ya: B. Zaicev, I. Shmelyov / A.M. Lyubomudrov. – SPb.: D. Bulanin, 2003. – 272 p.
6. Maevskij V. Afonskie rasskazy’ / V. Maevskij. – Parizh, 1950. – 185 p.
7. Maly’shev V. Sokrovishha Afona / V. Maly’shev // Nashe nasledie. – 1989. – № 1. – S. 144–148.
8. Nezaby’tie mogily’. Rossijskoe zarubezh’ye: nekrologi 1917–1999: v 6-ti t. – T. 4. – M.: RGB; Izd-vo “Pashkov Dom”, 2004. – 700 s.
9. Pak N. I. Drevnerusskaya kultura v xudozhestvennom mire B. Zaiceva / N.I. Pak. – M.; Kaluga: MPGU; KGU, 2003. – 180 s.
10. Prokof’ev N. I. Xozhenie: puteshestvie i literaturny’j zhanr // Kniga xozhenij: Zapiski russkix puteshestvennikov XI–XV vv. / N.I. Prokof’ev – M.: Sovetskaya Rossiya, 1984. – S. 5–20.

О.Ю. Казмирчук

Песня А. Галича «Баллада о стариках и старухах...» в контексте балладной традиции

В статье анализируется песня А. Галича «Баллада о стариках и старухах...». Автор высказывает гипотезу, что Галич использовал и модифицировал различные версии жанрового канона баллады.

Ключевые слова: А. Галич; «Баллада о стариках и старухах...»; жанровый канон; романтическая баллада; советская баллада.

Вопрос об использовании и трансформации жанра баллады в творчестве А. Галича уже привлекал внимание литературоведов (см., например, диссертационные исследования М.В. Жигачёвой [3: с. 26–27] и Д.Н. Курилова [6]). Очевидно, что рассмотрение этой проблемы сопряжено с рядом трудностей, обусловленных как спецификой жанра баллады, так и особенностями создания и бытования поэтических текстов А. Галича. Попытаемся коротко прокомментировать оба момента.

Термин «баллада» традиционно применяется к нескольким группам стихотворных текстов, достаточно сильно отличающихся друг от друга, и если некоторые исследователи усматривают в этом феномене элемент эволюции жанра, то другие говорят о терминологической омонимии (об этом подробнее см. в статье Д.М. Магомедовой [7]).

Что же касается поэтического наследия А. Галича, то принадлежность основного корпуса его текстов к песенному жанру, которому свойственно устное бытование, допускает существование нескольких равноправных вариантов как самого поэтического текста, так и его заглавия. Таким образом, ряд текстов, в заглавие которых вынесено наименование жанра «баллада», периодически теряет эту жанровую характеристику. Например, интересующая нас «Баллада о стариках и старухах...» несколько раз самим автором называлась «Песней о стариках и старухах...», этот феномен подробно исследован в статье Ю.Б. Орлицкого [8]. Однако, на наш взгляд, именно в этом тексте А. Галича активно используются различные элементы художественного универсума баллады.

Так, само название текста («Баллада о стариках и старухах, с которыми я вместе жил и лечился в санатории областного совета профсоюзов в 110 км от Москвы»), содержащее в себе перечисление действующих лиц, а также краткий пересказ сюжета (подобный пример характерен для песенного твор-

чества А. Галича), восходит к одической и балладной традиции заглавий (об этом писали Л.А. Венцов [4: с. 58], Ю.Б. Орлицкий [8: с. 748]).

Обратимся непосредственно к тексту баллады. Интересующая нас баллада А. Галича начинается с описания того, как воспринимают лирического героя окружающие его люди: *«Все завидовали мне: “Эко денег”. / Был загадкой я для старцев и стариц. / Говорили про меня: “Академик!” / Говорили: “Генерал-иностранец!”»*¹ [1]. Таким образом, по мнению персонажей песни А. Галича, герой принадлежит к иному («высшему») миру. Здесь в несколько пародийном варианте реализуется важнейший для романтической баллады мотив встречи представителей двух миров, «здешнего» и «потустороннего» (ср. с «Лесным царем» Гёте, сюжетами о встрече с мёртвым женихом, использованными В.А. Жуковским, П. Катениным, А. С. Пушкиным и т. п.)². Нетрудно заметить, что в тексте А. Галича мотив границы, мотив разделения миров, объясняется чётко выраженной социальной иерархией («академик», «генерал-иностранец»).

Далее автор усиливает ощущение «нереальности» происходящего: *«О бессонница, снотворных отрав, / Может статься, это вы виноваты, / Что привиделась мне вздорная слава...»*, после чего опять возникает мотив двоимирия: обычная жизнь и болезнь. Лирический герой А. Галича находится на границе этих миров: *«А недуг со мной хитрил поминутно: / То держал, то отпускал на поручки»* (так имплицитно возникает столь значимая в балладе тема смерти).

Подобная интерпретация идеи двоимирия в гораздо большей степени отвечает балладному универсуму (ср. хотя бы «пограничные» состояния гадания и сна в балладе В.А. Жуковского «Светлана»), но Галич снова возвращается к социально-бытовой трактовке: его лирический герой и в бытовом поведении отличается от других, он — представитель «иноного» мира: *«Я неслышно проходил. “Англичанин!” / Я козла не забивал. “Академик!” / И звонки мои в Москву обличали: / “Эко денег у него, эко денег!”»*.

Примечательно, что в этих строчках звучит два голоса: голос самого лирического героя и голос «стариков и старух» — герой цитирует чужие фразы (подобное столкновение различных «голосов» — один из излюбленных приёмов А. Галича, что было подробно проанализировано Е.Г. Эткингом [4: с. 83–84]). В данном случае реплики «стариков и старух» можно интерпретировать и как фрагменты неудавшегося диалога. Герой пытается развеять миф о собственной избранности, непохожести, но беседа не удаётся, понимания не возникает: *«И казалось мне, что вздор этот вечен, / Неподвижен, словно солнце в зените... / И когда я говорил: “Добрый вечер!” / Отвечали старики: “Извините”»*.

Здесь А. Галич также следует балладной традиции. Как известно, в балладе именно посредством диалога контактируют представители «здешнего» и «потустороннего» мира, причём цепочка реплик героев строится по принципу нарастания семантической напряжённости. Этот приём блистательно описан Н.Д. Тамарченко [10: с. 174] на примере хрестоматийно известной баллады

¹ Здесь и далее все цитаты из стихотворений А.А. Галича приводятся по изданию [1].

² Подробнее об этом см. в работах Н.Д. Тамарченко [10].

Гёте «Лесной царь», где три реплики Лесного царя, которого слышит ребёнок, показывают, как возрастает желание демонического существа овладеть героем. Лесной царь сначала обещает герою богатство, потом — знакомство со своими дочерьми и, наконец, признаётся, что никогда не отпустит героя, ср.: *«Дитя, оглянися, младенец, ко мне; / Весёлого много в моей стороне...»*, *«Ко мне, мой младенец! В дуброве моей / Увидишь прекрасных моих дочерей...»*, *«Дитя, я пленился твоей красотой: / Неволей иль волей, а будешь ты мой»* (перевод В.А. Жуковского) [2: с. 173–174].

В «Балладе...» А. Галича, как уже отмечалось, не возникает диалога между героями, однако реплики «старцев», оценивающих поведение главного героя, повторяются трижды, причём каждый раз интерпретации поступков героя становятся всё более нелепыми, ср. финальное: *«И в кино я не ходил. “Ясно, немец!” / И на танцах не бывал. “Академик!” / И в палатке я купил чай и перец. — / “Эко денег у него, эко денег!”»*.

Таким образом, А. Галич использует основные элементы художественного универсума романтической баллады, такие как: встреча героев, принадлежащих к различным мирам, герой, находящийся на границе между двумя мирами, — однако переосмысляет эти образы и мотивы, переносит их в социально-бытовой план, заметно снижая их эстетическую значимость. А. Галич описывает не два мира, «земной» и «потусторонний», а два разряда людей: обыватели и баловень судьбы (и даже эта оппозиция оказывается мнимой, герою лишь приписываются характеристики избранника фортуны).

Тем не менее, в финале «Баллады о стариках и старухах» актуализируется тема смерти, тема «иночного», «потустороннего» мира. Осознав бесполезность спора со стариками, герой Галича приходит к пониманию того, что настоящая слава достигается лишь после смерти: *«Ну и ладно, и не надо о славе... / Смерть подарит нам бубенчики славы. / А живём мы в этом мире послами / Не имеющей названья державы»*.

Итак, в финале текста А. Галича появляются тема смерти и мотив взаимодействия «земного» мира с миром «иным». В финальной строфе «Баллады о стариках и старухах» реализуются основные принципы жанровой модели романтической баллады, однако и здесь Галич не в полной мере соблюдает традиции жанра. Как правило, герой романтической баллады, соприкоснувшись с «иным» миром, погибает (ср. финал уже упоминаемого «Лесного царя»), тогда как в «Балладе» Галича смерть отнесена в область будущего: *«Смерть подарит нам бубенчики славы»*.

Анализируя песню А. Галича «Баллада о стариках и старухах», необходимо учитывать ещё одну традицию, хронологически более близкую Галичу, нежели уже рассмотренная нами романтическая баллада. Имеется в виду традиция «советской» баллады — жанра, возникшего в русской поэзии в 20-е годы XX в.

Как отмечают исследователи, в «советской», или «тихоновской» балладе максимально редуцируется фантастический компонент, а в основу сюжета такой баллады ложится рассказ о подвиге [5]. Большая часть баллад, напи-

санных А. Галичем, в том числе и «Баллада о стариках и старухах», строится как пародия на «классическую» советскую балладу. Попробуем это продемонстрировать.

Герой «советской» баллады обязательно совершает подвиг, напомним фрагменты из двух хрестоматийно известных баллад Н. Тихонова: «*А самый дерзкий и молодой / Смотрел на солнце над водой. / “Не все ли равно, — сказал он, — где? / Еще спокойней лежать в воде”*. / *Адмиральским ушам простукал рассвет: / “Приказ исполнен. Спасенных нет”*», — это «Баллада о гвоздях». Напомним и «Балладу о синем пакете»: «*Сказал с землю набитым ртом: / “Сначала пакет — нога потом”*». Как видим, в «советской» балладе далеко не всегда чётко называются обстоятельства, побуждающие героя совершать отважные поступки. Более того, в финале «Баллады о синем пакете» выясняется, что самопожертвование героя, доставившего в Кремль «синий пакет», бесполезно, поскольку информация, содержащаяся в донесении, уже известна адресату: «*Письмо в грязи и в крови запеклось, / И человек разорвал его вкось. / “Оно опоздало на полчаса, / Не нужно — я все уже знаю сам”*» [9: с. 5–7].

В отличие от «советской» баллады, песни-баллады А. Галича строятся по принципу: «не герой» в «негероической» ситуации. Ср. хотя бы названия текстов: «Вальс-баллада про тещу из Иванова», «Баллада о том, как едва не сошёл с ума директор антикварного магазина № 22 Копылов И.А., рассказанная им самим доктору Беленькому Я.И.», «Баллада о том, как одна принцесса раз в два месяца приходила поужинать в ресторан “Динамо”», «Баллада о стариках и старухах, с которыми я вместе жил и лечился в санатории...».

Действительно, герой «Баллады о стариках и старухах...» лишён каких-либо героических качеств, но окружающие его люди приписывают ему определённые характеристики («академик» «генерал-иностранец») и каждый его поступок трактуется в соответствии со сложившейся легендой (в русской литературе классическим примером разработки такого сюжета является гоголевский «Ревизор»). В отличие от Хлестакова, герой Галича пытается рассеять общее заблуждение, но даже это ему не удаётся: «*“Я такой же, как и вы, только хуже!” / И поддакивали старцы, не веря»*.

И всё-таки в финале герой А. Галича совершает своеобразный подвиг: сознав, что время его пребывания на земле ограничено, герой примиряется с окружающими его людьми, неслучайно в финале «Баллады» появляется местоимение «мы»: «*А живём мы в этом мире послами / Не имеющей названья державы»*.

Итак, можно предположить, что в «Балладе о стариках и старухах» объединяются и модифицируются различные инвариантные модели балладного жанра, а основные принципы трансформации жанрового канона заключаются в «обытовлении», «снижении» важнейших архетипов, традиционно используемых в балладе. Благодаря такому приёму автор создаёт новую картину мира, в которой смешивается героическое и обыденное, возвышенное и низкое.

Литература

1. *Галич А.* Возвращение: Стихи, песни, воспоминания / А. Галич. – Л.: Музыка, 1990. – 320 с.
2. *Гёте И.* Собрание сочинений: в 10-ти тт. / И. В. Гете. – Т. 1. – М.: Художественная литература, 1975. – 528 с.
3. *Жигачёва М. В.* Эволюция жанра баллады в русской поэзии 60–80-х годов XX века: дис. ... канд. филол. наук / М.В. Жигачёва. – М., 1994. – 197 с.
4. *Закливание Добра и Зла.* Александр Галич: Антология. – М.: Прогресс, 1991. – 576 с.
5. *Квятковский А. П.* Баллада / А.П. Квятковский // Квятковский А. П. Поэтический словарь. – М.: Наука, 1966. – С. 56.
6. *Курилов Д. Н.* Авторская песня как жанр русской поэзии советской эпохи (60–70-е гг.): дис. ... канд. филол. наук / Д.Н. Курилов. – М., 1999. – 155 с.
7. *Магомедова Д. М.* Баллада / Д.М. Магомедова // Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий. – М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. – С. 26–27.
8. *Орлицкий Ю. Б.* Динамика стиха и прозы в русской словесности / Ю.Б. Орлицкий. – М.: РГГУ, 2008. – 845 с.
9. Путешествие в страну поэзия: в 2-х кн. – Кн. 2. – Л.: Лениздат, 1968. – 536 с.
10. *Тамарченко Н. Д.* Теоретическая поэтика / Н.Д. Тамарченко. – М.: РГГУ, 2002. – 466, [1] с.

O.Yu. Kazmirchuk

The Song by Alexander Galich «The Ballad about Old Men and Women» in the Context of Ballad Tradition

The song by Alexander Galich «*The Ballad about Old Men and Women*» is analysed in the article. The author puts forward a hypothesis that Galich used and modified different versions of ballad genre canon in it.

Key words: A. Galich; «*The Ballad about Old Men and Women*»; genre canon; romantic ballad; soviet ballad.

References

1. *Galich A.* Vozvrashhenie: Stixi, pesni, vospominaniya / A. Galich. – L.: Muzy'ka, 1990. – 320 s.
2. *Gyote I.* Sbranie sochinenij: v 10-ti t. / I.V. Gyote. – T. 1. – M.: Xudozhestvennaya literatura, 1975. – 528 s.
3. *Zhigachyova M. V.* E'voluciya zhanra ballady' v russkoj poe'zii 60–80-x godov XX ve-ka: dis. ... kand. filol. nauk / M.V. Zhigachyova. – M., 1994. – 197 s.
4. *Zaklinanie Dobra i Zla.* Aleksandr Galich: Antologiya. – M.: Progress, 1991. – 576 s.
5. *Kvyatkovskij A. P.* Ballada / A.P. Kvyatkovskij // Kvyatkovskij A. P. Poe'ticheskiy slovar'. – M.: Nauka, 1966. – S. 56.
6. *Kurilov D. N.* Avtorskaya pesnya kak zhanr russkoj poe'zii sovetskoj e'poxi (60–70-e gg.): dis. ... kand. filol. nauk / D.N. Kurilov. – M., 1999. – 155 s.

7. *Magomedova D. M.* Ballada / D.M. Magomedova // Poe'tika: Slovar' aktual'ny'x terminov i ponyatij. – M.: Izd-vo Kulaginoj; Intrada, 2008. – S. 26–27.
8. *Orliczkij Yu. B.* Dinamika stixa i prozy' v russkoj slovesnosti / Yu.B. Orliczkij. – M.: RGGU, 2008. – 845 s.
9. Puteshestvie v stranu poe'ziya: v 2-x kn. – Kn. 2. – L.: Lenizdat, 1968. – 536 s.
10. *Tamarchenko N. D.* Teoreticheskaya poe'tika / N.D. Tamarchenko. – M.: RGGU, 2002. – 466, [1] s.

Т.Г. Чеснокова

«Поездка в Скарборо»: опыт драматургической переделки в комедийном творчестве Р.Б. Шеридана

(Окончание. Начало статьи см. в «Вестнике МГПУ»
серии «Филологическое образование», 2009, № 2 (3), с. 62–71.)

Статья содержит подробный анализ комедии Р.Б. Шеридана «Поездка в Скарборо» в сопоставлении с ее литературным источником — «реставрационной» комедией Дж. Ванбру «Неисправимый». Задачи компаративного анализа осуществляются в контексте исследования общих принципов переработки заимствованного материала в английской драме XVII–XVIII вв.

Ключевые слова: драматургическая переделка; драматургическая структура; Р.Б. Шеридан; Дж. Ванбру; сравнительный анализ.

Одним из первых претендентов на «чистку» оказался заглавный персонаж комедии Ванбру — «неисправимый» повеса Лавлесс. В обеих версиях (Ванбру и Шеридана) Лавлесс явным образом нарушает нравственные нормы, но избегает какого-либо наказания. Тем не менее, в «Поездке в Скарборо» «преступная неблагодарность» героя по отношению к любящей супруге заметно смягчена. Лавлесс у Шеридана — уже не злостный клятвopеступник, поправший «последнюю жертву» преданной Аманды, но просто беспечный молодой супруг, который в силу юношеского легкомыслия *«слишком небрежен и невнимателен к сокровищам, которыми обладает»* (I.I)¹ [5: с. 212]. Для шеридановского Лавлесса увлечение красивой молодой вдовой Беринтией не столько рецидив бывшего либертинажа, сколько краткая вспышка страсти на фоне более постоянного (хотя и слегка потускневшего) чувства к законной жене; не новое падение после недолгого раскаяния, но последняя шалость перед тем, как окончательно остепениться (*«Впрочем, я твердо решил исправиться, но... немного погодя»* (IV.III) [5: с. 244]).

Обновленный и «исправленный» Уорти (переименованный Шериданом в полковника Таунли), в отличие от соответствующего персонажа в «Неисправимом», прежде всего, человек холостой. Поэтому его галантные увлечения не несут на себе неизбежной печати супружеской неверности. В течение двух лет он не выходит из границ преданного поклонения Беринтии, терпит

¹ Здесь, как и в первой части статьи [4], первая римская цифра в круглых скобках обозначает акт, вторая — сцену.

ее капризы. Его роль — это роль достойного претендента на руку и сердце красавицы, а не бывшего любовника, вступающего в сговор с отставленной пассией ради успешного оболъщения ее подруги.

Примчавшись в Скарборо на встречу с любимой женщиной и не найдя ее в городе, полковник *«то ли с досады, то ли со скуки»* (I.I) [5: с. 212] принимает ухаживать за Амандой, поневоле всё более увлекаясь женой приятеля. Беринтия же, соизволив, наконец, явиться на место встречи на месяц позже назначенного срока, так же «с досады» решается отомстить неверному Таунли и «лицемерной» подруге. Страстные взгляды Лавлесса приходятся как нельзя кстати для осуществления плана мести, и Беринтия начинает опасную игру с мужем Аманды, не переставая, однако, ревновать полковника. В отношениях Таунли и Беринтии главную роль, таким образом, играет не пресыщенный порок (как в комедии Ванбру), а капризы и ревность. В этом пара гораздо больше напоминает героев ранних пьес самого Шеридана: Фокленда и Лидию (в «Соперниках»), Фернандо и Клару (в «Дуэнье»). В итоге ветреная красавица и вышедший из повиновения поклонник не только удерживаются от физической измены, но и возвращают друг другу утраченную благосклонность, как только узнают о чрезмерности взаимных ревнивых подозрений.

Новая мотивировка поступков придает также новый (более «мягкий») смысл перенесенным в «Поездку» циничным афоризмам «Неисправимого». Это в особенности характеризует Беринтию, которая в пьесе Ванбру с уверенной твердостью излагала программу женского либертинажа как законного наказания за мужскую неверность: *«<...> ни один мужчина, стоящий любви, — уверяла она Аманду, — не бывает верен своей жене, и не может быть, и никогда не бывал, и никогда не будет»* (III.II) [2: с. 97]. Провозглашая эту истину, коварная вдовушка не грешит против своей житейской «веры», но и не «изливает душу» с прямолинейной дружеской откровенностью. Развенчание романтических иллюзий — это часть продуманной провокации, цель которой — внушить Аманде презрение к мужу и толкнуть её на «сладкую» месть в объятиях Уорти.

В устах облагороженной Беринтии Шеридана та же сентенция о «стоящих» мужчинах звучит, однако, совсем иначе (и в первую очередь менее настойчиво — без прежних выразительных повторов: *«не бывает <...>, и не может быть, и никогда не бывал, и никогда не будет»*¹). Не трезвый цинизм великосветской сводни и не бесстрастный расчет, направленный против хрупкого семейного счастья подруги, но ревность и затаенная обида на охладевшего поклонника — вот, что движет Беринтией в пьесе Шеридана. Беринтия Ванбру холодно «констатирует факт» неизбежности мужских измен и вместе с тем манипулирует чувствами доверчивой Аманды. Беринтия Шеридана «ведет расследование» и в то же время выплескивает наружу собственные эмоции. Первая, разоблачая мужчин вообще, прозрачно намекает на мужа подру-

¹ В «Поездке» все обыденнее и проще: *«<...> а я скажу тебе, что ни один стоящий мужчина не бывает верен своей жене»* (III.II) [5: с. 234].

ги, вторая под маской цинизма невольно «жалуется» сопернице на неверного ухажера.

Иное значение приобретают на этом фоне и похвалы, расточаемые Беринтией в адрес Уорти – Таунли. В «Неисправимом» кокетка, «положив глаз» на законного мужа Аманды, была и впрямь заинтересована в том, чтобы навязать обманутой жене интригу со своим бывшим любовником, и не жалела красок, рисуя его в самом выгодном свете. В комедии Шеридана коварные расспросы и нарочитые комплименты вдовы в адрес Таунли скрывают ревнивую подозрительность героини и желание выяснить, как далеко зашло взаимное увлечение полковника и Аманды. Тем самым, в «Поездке в Скарборо» образ Беринтии приблизился к более обаятельному типу кокетливой и вздорной, но способной на искреннее чувство светской красавицы. Зато «неисправимый» ветреник и «очаровательный» любовник Лавлесс, напротив, утратил немалую часть своего обаяния. *«Очаровательный человек, — вздыхала, млея о нем, Беринтия в пьесе Ванбру, — неудивительно, что жена его так любит»* (IV.III) [2: с. 117]. В «Поездке в Скарборо» «веселая вдова» уже не так безоговорочно покорена «неисправимым» и откровенно сознается, что, кокетничая с ним, *«хотела лишь подразнить Таунли»* (V.I) [5: с. 249].

Моральная чистка коснулась и второстепенных персонажей пьесы. Хойдн у Ванбру алчна, невежественна, похотлива, тщеславна, хитра и упряма. Она, не смущаясь, идет на двоемужество, как только выясняется, что супруг, с которым она только что обвенчалась, не был «настоящим» милордом. У Шеридана Хойдн также не образец добродетели, но и не грубое деревенское насекомое. Смесь невоспитанности и детской резвости, наивного простодушия и неразборчивости образует «приглаженный» вариант популярного комедийного образа «деревенской невесты». Ужимки Хойдн служат при этом забавным фоном для «изящных» капризов светской красавицы Беринтии. Противоположные типы сближаются, создавая почву для их будущего синтеза в образе леди Тизл — наследницы нескольких (в равной мере облагороженных и смягченных) комедийных типов: деревенской невесты, «жены из провинции» и ветреной, но не порочной светской львицы¹. Отец «деревенской невесты», сэр Танбелли Кламзи, в «Поездке в Скарборо» также уже не «людоед» (вопреки браным словам лорда Фоппингтона), но всего лишь упрямый, капризный старик, напоминающий сэра Энтони Абсолюта и дона Херонимо (персонажей «Соперников» и «Дуэньи»).

Однако среди действующих лиц «Неисправимого» были и такие, которых, в согласии с правилами сценического «декорума» и нормами морали, Шеридан в самом деле должен был признать не поддающимися «исправлению». Неудобным героям оставалось найти замену, сократить или попросту выкинуть их роли из пьесы. В числе аутсайдеров оказался, в частности, «помощник» молодого Фэ-

¹ Напомним, что героиню «Школы злословия» (в прошлом — наивную деревенскую невесту) интриги поклонника и собственные капризы приводят, как и Беринтию, на грань падения, но случай, открывая ей глаза на супружеские чувства сэра Питера, удерживает от неоправимой ошибки.

шона с говорящей фамилией Сводлинг¹ (Coupler [8]) — он поплатился не столько за свою «профессию», сколько за нетрадиционную сексуальную ориентацию, недвусмысленно выражаемую словами и взглядами, направленными на статного красавца Тома. Сводлинга в версии Шеридана заменила безобидная тетушка Каплер — вполне добропорядочная сваха, которую побуждает «переметнуться» на службу к младшему Фэшону только жадность его брата, задумавшего лишить старуху законного вознаграждения за сосватанную невесту.

«Исчез» из сценического действия и сельский пастырь мистер Булл, распутный и жадный сожитель глупой няньки мисс Хойдн. В «Поездке в Скарборо» он превратился в характер внесценический. Уменьшилась также роль его «верной» подруги. На сей раз, однако, причины сокращений не ограничались давлением правил «политкорректности» (или моральной цензуры), обязывающих проявлять уважение к сельским священникам и домашним воспитательницам. «Усечению» названных образов в той же мере способствовала перестройка финала и, в частности, устранение последнего звена «деревенской» интриги — двойного замужества Хойдн. В рокайльной (с элементами позднего барокко) сюжетной модели «Неисправимого» подобный поворот перед самой развязкой воспринимался так же естественно, как открытый финал супружеских отношений Лавлесса и Аманды. Однако в смягченной Шериданом рокайльно-классицистической версии интриги еще один сюжетный «довесок» оказался бы явно избыточным — и не только по причине юридической и моральной «неоднозначности» поступка невесты, но и в силу того, что «лишний» эпизод утяжелял развязку, расшатывал ощущение финального равновесия. Всё это (вместе с моральной «чисткой» героев) вполне соответствовало утверждаемому Шериданом синтезу разных моделей комедийного жанра — сентиментальных, рокайльных и классицистических.

На фоне сглаживания структурных и моральных «пороков» сюжетного источника — финал «Поездки в Скарборо» получает традиционный для комедийного жанра «примирительный» характер. Единственным исключением из всеобщей гармонии остается Фоппингтон. Не то, чтобы по сравнению со своим предшественником из «Неисправимого» «король хлыщей» заметно изменился в худшую сторону. Напротив, стилевая и моральная «чистка» в какой-то (впрочем, небольшой) степени коснулась и его. Так, нескрываемый восторг баронета по поводу смерти родного отца заменен в «Поездке» более «скромной» радостью в связи с кончиной богатого дяди (III.I) [5: с. 229], а легкомысленное отношение к церкви как к месту, где можно щегольнуть новым платьем, сменилось сравнительно безобидной демонстрацией модных нарядов из театральной ложи. Правда, к этому стоит прибавить, что для менеджера королевского театра (каковым являлся Шеридан к моменту создания пьесы) тщеславные франты, отвлекающие внимание от сцены, были злом не только вполне серьезным, но и весьма актуальным, между тем как обычаем превращать храм Создателя в выставку светского тщеславия отчасти утратил

¹ В пер. Н. Рыковой, см. [2].

остроту современности. Сглаживание острых углов, таким образом, шло в комедии Шеридана рука об руку с «актуализацией» нравов и мод. В этом мы могли убедиться на примере сцены с париком его сиятельства, замененной в «Поездке в Скарборо» эпизодом с не менее вычурной пряжкой¹, чему сам автор уделил несколько строк в прологе:

*Былого века порожденье — фат —
Переменился с головы до пят:
В те времена безмозглая башка
Таилась под прикрытьем парика,
Но всё изменчиво — и фат любой
Является с открытой головой.
Все пряжки увеличены на диво,
И, как волною берег в час прилива,
Сокрыты ими туфли прихотливо* [5: с. 207–208].

Иного плана изменения появляются в рассуждениях Фоппингтона о делах государственных, а точнее, в откровенных признаниях пэра о степени своего безучастия к этим делам. Здесь, как и в случае со священником, не обошлось без мотивов «политкорректности» вкуче с актуализацией социальных пред-рассудков и норм, нашедших в пьесе свое отражение.

Рисуя Фоппингтона надутым фатом, не склонным принимать всерьез ни одну из свойственных его положению обязанностей, Ванбру вовсе не делает акцента на разоблачении баронета как «недостойного» члена палаты лордов. В этом отношении, как и во многих других, Фоппингтон «Неисправимого» всего лишь «зеркало» (хотя и карикатурное) нравов эпохи. Его вина состоит не столько в несоответствии личных качеств сословному идеалу, сколько в осознанном подражании «модному» эгоизму столпов политики и «хорошего общества». Вот почему на предположение Лавлесса, будто пренебрежение к заседаниям палаты может вызвать недовольство «друзей» новоявленного пэра (т.е. членов его партии), Фоппингтон отвечает с невозмутимостью истинного прожигателя жизни и человека, хорошо знающего, «что почём» в мире большой политики:

*Лавлесс*². <...> *ваши друзья будут недовольны, если вы станете пренебрегать интересующими их делами.*

Фоппингтон. *Нисколько, сэр, если я буду вовремя являться на интересующее их голосование* (II) [2: с. 67].

Напротив, одним из основных мотивов комедийного «развенчания» Фоппингтона в «Поездке в Скарборо» становится порицание баронета за эгоизм и тщеславие, несовместимые с положением и обязанностями «одного из столпов государства» (II.1) [5: с. 222]. Аналогичная оценка поступков его свет-

¹ См. сноску 1 на с. 65 в первой части статьи [4: с. 65].

² Транслитерация имен изменена по сравнению с переводом Н. Рыковой [2] в соответствии с общими принципами, принятыми в данной статье. См. сноску 2 на с. 65 в первой части статьи [4: с. 65].

лости прозвучит в комедии еще дважды: один раз — наивно, из уст «деревенщины» сэра Танбелли («*И он хочет уверить нас, что пэр Англии может себя так вести!*») (V. II) [5: с. 255]), второй — иронически, из уст остепенившегося Лавлесса («*Действительно, он порочит титул, который пытается присвоить*»¹). Если в ситуативном контексте розыгрыша Лавлесс (недавний соперник Фоппингтона) делает вид, что принял «настоящего» лорда за самозванца, то на уровне морализирующей оценки тот же герой намекает, что Фоппингтон не обладает нужными качествами, чтобы достойно нести «бремя и славу» своего положения. Характерно, однако, что шеридановский Фоппингтон, чья принадлежность к «столпам государства» расценивается окружающими как разновидность социального «самозванства», выступает в комедии уже не в роли «нового» аристократа, купившего титул за деньги, но в статусе законного наследника сословных привилегий.

Вместо скептической насмешки Ванбру, не оставляющей надежды на исправление общества и человеческой природы, в пьесу Шеридана проникают, таким образом, элементы социального морализаторства, смыкаясь с просветительской критикой сословных преимуществ аристократии. По мере того, как этот сдвиг усиливается, в голосе Шеридана — драматурга и театрального директора — начинают все более отчетливо звучать «пропагандистские» нотки будущего депутата парламента от оппозиции.

В жанровой структуре пьесы сдвиги социальных норм отражаются в изменении принципов комедийного декорума. Скептицизм Ванбру «остранял», но не уничтожал довольно жесткую норму, согласно которой шутовская личина в лучшем случае могла сочетаться в сценическом действии только со статусом представителя «новой» — денежной знати. Во времена Шеридана комическое изображение недостойного представителя наследственной аристократии уже не так сильно корбило моралистов и критиков. А на уровне жанрового мышления оно не противоречило изменившимся представлениям о границах комедии, заметно сместившихся в результате расцвета комедийного варианта мещанской драмы.

Всё это вместе не могло не привести к еще одному важному следствию — устранению (или смягчению) амбивалентности, свойственной образу Фоппингтона в «Последней уловке» К. Сиббера и развитой далее Джоном Ванбру в «Неисправимом». Шеридановский Фоппингтон во многом лишается той пронизательности и циничной остроты ума, которые отличали жеманного «короля хлыщей» в пьесе Ванбру. И хотя Шеридан сохраняет в своей обработке афоризм Аманды о человеке, «*который, не будучи дураком от рождения, <...> усердно разыгрывает из себя дурака*» (II. I) [5: с. 221], в действительности подобная характеристика больше подходит «амбивалентному»

¹ Интересно, что в подлиннике здесь использовано слово ‘scandalize’, которое предвосхищает название знаменитой «Школы злословия» («The School for Scandal»): «*A pretty fellow, indeed, that would scandalize the character he wants to assume*» (URL: <http://www.bibliomania.com/0/6/284/2419/frameset.html>, дата обращения: 10.03.2010 г.).

щеголю в «Неисправимом», чем «недостойному пэру» «Поездки в Скарборо». Этот сдвиг в свою очередь многое меняет в комедийном статусе героя. В «Неисправимом» Фоппингтон являлся комическим аутсайдером не потому, что был глупее других от природы или хуже их в нравственном отношении, но потому, что, со своими «щегольскими» ужимками, он оставался *добровольным* шутком. Зато и серьезного возмущения его поступки и речи не вызывали. Шута можно презирать, но сердиться на него — воистину грех. Лавлесс поэтому, немедленно реагируя на вольное обращение Фоппингтона к Аманде вызовом на дуэль, уже через несколько минут после обмена ударами примиряется с лордом, а в заключительной сцене «свадьбы» остается всего лишь сторонним наблюдателем, не вмешиваясь в родственную склоку двух братьев. В «Поездке в Скарборо» вольности лорда, а главное — его «нераскаянность» требуют более серьезного наказания. Вот почему за формальным удовлетворением следует довольно жестокий розыгрыш, чувствительный не только для самолюбия Фоппингтона, но и для его кошелька.

Отношения Фоппингтона с Томом Фэшном — особая статья. Достаточно сказать, что в «Неисправимом» торжество младшего брата и поражение старшего отнюдь не являлись следствием серьезных моральных различий между ними. Бездельник-лорд, пренебрегший милосердием и братскими чувствами, конечно, и там получал по заслугам. И все же критерий оценки братьев-соперников пролегал где-то в области их физических и умственных (а не нравственных) достоинств, и даже на этом поле (поле «природы») борьба между братьями шла с переменным успехом.

У Шеридана победу Тома в дополнение к его физическому и умственному превосходству над лордом обеспечивает еще и «честность», снискавшая младшему брату моральную поддержку остальных персонажей. «*Даю слово, сэр Танбелли, вам неожиданно достался зять, которым вы можете гордиться. Мой друг Том Фэшн — честнейший человек на свете*»¹ (V.II) [5: с. 256], — заверяет недовольного «тестя» полковник Таунли. Фэшн и сам парадоксальным образом подтверждает эту характеристику, делая добровольное признание в совершенном обмане (у Ванбру в аналогичной ситуации он попросту убежал подальше от пистолетов и палок вооруженной дворни папаши Кламзи).

Что же касается Фоппингтона, то в «Неисправимом» он, даже терпя поражение, не теряет присутствия духа и иронически (хотя и «с кривой ухмылкой») поздравляет младшего брата с ценным «приобретением»: «*Ты женился на особе прекрасной наружности, прелестного обхождения, благоразумного поведения, постоянной в склонностях своих и высоконравственной, разо-*

¹ В подлиннике буквально: «... вам обманом достался зять, которым вы можете гордиться, ибо мой друг Том Фэшн не менее честен, чем любой из смертных». Ср.: «*Take my word for it, Sir Tunbely, you are only tricked into a son-in-law you may be proud of: my friend Tom Fashion is as honest a fellow as ever breathed*» (URL: <http://www.bibliomania.com/0/6/284/2419/frame-set.html>, дата обращения: 10.03.2010). Смысл противопоставления, таким образом, несколько более ироничен, чем в переводе: юный Том, может быть, и не честнее прочих, но лорд, «почрачащий» свое звание, гораздо хуже «обычного человека».

рвись у меня глотка» (V.V) [2: с. 165]. В «Поездке в Скарборо» ирония лорда (кстати, вполне уместная) сменяется плохо скрываемой злобой. Об этом свидетельствует не только введенная Шериданом реплика «в сторону» (*«Ну-ка, напушу на себя философическую важность и покажу этим людям, что знатную особу ничем не смутишь»* (V.II) [5: с. 257]), но и немедленный уход «особы» с чужого торжества, не говоря уже о произнесенных «ею» напоследок словах, выдающих отнюдь не философическую досаду: *«Сэр Танбелли, я покидаю твою берлогу. Но, пока я жив, я не забуду, что ты мужик и грязный невежа, будь я проклят! (Уходит.)»* [5: с. 258].

Комический аутсайдер и циничный шут, лорд Фоппингтон сохраняет в «Поездке в Скарборо» традиционную комедийную функцию «козла отпущения», но подвергается большему моральному осуждению, чем в «Неисправимом». От Тома сиятельному пэру достается за легкомыслие и эгоизм (а также за «братское» бессердечие), от Лавлесса, Таунли и дам — за непочтительное отношение к прекрасному полу и неверие в женскую добродетель, от сельского грубияна-помещика, польстившегося на громкий титул будущего зятя, — за несоответствие поступков и мыслей высокому статусу «столпа государства». Моральные изъяны Фоппингтона становятся зеркалом тех соблазнов, опасностей и несовершенств, на грани которых едва удерживаются и «судьи» милорда. Этой зеркальности не было в «Неисправимом». Напротив, «преступные» персонажи пьесы (включая Лавлесса) относились к Фоппингтону гораздо снисходительнее (и презрительнее), чем в шеридановской «Поездке», однако не потому, что видели в его пороках отражение своих, а потому, что «король хлыщей» не был для них равным существом. Критерием подобия и различия оставалась при этом «природа», а главным недостатком Фоппингтона — добровольное искажение своего «природного» лица, выделявшее «хлыщеватого» лорда на фоне «естественности» прочих персонажей. Критерий оценки, однако, меняется в комедии Шеридана, где Фоппингтон — единственный герой, не признающий над собою власти моральных норм (быть может, в силу сановной спеси) и становящийся в результате «козлом отпущения» — за всех и *ото* всех, кто по разным причинам едва не поддался сходному заблуждению.

В существенно новом свете предстает в шеридановской пьесе и сама добродетель. В «Неисправимом» цинизм Беринтии и ее приятеля Уорти (Честнера), быть может, нагляднее всего проявлялся в их рассуждениях на моральные темы, сводившихся к утверждению, что любовь (тракуемая как *«желанья низменные грубой плоти»* (V.IV) [2: с. 156]) не может служить основой добродетели. Женщина, по словам Беринтии, *«слишком много берет на себя, заявляя, что она добродетельна, если ей не опротивел муж и она не влюбилась основательно в кого-нибудь другого. А вот уж если она влюбится и устоит, тогда пусть и радуется своей добродетели»* (III.II) [2: с. 95]. Эта мораль, хотя она звучит из уст интриганки и кокетки, однако, никем не опровергается и не ставится под сомнение. Напротив, восхищение, которое вызывает у Уорти поведение несчастной Аманды — разочаровавшейся в муже, увлеченной поклонником, но сохраняющей, несмотря на это, супружескую

добродетель, — подтверждает справедливость нравственных норм, излагаемых циниками и формально аналогичных морали Татьяны Лариной.

В комедии Шеридана этот «категорический императив», парадоксально возросший на почве морального релятивизма, уступает место более идиллическому (или, если угодно, более цельному) нравственному идеалу. Мораль шеридановской комедии стыдливо отворачивается от реальной возможности падения, но «искупает» свою близорукость утверждением идеала гармонии между чувством и долгом как нормы человеческих отношений. Супружеская верность уже не стремится любой ценой предстать в ореоле «чистого» акта добродетели и потому не требует (для подтверждения этой чистоты) непременной утраты любви и доверия к мужу или по-настоящему «кровопролитной» схватки с сердечной склонностью к кому-то другому. Такой поворот создает иллюзию возврата Шеридана «от Ванбру — к Сибберу»¹ и от морального скептицизма поздней комедии Реставрации — к прагматичному морализаторству раннего сентиментализма с его концепцией «вознагражденной добродетели». Сходство, однако, скорее внешнее. Более глубокая причина подобной нравственной перестройки коренится в «снятии» моральной (как и структурной) дуалистичности «Неисправимого» в пьесе Шеридана.

Менее двойственным — более однородным стал в шеридановской переделке также стиль. Вместе с белым стихом из текста ушли пространные монологи «сомнения» и интеллектуально изоциренные диалоги с заведомо низким эротическим подтекстом. Заметно сократился репертуар забористых клятв и проклятий милорда (что отвечало также требованиям сценической цензуры), а речь его «очистилась» от галлицизмов. Итоговые моралистические сентенции персонажей утратили не только свою двусмысленность, но и несколько неожиданную патетичность, выделявшую их на фоне преобладающей — цинично-остроумной стилевой манеры «Неисправимого». Для того чтобы в полной мере «почувствовать разницу», достаточно сравнить пространный монолог отвергнутого Амандой Уорти в «Неисправимом» (V.IV) [2: с. 156] с краткой «выжимкой» тех же рассуждений в устах шеридановского Лавлесса, посрамленного одновременно Беринтией и Амандой (V.I) [5: с. 250]. В обоих случаях герой, потерпев фиаско в своих эротических притязаниях, склоняется перед величию женской добродетели. Однако в рассуждениях Уорти обращение к высоким словам и эпитетам, отчасти сохраняющим метафизический оттенок, вместе с тем образует резкий диссонанс с воплощенной в комедии (и служащей ей жанровой «точкой отсчета») цинично-низменной картиной мира. Патетичность, направляющая мысли Уорти за пределы привычного круга понятий, граничит с рассудочностью, и эта двойственность (как возрожденный узор барочных контрастов) подчеркивается «умственной оговоркой» героя, который в самый момент возвышенного парения признает недолговечность подобных восторгов в собственной душе:

¹ Ср.: «Любовь и добродетель неразделимы. Круг замкнулся. Ценности, которые проповедовал Сиббер, а затем осмеял Ванбру, снова оказались востребованными» [3: с. 184].

*В ней есть божественное нечто,
Сошедшее сейчас и на меня:
Ведь пламя ярое моей любви,
Вернее, без метафор благородных —
Желанья низменные грубой плоти —
Мгновенно превратились в обожанье...*

Далее следует та самая оговорка, вернее, поправка героя на возможное охлаждение столь благородного пыла в весьма недалеком будущем¹. Однако заканчивается монолог на самой патетической ноте:

*Должны признать мы, в душу заглянув,
Что чистота — изящнейший наряд.
Да, если б женщины сумели наконец
Проникнуть в тайники мужских сердец,
Они б его носили, не снимая,
Чтоб в нас цвела любовь всегда живая.
Тут есть таинственная связь:
Уйдет от них святая чистота —
Любви в нас не останется следа (V.IV) [2: с. 156].*

На этом неоднозначном фоне сентенции Лавлесса звучат одновременно банальнее — и искреннее, назидательней — и наивней, условнее — и органичнее. «Органичность» их связана с тем, что Лавлессу попросту недоступно интеллектуальное раздвоение Уорти, а достигнутое нравственное состояние мыслится героем как приобщение к истине — столь же простое и окончательное, как и само содержание нравственных заповедей: «Когда мы бываем вынуждены признать истину, мы сознаем, что добродетель священна.

*О если б только женщины узнали,
За что они любовь мужчин снискали,
Они бы с добродетелью своей
Не расставались до скончанья дней» (V.I) [5: с. 250].*

Характерный для Ванбру симбиоз морального релятивизма и нравственной метафизики уступает здесь место банальной «житейской мудрости», которая становится новой точкой отсчета при построении шеридановской «компромиссной» модели комедийного жанра. Эта точка отсчета сохраняет свое значение также на уровне стиля благодаря устранению слишком явных диссонансов и практическому сведению на нет прозомерии «Неисправимого». Таким образом, реплика шеридановского Лавлесса не выбивается из стилевого единства комедии и, как моральный вывод героя из ситуации, прямо определяет ее финал. Напротив, монолог Уорти в комедии Ванбру не только в стилевом отношении, но и в качестве постулата практической морали в буквальном смысле повисал в воздухе, не находя подтверждения ни в поведении

¹ «How long this influence may last, heaven knows...» (V.V) [8].

мужа Аманды, ни в дальнейших поступках самого Уорти, остававшихся неизвестными зрителю.

Таким образом, приспособление к сцене «реставрационных» текстов в театре шеридановской эпохи не сводилось лишь к соблюдению требований моральной и речевой цензуры, а было связано с осознанием и реализацией существенно иной жанровой модели. В сознании современников Шеридана эта модель носила «идеальный» характер, по крайней мере, в двух смыслах: «идеального» соответствия жанровым ожиданиям эпохи — и соответствия «идеальной норме» комедийного жанра для всех времен. Постановка «Поездки в Скарборо» и споры вокруг нее актуализировали в сознании драматургов и критиков поиски этой идеальной структуры. Но если первая цель шеридановской переделки (воплотить в сценическом действии жанровые ожидания современников) была в основном достигнута, то решение второй задачи (удовлетворить неким «общечеловеческим» требованиям к жанру) оказалось проблематичнее.

«Снятая» жанровая модель может быть хороша тем, что сближается с устойчивым архетипом жанра, но по мере того как такая модель превращается из «проблемы» в готовый результат, она начинает отталкивать слишком тщательной полировкой и маскировкой актуальных связей со своей «малой» почвой и практическими условиями возникновения. Неудивительно, что во второй половине XX века главным упреком в адрес Шеридана стала не столько «грубость» избранного им материала, сколько конформизм и банальность созданной им версии старого сюжета. В истории английской драмы, однако, «вторичная» шеридановская комедия стала одной из вех на пути освоения «мягких» форм классицизма, которые, обеспечивая пьесе структурное и мировоззренческое единство, сами легко превращались в драматургический архетип и вступали в союз с элементами самых разных художественных систем. Они «пригодились» отчасти и драматургии XIX–XXI веков (не говоря уже о всепоглощающей стихии «массовой» литературы и кинематографа). В новейшее время, утратив прямую связь с классицизмом, они сформировали в рамках драматургической традиции некий запас стабильности — то, от чего отталкивается современная драма в самых смелых своих исканиях и с чем она неизбежно соприкасается в своем «подтексте». В условиях же конкретной литературной эпохи был важен уже сам факт возрождения «реставрационной» комедии на новом этапе (этапе более строгого структурно-стилевого единства).

Тенденция к укреплению драматургического единства *при сохранении* (насколько то было возможно) внутреннего разнообразия прежних жанровых моделей сразу же выделила «Поездку в Скарборо» на фоне более типичных переделок эпохи, рассекающих или заметно сужающих сюжетно-композиционную структуру старых пьес, — чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить комедию Шеридана с фарсом Джона Ли «Благоразумный джентльмен» (1773), написанным на основе «сельской» интриги «Неисправимого» всего за четыре года до шеридановской «Поездки в Скарборо».

В «Поездке» синтетический принцип новой «большой» комедии был разработан целиком на чужом материале, но уже в «Школе злословия», поставленной

в мае того же 1777 года, драматургу удалось создать одну из самых оригинальных и в то же время наиболее традиционных комедий не только в собственном творчестве, но и, возможно, во всей английской драматургии XVIII века.

Литература

1. *Боровлева М. Ю.* Концепт «провинция» в английской комедии нравов XVIII века (Дж. Фаркер, Дж. Аддисон, Г. Филдинг, О. Голдсмит, Р.Б. Шеридан): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / М.Ю. Боровлева. – М., 2007. – 214 с.
2. *Ванбру Дж.* Неисправимый, или Добродетель в опасности: Комедия / Дж. Ванбру; [пер. Н. Рыковой; вступит. статья И. Ступникова]. – М.: Искусство, 1975. – 172 с.
3. *Кожевников М. В.* «Плачущая муза»: Английская сентиментальная комедия в системе драматических жанров / М.В. Кожевников. – Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. ун-та, 2001. – 243 с.
4. *Чеснокова Т. Г.* «Поездка в Скарборо»: опыт драматургической переделки в комедийном творчестве Р.Б. Шеридана / Т.Г. Чеснокова // Вестник Московского городского педагогического университета, сер. «Филологическое образование». – 2009. – № 2. – С. 62–71.
5. *Шеридан Р. Б.* Поездка в Скарборо / Р.Б. Шеридан // Шеридан Р. Б. Драматические произведения / Пер. Ю. Смирнова и З. Александровой. – М.: Искусство, 1956. – С. 203–258.
6. *Goldsmith O.* An Essay on the Theatre; or, a Comparison between Laughing and Sentimental Comedy / O. Goldsmith // British Dramatists from Dryden to Sheridan / Ed. by G.H. Nettleton and A.E. Case; revised by George Winchester Stone, Jr. – Edwardsville: Southern Illinois University Press, 1976. – P. 751–753.
7. *Loftis J.* Sheridan and the Drama of Georgian England / J. Loftis. – Oxford: Basil Blackwell, 1976. – XI, 174 p.
8. *Vanbrugh J.* The Relapse; The Provoked Wife; The Confederacy; A Journey to London; The Country House / J. Vanbrugh. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – 432 p. (Oxford World's Classics).

T.G. Chesnokova

«A Trip to Scarborough»: A Case of Dramatic Adaptation in R.B. Sheridan's Comediography

The article contains detailed analysis of R. B. Sheridan's comedy "A Trip to Scarborough" as compared to its Restoration source – John Vanbrugh's "The Relapse". This kind of comparative analysis is performed in the context of investigation of general principles of reworking of borrowed material in the English drama of XVII–XVIII centuries.

Key words: dramatic adaptation; dramatic structure; R.B. Sheridan; J. Vanbrugh; comparative analysis.

References

1. *Borovleva M. Yu.* Koncept «provinciya» v anglijskoj komedii npravov XVIII veka (Jzh. Farker, Jzh. Addison, G. Filding, O. Goldsmit, R.B. Sheridan): dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.03 / M.Yu. Borovleva. – M., 2007. – 214 s.
2. *Vanbru Jzh.* Neispravimy'j, ili Dobrodetel' v opasnosti: Komediya / Jzh. Vanbru; [per. N. Rykovej; vstupit. stat'ya I. Stupnikova]. – M.: Iskusstvo, 1975. – 172 s.
3. *Kozhevnikov M. V.* «Plachushhaya muza»: Anglijskaya sentimental'naya komediya v sisteme dramaticheskix zhanrov / M.V. Kozhevnikov. – Magnitogorsk: Izd-vo Magnitogorsk. gos. un-ta, 2001. – 243 s.
4. *Chesnokova T. G.* «Poezdka v Skarboro»: Opy't dramaturgicheskoy peredelki v komedi'nom tvorchestve R.B. Sheridana / T.G. Chesnokova // Vestnik Moskovskogo Gorodskogo Pedagogicheskogo universiteta, ser. «Philologicheskoe obrazovanie». – 2009. – № 2. – S. 62–71.
5. *Sheridan R. B.* Poezdka v Skarboro / R.B. Sheridan // Sheridan R. B. Dramaticheskie proizvedeniya / Per. Yu. Smirnova i Z. Aleksandrovoj. – M.: Iskusstvo, 1956. – S. 203–258.
6. *Goldsmith O.* An Essay on the Theatre; or, a Comparison between Laughing and Sentimental Comedy / O. Goldsmith // British Dramatists from Dryden to Sheridan / Ed. by G.H. Nettleton and A.E. Case; revised by G. Winchester Stone, Jr. – Edwardsville: Southern Illinois University Press, 1976. – P. 751–753.
7. *Loftis J.* Sheridan and the Drama of Georgian England / J. Loftis. – Oxford: Basil Blackwell, 1976. – XI, 174 p.
8. *Vanbrugh J.* The Relapse; The Provoked Wife; The Confederacy; A Journey to London; The Country House / J. Vanbrugh. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – 432 p. (Oxford World's Classics).

Я.С. Линкова

Образ России и русских в «Путешествии в Россию» Теофиля Готье

Статья содержит анализ записок французского писателя Теофиля Готье, посвященных его впечатлениям о России, русском искусстве и быте. Книга Готье может быть интересна с нескольких точек зрения: как исторический и искусствоведческий материал и как образец своеобразия художественного стиля писателя, являвшегося одним из убежденных сторонников «искусства для искусства».

Ключевые слова: французская литература; Теофиль Готье; образ русского; литература путешествия; искусство для искусства.

Теофиль Готье посетил Россию дважды. В первый раз путешествие заняло полгода — с 15 сентября 1858 до 27 марта 1859, когда поэт побывал в Санкт-Петербурге и Москве. Во второй раз он доехал до Нижнего Новгорода и присутствовал на нижегородской ярмарке. Это поездка была значительно короче, всего два с половиною месяца — с августа по октябрь 1861 года. Готье должен был собрать материал для издания по истории русского искусства, которое находилось под покровительством Александра II. Издание обещало быть роскошным, предполагалось сделать двадцать выпусков по 24 страницы каждый. Для Готье же это означало путешествие в далекую и загадочную страну. В опубликованных в 1879 году «Беседах, воспоминаниях и переписке Теофиля Готье» под общей редакцией Эмиля Бержера приводится одно признание Готье, в котором он, в частности, посвящает собеседника в особенности своего художественного метода, сходного, на его взгляд, с приемом Байрона: *«Я путешествую, чтобы осуществить самую обыкновенную мечту, чтобы сменить оболочку... Мне говорят: “В вашем путешествии в Россию совсем нет русских!” Черт побери! Зачем это нужно? Видел ли я этих русских? Я сам был таким же русским в Санкт-Петербурге, как и французом на парижских бульварах! Этим русским обычаям, что так вас интересуют, я следовал ежедневно, и они казались мне совершенно естественными!»*¹ [4: р. 128]. Однако сам текст «Путешествия

¹ *Je voyage pour réaliser un rêve tout bêtement, pour changer de peau... Ils me disent: “Dans votre Russie, il n’y a pas de Russes!” Parbleu! Pour quoi faire? Est-ce que je les ai vus, les Russes? J’étais Russe moi-même à Saint-Petersbourg, comme je suis Parisien sur les boulevards! Ces usages russes qui vous intéressent tant, je les pratiquais journellement et ils me semblaient tout naturels.* — Здесь и далее перевод мой. — Я.Л.

в Россию» заставляет несколько усомниться в чистосердечности вышеприведенного высказывания Готье, а реакция читателей вызывает недоумение, поскольку изложенные в путевых заметках впечатления и описания свидетельствуют о взгляде стороннего наблюдателя, стремящегося представить на суд французов как можно более полную и широкую картину России.

«Путешествие в Россию» отличает невероятная неспешность и некоторая сознательная отстраненность повествования. Рассказ начинается с описания поездки в Берлин, затем следуют подробные впечатления о городе, посещении музея. Отдельные главки посвящены Гамбургу и Любеку, морскому плаванию до Санкт-Петербурга. Готье как будто осаживает нетерпеливого читателя, тем самым, подготавливая его к встрече с чем-то поистине необычным и удивительным. И только на шестьдесят шестой странице впервые появляются строки, представляющие очертания русского города:

«В глубине между молочного цвета водой и перламутровым небом медленно проступали великолепные очертания Санкт-Петербурга, их аметистовый оттенок являлся своеобразной пограничной линией, разделяющей две бледные бесконечности. На этой диадеме, самой прекрасной и самой богатой из всех, когда-либо украшавших чело города, сверкали золотом купола и шпиль. Вскоре Исаакиевский собор очертил свой купол на фоне четырех колоколенок, словно папскую тиару. Адмиралтейство взметнуло в небо свой шпиль, а церковь Михаила Архангела очертила свои купола на московский манер... Тысячи более отдаленных колоколен сверкали вдали. Не было ничего более величественного, чем этот позолоченный город на фоне посеребренного горизонта, вечерние краски которого отличались белизной зари»¹ [5: р. 66].

Таким образом, получается, что читатель становится невольным спутником Теофиля Готье и вместе с ним постепенно открывает для себя новый город, который, по мере повествования, приобретает реальные черты, детали и характерные особенности.

Первое яркое впечатление, полученное при прибытии корабля в порт, — вид русских мужиков. Следует отметить, что Готье в путевых заметках уделяет большое внимание описанию самых обыкновенных людей. Так, при первом знакомстве они привлекают его внимание потому, что на фоне изящных набережных и сияющих со всех сторон куполов их звериные шкуры и длинные окладистые бороды по контрасту сразу же бросаются в глаза. Однако путешественник поспешно заверяет читателя, что не стоит представлять их дикими и устрашающими. *«У этих мужиков мягкие, умные лица, а их обходительные манеры заставили бы*

¹ *Au fond émergeait lentement, entre l'eau laiteuse et le ciel nacré, ...la silhouette magnifique de Saint-Petersbourg dont les tons d'améthystes séparaient par une ligne de démarcation ces deux immensités pâles. L'or scintillait en paillettes et en aiguilles sur ce diadème, le plus riche, le plus beau qu'ait jamais porté le front d'une ville. Bientôt Saint-Isaac dessina entre ses quatre clochetons sa coupole dorée comme une tiare; l'Amirauté darda sa flèche étincelante, l'église de Saint-Michel-Archange arrondit ses dômes à renflement moscovite, ...et une foule de clochers plus lointains firent chatoyer leur éclair métallique. Rien n'était plus splendide que cette ville d'or sur cet horizon d'argent, où le soir avait les blancheurs de l'aube.*

*устыдиться наших грубиянов носильщиков»*¹ [5: р. 68]. Кроме контрастной внешности писатель замечает и непривычный европейскому глазу тулуп, который служит и покрывалом, и кроватью, и одеждой. Читая подробное описание всех особенностей этого русского наряда, подмечаешь одновременно и те характерные черты художественного стиля Теофиля Готье, которые высоко оценили еще его современники: словесная живопись² и принцип культурных отсылок и ассоциаций. Последние «служат ему своеобразной призмой, сквозь которую он смотрит на окружающую действительность, нередко замечая в ней лишь то, что способна пропустить эта призма» [2: с. 17]. К тому же она помогает сразу же уловить и выявить всю новизну и отличительность описываемого предмета, как и происходит в случае с тулупом, поскольку его потертый вид напоминает любимый испанскими художниками серый оттенок. «*Но в отличие от моделей Рибера или Мурильо сам мужик остается чистым в этих засаленных лохмотьях, ибо раз в неделю ходит в парильню*»³ [5: р. 68].

Подобный принцип культурных отсылок является одним из излюбленных приемов писателя, и «Путешествие в Россию» является тому весьма убедительным доказательством. При описании Невского проспекта Готье избегает собственных оценок, зато ссылается на Лессинга, которому веротерпимость российской столицы была бы чрезвычайно мила, ибо на Невском проспекте встречаются храмы всех конфессий, и службы проходят без каких-либо ограничений. Восхищаясь красотой зимнего пейзажа, путешественник с грустью утверждает, что даже Айвазовский не в состоянии передать своей богатой палитрой все нюансы и оттенки красок этого удивительного для глаз европейца времени года. Памятник Петру I работы Фальконе он узнает по сохранившемуся в памяти детальному описанию Д. Дидро. Готье опирается в своих суждениях на писателей, музыкантов, исторических деятелей, произведения искусства. Это говорит не столько о широкой эрудиции автора, сколько о той роли, какую играет искусство в его жизни: он никогда не выходит за рамки культурного пространства, где чувствует себя крайне органично.

«По воспоминаниям Максима Дю Кана, Готье обладал феноменальной наблюдательностью и зрительной памятью. На художественных выставках он почти никогда не делал пометок, а в путешествиях старался обходиться без записных книжек: блокноты, дневниковые записи — во всем этом он мало нуждался, потому что собственную память умел листать взад и вперед, как открытый блокнот, и мог без видимого труда — даже по прошествии десятка лет — выразительно обрисовать подробности уличной сценки, подсмотренной мимоходом, где-нибудь на пути через Румынию, описать испанского погонщика мулов или заснеженные купола кремлевских соборов при лунном свете» [2: с. 11]. Такое обращение к своим воспоминаниям и ощущениям по-

¹ *Ces moujiks ont la physionomie douce, intelligente, et leurs manières polies feraient honte à la brutalité de nos portefaix.*

² Эта особенность подробно анализируется Г.К. Косиковым (см. [2]).

³ *Mais, contrairement aux modèles de Ribera et de Murillo, le moujik est propre sous ce lambeau crasseux, car il va aux étuves une fois par semaine.*

хоже на рассматривание альбома по искусству: сначала Готье пролистывает его для создания общего впечатления, затем останавливается подробнее на отдельных деталях и фрагментах. Общее впечатление — это панорамное описание Невского проспекта, прилегающих каналов, затем следует подробное описание обращающих на себя внимание зданий, людей, вывесок и т.д.

Интерес к деталям является еще одной характерной чертой художественного стиля французского путешественника. Конечно, острый взгляд художника сразу выделяет прежде всего то, что свидетельствует о национальном своеобразии в организации быта, строительства, архитектуры и т.д. При первой поездке по Санкт-Петербургу непредвзятый путешественник выделяет оригинальные вывески на улицах: *«Нигде, разве что в Берне, вывески не выглядят столь роскошно [...] Толстые и тонкие линии золотых букв выведены на лазоревом фоне, на красных или черных вывесках, вырезаны в тонкой чеканке, выписаны на стеклах витрин, на каждой двери [...] Возможно, вы не знаете русского языка? [...] Так вот, рядом перевод на французский или немецкий»*¹ [5: р. 75].

Общий план города сменяется в записках Готье подробнейшим описанием архитектурных памятников. Такой прием писатель использует все время: создает ли он картину Санкт-Петербурга, Москвы или Нижнего Новгорода — принцип композиции сохраняется прежним. И если общие впечатления путешественника поражают читателя своей живописностью, то характеристики соборов и церквей восхищают не только точностью описаний, чувством формы, манерой восприятия и оценки красоты в искусстве, но и глубиной познаний в области архитектуры и живописи.

Помимо исторически значимых и общеизвестных достопримечательностей французский путешественник не забывает поделиться с читателями и своими впечатлениями о малоизвестных деталях русской жизни. Именно поэтому в книге постоянно встречаются подробные описания зимних прогулок на санях в пригороды столицы, ярмарки, приемы и т.д. Особое внимание Готье уделяет и воссозданию интерьеров русских домов, гостиниц и ресторанов. Его удивляют жарко натопленные зимой помещения, обязательное наличие экзотических цветов и банановых пальм на окнах, писатель с завидным постоянством восхищается удобством кожаных диванов и сожалеет о жесткости русской постели. При этом надо отметить, что общий тон повествования невольно доброжелателен. Нельзя не согласиться с высказанным в предисловии к русскому изданию «Путешествий в Россию» утверждением А.Д. Михайлова, что Готье приехал «с открытым сердцем и с чувством симпатии к стране и ее народу» [3: с. 12]. Когда же писателю приходится сообщать о встречающихся неудобствах или недостатках, он всегда либо найдет извиняющее оправдание этому, либо сгладит отрицательное впечатление каким-нибудь приятным заме-

¹ *Nulle part, si ce n'est à Berne, l'enseigne ne déploie un tel luxe. [...] Les lettres d'or tracent leurs pleins et leurs déliés sur des champs d'azur, sur des panneaux noirs et rouges, se découpent en estampages évidés, s'appliquent aux glaces des devantures, se répètent à chaque porte [...] Mais peut-être ne savez-vous pas le russe ? [...] Voici à côté la traduction française ou allemande.*

чанием. Если кого-то может утомить монотонность русского зимнего пейзажа, то Готье убеждает в обратном: «...не устаешь смотреть на эти бесконечные пространства, навевающие некую чуть приметную меланхолию, как все то, что велико, молчаливо и одиноко» [1: с. 267]. Если вид русской женщины у некоторых вызывает недоумение или сомнение в ее изяществе и красоте, писатель тут же находит этому объяснение: сильные морозы лишают путешественников возможности разглядеть ее очарование, для этого, советует он, стоит зайти в любой дом и воочию убедиться в ее эlegantности. Главным же достоинством русских дворянок он считает их великолепную образованность: «Женщины обладают крайне просвещенным умом. С легкостью, характерной для славянской расы, они читают и говорят на разных языках. Многие читали в подлиннике Байрона, Гёте, Генриха Гейне, и, если им представили какого-нибудь писателя, они сумеют удачно выбранной цитатой показать, что читали его произведения и помнят об этом»¹ [5: р. 136].

При всем интересе Теофиля Готье к искусству особое значение в его сочинении приобретает описание пейзажа и используемые при этом краски. Писатель с мастерством живописца передает на своих страницах все оттенки белого, розового и золотистого при описании побеленных снегом просторов. Ночное небо представлено всеми мыслимыми и немыслимыми нюансами синего и черного цветов. Надо сказать, что именно зимний пейзаж, увиденный им в России, повлиял на художественный язык Готье. В его стихотворении «Розовый цвет» («Le Rose», 1866) есть описание снега, окрашенного розоватым цветом утренней зари. В повести «Спирит» («Spirite», 1866) главный герой, Ги де Маливер возвращается в своих воспоминаниях к видам зимнего пейзажа.

И последнее, на чем хотелось бы остановиться подробнее, это особенности языка «Путешествия в Россию». Готье постоянно использует русские слова и выражения. Это свидетельствует не только о его интересе к русскому языку, что, конечно, приходит в голову после прочтения этой книги. Такое использование иностранной лексики глубже воссоздает местный колорит увиденных стран и городов. Уже на первых страницах появляется «*mujik*», «*kibitka*», «*drojki*» и т.д. Даже при описании церкви или монастырей путешественник дает в скобках русские названия латинскими буквами: *Ouspenski sobor*, *Troitsa*. Большое внимание уделяет писатель и характеристике французского языка, услышанного им в России. Он отмечает его правильность, красоту и богатство. Его восхищает отсутствие акцента у русских людей, только особая мелодичность французской фразы выдает в говорящем иностранца. Забавным кажется Теофилю Готье неожиданное употребление некоторых слов, которые русские ставят в неподходящих местах.

«Готье был наблюдателем зорким, но все же “посторонним”; поэтому он чего-то не увидел, на что-то не обратил должного внимания. Но то, что он описал, он

¹ *Les femmes ont aussi l'esprit très cultivé; avec la facilité qui caractérise la race slave, elles lisent et savent plusieurs langues. Beaucoup ont pratiqué Byron, Goëthe, Henri Heine, dans l'idiome original, et si quelque écrivain leur ai présenté, elles savent, par une citation adroitement amenée, lui prouver qu'elles l'ont lu et qu'elles s'en souviennent.*

описал подробно и красочно. Он описал Петербург, Москву, Ярославль, Нижний Новгород такими, какими они были на рубеже 50-х и 60-х годов прошлого века, какими они теперь давно уже перестали быть. И в этом еще одно из достоинств его книги, не утратившей значения и в наши дни» [3: с. 13].

Литература

1. *Готье Т.* Путешествие в Россию / Т. Готье; [пер. с франц. и коммент. Н.В. Шапошниковой; предисл. А.Д. Михайлова]. – М.: Мысль, 1988. – 396, [2] с.: ил.
2. *Косиков Г. К.* Теофиль Готье, автор «Эмалей и камей» / Г.К. Косиков // Готье Т. Эмали и камеи: сборник / Составление, вступительная статья и комментарии Г.К. Косикова. – М.: Радуга, 1989. – С. 5–28.
3. *Михайлов А. Д.* Теофиль Готье — писатель и путешественник / А.Д. Михайлов // Готье Т. Путешествие в Россию / Пер. с франц. и коммент. Н.В. Шапошниковой; предисл. А.Д. Михайлова. – М.: Мысль, 1988. – С. 5–13.
4. *Bergerat E.* Théophile Gautier. Entretiens, souvenirs et correspondance / E. Bergerat. – P.: «Honoré Champion», 1879. – 323 p.
5. *Gautier Th.* Voyage en Russie / Th. Gauier. – P.: Bibliothèque – Charpentier, 1877. – 417 p.

Ya.S. Linkova

The Image of Russia and the Russians in “A Voyage to Russia” by Théophile Gautier

The paper analyzes the memoirs of the French writer Théophile Gautier, as he offers to the reader his recollections about Russia, Russian art and everyday life. This text can be approached in various ways: as a trustworthy historical account of life and art, and as an example of the highly individual style of the author, who adhered to the concept of “art for art’s sake”.

Key words: French literature; Théophile Gautier; images of Russia and the Russians; travelogue; art for art’s sake.

References

1. *Got'e T.* Puteshestvie v Rossiyu / T. Got'e; [per. s franc. i comment. N.V. Shaposhnikovoj; predisl. A.D. Mixajlova]. – M.: Mysl', 1988. – 396, [2] s.: il.
2. *Kosikov G. K.* Teofil' Got'e, avtor “E'malej i kamej” / G.K. Kosikov // Got'e T. E'malej i kamej': sbornik / Sostavlenie, vstupitel'naya stat'ya i kommentarii G.K. Kosikova. – M.: Raduga, 1989. – S. 5–28.
3. *Mixajlov A. D.* Teofil' Got'e — pisatel' i puteshestvennik / A.D. Mixajlov // Got'e T. Puteshestvie v Rossiyu / Per. s franc. i comment. N.V. Shaposhnikovoj; predisl. A.D. Mixajlova. – M.: Mysl', 1988. – S. 5–13.
4. *Bergerat E.* Théophile Gautier. Entretiens, souvenirs et correspondance / E. Bergerat. – P.: «Honoré Champion», 1879. – 323 p.
5. *Gautier Th.* Voyage en Russie / Th. Gauier. – P.: Bibliothèque – Charpentier, 1877. – 417 p.

Е.В. Ситникова

Проблемы языковой адаптации школьников-инофонов

Статья посвящена проблеме языковой адаптации инофонов в современной русской школе. Подняты вопросы об условиях языковых и межкультурных контактов, рассмотрены сложности в понимании и усвоении русского языка как неродного. Приведена типология наиболее распространённых ошибок в устной и письменной речи учащихся-инофонов, даны методические рекомендации.

Ключевые слова: межэтнические отношения; толерантность; межкультурный диалог; интерлингвальные и интралингвальные ошибки; коммуникативная компетенция; коммуникативно значимые и коммуникативно незначимые ошибки; эквивалентные и безэквивалентные лексические значения.

Ни одна этническая общность не может существовать в абсолютной изоляции от других народов. Практически каждый этнос в той или иной степени открыт для контактов и восприятия культурных достижений других этносов и готов поделиться собственными культурными достижениями и ценностями. Межэтническое взаимодействие представляет собой разнообразные контакты между этносами, ведущие к изменению индивидуальных и социальных характеристик каждой из взаимодействующих этнических групп и их представителей.

Многочисленные этнокультурные исследования свидетельствуют, что характер и содержание межэтнического взаимодействия во многом зависят от способности его участников понимать друг друга и достигать согласия. Взаимодействуя, представители различных этнических общностей, с одной стороны, изменяют свои собственные черты и качества, с другой, — превращают некоторые уникальные особенности каждого из них в нечто общее, в совместное достояние.

Исходя из этого, *межэтнические отношения* понимаются в широком смысле слова как взаимодействия народов в разных сферах общественной жизни — политике, искусстве, науке и т.д., а в узком смысле — как межличностные отношения людей разной этнической принадлежности, которые так-

же происходят в разных сферах общения — трудовой, семейно-бытовой, неформальной.

Проблема межэтнических отношений представляет ту область знаний, которая носит междисциплинарный характер. Требуется мобилизация усилий: психологов, педагогов, политиков, этнологов, социологов, — направленных на разработку рекомендаций по преодолению всего комплекса политических и социально-психологических проблем, способных возникнуть во взаимоотношениях наций.

Проблема терпимости, или толерантности, впервые на межгосударственном уровне была поднята в ноябре 1995 года в ЮНЕСКО. Тогда же 16 ноября 1995 года был объявлен Международным днём толерантности, была принята Декларация принципов толерантности.

Что же означает понятие «толерантность», какова его суть?

Сам термин «*толерантность*», образованный от латинского «*tolerantia*», заимствован из западной литературы, активно использовался в период Возрождения, главным образом, как веротерпимость. Позже это понятие стало обозначать уважительное отношение к человеку вообще, к мнению другого, к чужим обычаям. В русском языке аналогом латинского «*tolerantia*» является существительное «терпение», эквивалентом английских «*tolerance*», «*toleration*» выступает «терпимость». В связи с этим толерантность определяется, в частности, как «терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению».

Существуют разные определения понятия «толерантность». Чаще всего под ним подразумевается стремление к взаимодействию на принципах равноправия и согласия.

В науке под толерантностью понимают определённую мировоззренческую и нравственно-психологическую установку личности на то, в какой мере ей принимать или не принимать различные, прежде всего чуждые идеи, обычаи, культуру, нормы поведения и т.д.; основная суть толерантности — терпимость к «чуждому», «иному». Это качество может быть присуще не только отдельной личности, но и конкретному коллективу, той или иной социальной группе, обществу в целом.

Знание только вербального кода (языка) и правил его использования недостаточно для успешного общения с носителями других языков: необходимо владеть внекодовыми, фоновыми знаниями, элементами невербального культурного кода. Именно такие знания помогут избежать коммуникативных неудач при общении и при переводе. Чем нужно овладеть в первую очередь? Как именно влияют особенности культуры на язык и его использование? Как язык отражает и задает параметры культуры? Каковы типичные межкультурные неудачи и как их избежать? Каковы наиболее опасные проблемы при межкультурных контактах?

Вопросы эти выходят далеко за пределы собственно лингвистики, и в настоящее время исследования в области межкультурной коммуникации являются междисциплинарными, на стыке нескольких научных дисциплин: психологии, теории коммуникации, культурологи, этнографии, социологии, когнитивистики, семиотики и др.

Принято определять усвоение языка (как первого, так и второго) как совершаемое каждой личностью самостоятельное конструирование языковой системы, осуществляемое путем бессознательной переработки воспринимаемой речи на данном языке. В самом деле, вряд ли можно усомниться в том, что никто сознательно и целенаправленно не обучает ребенка его родному языку, тем не менее, его основами он обычно к трем годам уже владеет неплохо. Объяснить это можно только тем, что он впитывает язык, звучащий вокруг него, в особенности — обращенный к нему непосредственно, и этого обычно оказывается достаточно для построения его собственной языковой системы, которую в самом общем виде можно представить как систему языковых единиц и правил их конструирования и использования в разных ситуациях. В таком же положении нередко оказывается и инофон, попавший в чужую для него языковую среду. Он также вынужден самостоятельно формировать свою языковую систему на основе воспринимаемой им речи на чужом языке.

Интерес к ошибкам как к результату взаимодействия родного и изучаемого языков возник в отечественной педагогике еще в 30-е годы XX века: именно тогда Е.Д. Поливанов попытался установить аналогии и различия между двумя языками (родным и вторым). Это явление, впоследствии названное интерференцией, позволило в 80-е годы XX века разделить типы ошибок на две группы:

- *интерлингвальные*, или межъязыковые;
- *интралингвальные*, или внутриязыковые [3].

Представляют несомненный интерес выводы С.А. Хаврониной, которая предложила искать основную причину нарушений в устной и письменной речи инофонов в сложном взаимодействии механизмов межъязыковой и внутриязыковой интерференции. В соответствии с данным методическим подходом ошибка расценивается «как некорректный для данных условий функционирования выбор единицы из ряда одноуровневых единиц, членов одной парадигмы» [5].

В ходе оценки внутриязыковой интерференции с точки зрения ее результативности наблюдается:

- интерференция, затрудняющая речь: *Он спросил вопрос, когда экзамен;*
- интерференция, нарушающая речь: *После этого разговора он **разрешил** (вместо **решил**), что надо вернуться в больницу;*
- интерференция, разрушающая речь: *Он тоже, как и его **придерживал** (вместо **придерживался**) то, что нужно регулярно заниматься.*

Разграничение механизмов интерференции получило особое значение при коммуникативном подходе к процессу обучения. К настоящему времени в оценке уровня владения русским языком в научно-методическом обиходе утвердилось понятие **коммуникативной компетенции**, или способности средствами изучаемого языка осуществлять речевую деятельность в соответствии с целями и ситуацией общения в рамках определенной сферы деятельности. В основе коммуникативной компетенции лежит комплекс умений, которые позволяют коммуниканту участвовать в речевом общении (в его продуктивных и рецептивных видах).

При коммуникативно-направленном обучении речевые ошибки, связанные с адекватностью решения коммуникативных задач, с умением выбрать нужные интенции и т.д., стали оцениваться дифференцированно, получив наименование *коммуникативно значимых и коммуникативно незначимых*.

Коммуникативно значимые ошибки, по определению Т.М. Балыхиной и О.П. Игнатъевой, нарушают смысл отдельной фразы, диалогического единства, разговора в целом, что делает затруднительным или невозможным продолжение коммуникации. При определении коммуникативно значимых ошибок оцениваются результативность речевого действия, формальные характеристики речи, стратегии и тактики речевого поведения. Критерии результативности/успешности являются определяющими.

К числу коммуникативно значимых ошибок можно отнести:

- нарушения координации и согласования, например: *он много занималась; ты есть красивый имя;*
- нарушение в управлении формой слова, например: *далеко не все жители Китая осваивают иностранными языками; он здесь для учиться;*
- нарушение в порядке расположения частей предложения, например: *друг сказал, мы надо помогли ему чтобы;*
- употребление слова без учета его семантики, например: *как мы согласилась, я тебе немного о напишу;*
- искажение ритмико-интонационной структуры высказывания, например: *кто ручка есть* (данная фраза произнесена без повышения интонации) и т.д.

Коммуникативно незначимые ошибки чаще всего являются нарушением тех или иных норм изучаемого языка, которое не влияет на успешный ход коммуникации. К числу коммуникативно незначимых ошибок относят разнообразные ошибки, допускаемые в области:

фонетики:

- ошибки, связанные с пропуском непронизносимых согласных, например: *зрастуйте (здравствуйте), стреча (встреча);*
- фонематические ошибки, например: *арбота (работа), дурук (друг), хотила (хотела), однаждыи (однажды);*
- грамматики, например: *мы будем экзамены в июле; я читал много книга;*
- лексики, например: *мой дедушка — старинный человек; я хорошо вспоминаю это событие* и т.д.

а также описки, оговорки.

Коммуникативно незначимые ошибки допускают и носители языка. Такие ошибки не требуют немедленной коррекции, особенно при работе над беглостью речи. Постоянное их исправление приводит к страху перед говорением, к тому, что учащийся начинает «прятаться» от ответа. В методике русского языка как иностранного принято считать ошибки важной частью процесса обучения, расценивать их появление как результат языковых экспериментов учащихся.

«Ошибкообразующим» фактором в речи школьников-инофонов многие ученые признают акцент, возникающий как бессознательный перенос произносительных навыков родной речи или ранее изученной в изучаемую, в дан-

ном случае русскую. Понятие акцента включает в себя различные составляющие, его негативное воздействие можно наблюдать и в грамматике, и в словообразовании.

Сложная природа звуковых единиц обуславливает возникновение противоречий, сопутствующих процессу контактирования различных фонетических систем при изучении другого языка, и провоцирует появление фонетических ошибок. К наиболее типичным из них можно отнести следующие:

1) неправильное произношение гласных звуков, например, увеличение количества элементов в слове:

– протеза, гласный звук в начале слова: [астол] — стол, [из'д'эс'] — здесь;

– эпентеза, дополнительный гласный между согласными звуками: [д'и] верь — дверь, [п'ир'и]ехал — приехал;

– метатеза, перестановка согласного и гласного звуков: [бир]гада — бригада, [в'эр]дный — вредный;

2) неправильное произношение согласных звуков: гри[в]ной (смешение б и в); [читат] — читать, [был'] или [б'ил'] — был (смешение твердости-мягкости);

3) нарушение ритмической организации слова: учил^{ся} вм. учил^{сь}, кален^{дари} вм. кален^{дари}, Иван^{вм.} Иван и др.

Среди грамматических ошибок особое значение приобретают следующие:

– ошибки в координации и согласовании, например: я купил новый тетрадь;

– ошибки в управлении, например: я люблю читать книга;

– ошибки, связанные с нарушением синтаксической связи примыкания, например: он читал быстрый; она поехала для учиться;

– ошибки в видо-временных отношениях, например: вечером я буду посмотреть новый фильм; можно мне заходить к вам в гости;

– ошибки, связанные с искажением грамматической модели (пропуск полных слов, десемантизированных глаголов, неправильное соотношение объекта и др.), например: он — студентам; я надо много заниматься;

– ошибки, связанные с неправильным употреблением возвратных глаголов, например: начала война, возвращал на родину;

– ошибки в оформлении прямой и косвенной речи, например: он писал я счастлив вижу этот город;

– нарушение в порядке расположения частей предложения (неоправданная инверсия), в оформлении придаточных предложений, пропуск синтаксических частей предложения, например: она жила в городе ... находился в Камеруне.

Лексические ошибки заключаются в нарушении точности, ясности, логичности словоупотребления и связаны с семантикой русского слова:

– употребление слова в несвойственном ему значении (без учета его семантики): поставьте шапку на полку;

– нарушение лексической сочетаемости (неправильное употребление паронимов, лексических единиц, входящих в определенную лексико-семантическую группу): в субботу я мыл одежду.

Особое значение в профилактике появления и предупреждении лексических ошибок инофонов приобретает проблема учета родного языка учащихся при обучении русской лексике и проблема соотношения русских слов со словами родного языка учащихся, языка-посредника. Работая над лексикой, необходимо иметь в виду, что есть слова, лексические значения которых являются **межъязыковыми**, например: *социальный*; **эквивалентными**, например: *семья, родственники*; **переводимыми**, например: *солнце, вода, природа*, а есть **безэквивалентные**, или такие, содержательная сторона которых несопоставима с иноязычным лексическим понятием, например: *уйти не солоно хлебавши*. Однако обращаться к родному языку учащихся следует только по мере необходимости.

Особенности характера восприятия и понимания звучащей речи, в основе которых лежит сложная психическая деятельность, обуславливают появление ряда трудностей в процессе овладения видами **аудирования**, преодоление которых сопровождается ошибками, связанными с содержательной стороной исходного текста:

- неумение понять содержание, коммуникативные намерения и эмоционально-экспрессивные особенности речи говорящего;
- неумение отличать правильное произношение от неправильного;
- неумение догадываться по контексту о значении незнакомых слов (их количество не должно превышать 10%, и такие лексические единицы не должны быть опорными);
- неумение различать на слух смысловые оттенки близких по значению слов;
- неумение выделить основную мысль высказывания.

Своевременной профилактике ошибок инофонов при аудировании способствует общая ориентация системы преподавания на тестовый контроль, что позволяет автоматизировать узнавание за счет ограничения времени работы, облегчает фиксацию ошибок, на основе анализа которых происходит выбор средств и форм их дальнейшей отработки. Эффективен и комбинированный подход, когда часть понимания отдельного аудиотекста проверяется путем воспроизведения услышанной информации, а другая часть — с помощью тестов в письменной форме.

Основная причина трудностей при обучении **устной речи, говорению** объясняется тем, что языковой материал, который должен воспринять человек, выступает в совершенно новом аспекте — им нужно владеть активно, как средством общения, то есть говорящий должен преодолеть ошибки, связанные не только с морфолого-синтаксическим строем языка, но и со сложной системой сочетаемости слов.

Общие трудности, возникающие в процессе овладения **письмом**, приводят к преобладанию ошибок следующих типов:

- графические (смещение букв, внешне сходных в русской и латинской графике, неразличение похожих между собой по начертанию русских букв, написание русских слов выше строки);

– каллиграфические (нехарактерный для русского языка наклон букв, связанный с преобладанием во многих странах «прямого» письма);

– орфографические (правописание букв, передающих звуки в функционально слабых позициях),

– коммуникативные (отсутствие непосредственного собеседника, промежуточной обратной связи, общей ситуации для пишущего и его адресата).

Ведущая роль коммуникативного подхода в методике преподавания русского языка позволила выделить ошибки в письменной речи школьников-инофонов, связанные с отсутствием целого ряда умений при работе с конструируемым текстом. Например, к ошибкам может привести неумение:

– создавать собственные тексты разных жанров (план, тезисы, конспекты, аннотации, резюме, рефераты, заявления, изложения, сочинения и т.д.), относящиеся к разным сферам общения;

– использовать приемы описания, повествования, рассуждения, доказательства;

– писать под диктовку;

– передавать своими словами содержание прослушанного;

– находить и исправлять разнородные ошибки.

Каковы же пути преодоления ошибок? В общем виде они представляют собой демонстрацию правильного образца; своевременный анализ ошибок; тренинги; упражнения; обучающие игры; контроль (внешний контроль, фронтальный контроль, взаимоконтроль, комбинированный контроль, самоконтроль).

Литература

1. *Азимов Э. Г.* Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков) / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. – СПб.: Златоуст, 1999. – 472 с.
2. *Балыхина Т. М.* Структура и содержание российского филологического образования. Методологические проблемы обучения русскому языку / Т.М. Балыхина. – М.: МГУП, 2000. – 400 с.
3. *Костомаров В. Г.* Методическое руководство для преподавателей русского языка иностранцам / В.Г. Костомаров, О.Д. Митрофанова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1984. – 159 с.
4. *Розанова С. П.* Психология ошибки / С.П. Розанова // Теоретические и методические основы технологии предвузовского обучения российских и иностранных студентов: материалы Всероссийской конференции. – М.: РУДН, 2005. – С. 292–297.
5. *Хавронина С. А.* Обучение иностранцев порядку слов в русском языке / С.А. Хавронина, О.А. Крылова. – М.: Русский язык, 1989. – 160 с.
6. *Щукин А. Н.* Методика обучения иностранным языкам: курс лекций / А.Н. Щукин. – М.: УРАО, 2002. – 288 с.

E.V. Sitnikova

The Problems of Linguistic Adaptation of Foreign-Speaking Pupils

The article is devoted to the problem of linguistic adaptation of foreign-speaking pupils at modern Russian school. The questions on conditions of linguistic and intercultural contacts are brought up in the article, there are also considered difficulties in understanding and mastering Russian as a nonnative language. Typology of the most widespread errors in oral and written speech of foreign-speaking pupils is constructed as a result, methodical recommendations are also given.

Key words: interethnic relations; tolerance; intercultural dialogue; the communicative competence; communicatively significant and communicatively insignificant errors; equivalent and non-equivalent lexical values.

References

1. *Azimov E. G.* Slovar' metodicheskix terminov (teoriya i praktika prepodavaniya yazy'kov) / E.G. Azimov, A.N. Shhukin. – SPb.: Zlatoust, 1999. – 472 s.
2. *Baly'xina T. M.* Struktura i sodержanie rossijskogo filologicheskogo obrazovaniya. Metodologicheskie problemy' obucheniya russkomu yazy'ku / T.M. Baly'xina. – M.: MGUP, 2000. – 400 s.
3. *Kostomarov V. G.* Metodicheskoe rukovodstvo dlya prepodavatelej russkogo yazy'ka inostrancam / V.G. Kostomarov, O.D. Mitrofanova. – 3-e izd., pererab. i dop. – M.: Russkij yazy'k, 1984. – 159 s.
4. *Rožanova S. P.* Psixologiya oshibki / S.P. Rožanova // Teoreticheskie i metodicheskie osnovy' texnologii predvuzovskogo obucheniya rossijskix i inostranny'x studentov: materialy' Vserossijskoj konferencii. – M.: RUDN, 2005. – S. 292–297.
5. *Xavronina S. A.* Obuchenie inostrancev poryadku slov v russkom yazy'ke / S.A. Xavronina, O.A. Kry'lova. – M.: Russkij yazy'k, 1989. – 160 s.
6. *Shhukin A. N.* Metodika obucheniya inostranny'm yazy'kam: kurs lekicii / A.N. Shhukin. – M.: URAO, 2002. – 288 s.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

А.А. Качанова (Лютая)

Инновационные методы обучения в педагогическом вузе

В статье рассматриваются вопросы, связанные с использованием инновационных методов обучения. Метод видеурока и кейс-метод помогают сформировать у будущих специалистов профессиональные навыки владения педагогическими технологиями, вырабатывают умение анализировать учебно-воспитательный процесс.

Ключевые слова: видеурок; инновации; кейс-метод; метод обучения; мультимедийные средства.

Основное назначение профессионально-педагогического образования — научить студентов решать педагогические задачи. Процесс профессионального становления будущего учителя должен, по возможности, моделировать структуру инновационной деятельности.

Профессиональная подготовка педагогических кадров в процессе образования — важнейшая функция общества. Звеном системы общепедагогической профессиональной подготовки будущего учителя является педагогическая практика в школах. Она обеспечивает связь между теоретическим обучением и практической деятельностью молодого специалиста. При формировании компетентности молодого специалиста важно обращать внимание на обучение жизненным навыкам и надпредметным умениям (обрабатывать и систематизировать текстовую информацию; писать тексты и выступать; осуществлять коммуникацию; быть инициативным; предлагать нестандартные решения; уметь аргументировано отстаивать свою точку зрения и т.п.). Формирование перечисленных компетентных качеств происходит, прежде всего, на теоретическом уровне, но основная их часть формируется на практике. Формирование компетентности будущего специалиста должно происходить с учетом применения инновационных методов в преподавании (см.: Тальшев В. В. Профессиональная компетентность учителя [Электронный ресурс] // URL: <http://festival.1september.ru/articles/500899>, дата обращения: 17.11.2009 г.). Этим определяется актуальность данного исследования.

Повышение научно-педагогического уровня современных учителей, развитие кадрового потенциала педагогических работников во многом зависит от эффективного использования образовательных технологий в вузовском преподавании. Подготовка специалистов сферы образования в университете предполагает обновление информационного фонда, создание и использование новых информационных и педагогических технологий.

В настоящее время применение нового приобретает все более массовый характер. В связи с этим обострилась потребность в новом знании, в осмыслении понятия «инновация». В широком понимании инновация означает обновление, изменение. Понятие инновация определяется и как новшество, и как процесс введения этого новшества в практику.

Техническая оснащенность современных университетов создает предпосылки для использования новых методов обучения в области филологии. Одним из таких методов может стать *видеоурок*, то есть стационарный урок литературы в школе, зафиксированный на видеоносителе. Это должен быть реально проведенный урок учителя или студента, проходившего практику в школе. Такие видеоуроки обладают гарантированной достоверностью, но это не единственное достоинство данного метода обучения. Видеоурок может явиться для студента филологического факультета не только удобным способом знакомства с формами проведения школьного урока, но и наглядным источником информации по конкретным проблемам методики. Так, если в процессе занятий у студентов возникнут какие-либо вопросы, преподаватель может приостановить показ видеоурока и продемонстрировать спорный момент повторно, разобрав или пояснив его отдельно. Метод просмотра видеоурока помогает молодому специалисту использовать полученные знания на практике, дает материал для совершенствования содержания и методики обучения, а также для корректировки дальнейшей педагогической деятельности. Анализ хода и итогов видеоурока позволит студенту до известной степени судить о постановке учебно-воспитательного процесса в школах.

Как правило, у молодых специалистов недостаточно развиты практические умения преподавания в школе. Трудности первого периода деятельности, переживания неудач в последующем могут породить неудовлетворенность выбранной профессией. Случается, что молодые учителя, испытав разочарование в первые месяцы работы, спустя один – два года оставляют педагогическую деятельность. Возможность на материале видеоуроков учиться детально анализировать успехи и неудачи преподавательской практики, делать определенные выводы — вот важное достоинство данного метода обучения, позволяющего смягчать «кризисы» раннего этапа педагогической деятельности.

Мультимедийные средства и, в частности, использование видеоуроков, дают возможность оценить преимущества поликодового текста перед линейным. Главное — этот метод позволяет органично соединить новые технологии с уже сложившейся традицией преподавания литературы.

Изучение системы организации и содержания работы в школе по видеорокам даст возможность не только обучить студентов методам изучения и анализа существующего педагогического опыта, но и способствует развитию творческого мышления, формированию индивидуального стиля профессиональной деятельности.

Помогая студентам овладеть методами, приемами и средствами проведения занятий по специальности, использование видеороков, кроме того, формирует навыки руководства познавательной, учебной и творческой деятельностью школьников в соответствии с их возрастными и индивидуальными особенностями.

Преимуществом использования видеороков может также стать развитие потребности студентов в педагогическом самообразовании и самосовершенствовании, в изучении современного состояния учебно-воспитательной работы в различных типах школ и внешкольных учреждений дополнительного образования, в освоении передового и нетрадиционного педагогического опыта в рамках избранной специальности. Овладение методами и приемами научного исследования в области методики преподавания филологических дисциплин также возможно в ходе просмотра видеороков.

Взаимопроникновение различных дисциплин в наши дни делает возможным расширение методов обучения в рамках филологического цикла. Так, например, *кейс-метод*, широко применяющийся в преподавании экономических (и не только) дисциплин, может быть применен и в процессе обучения методике преподавания литературы на филологическом факультете.

Суть данного метода заключается в том, что студенту или группе студентов предлагается проблемная ситуация, из которой он или они должны найти выход самостоятельно. Решение предложенной задачи не может быть однозначным и должно опираться не только на теоретические знания или практический опыт студентов, но и на их умение видеть разные грани проблемной ситуации, ее неоднозначность в реальной жизни. Залог эффективного решения такой задачи в способности к самостоятельному мышлению, к формированию нестандартных идей, предложений, умение выслушать альтернативную точку зрения и аргументированно высказать свою. С помощью этого метода студенты и слушатели получают возможность проявить и усовершенствовать аналитические и оценочные навыки, научиться работать в команде, применять теоретические знания на практике.

Можно быть замечательным специалистом-теоретиком (современная система высшего образования способна обеспечить высокий уровень теоретических знаний), но научиться находить наиболее рациональное решение, быть готовым соотносить изученный материал с практикой — этому нужно учиться с помощью активных методов обучения, в том числе включая кейсы в учебные курсы.

Применение этого метода, несомненно, имеет свою ценность и для преподавателя: грамотно направляя дискуссию, он может выйти на новое решение проблемы, увидеть упущенные ранее грани рассматриваемой ситуации. Разра-

ботка и преподавание кейсов — это сложная задача, требующая от преподавателя высокого профессионализма, педагогического мастерства и эрудиции. Созданию кейсов может помочь и реальная жизнь. Ведь преподаватель и сам нередко сталкивается с проблемными ситуациями в собственной практике. Анализ прохождения студентами педагогической практики в школах в свою очередь может дать обширный материал для составления подобных кейсов.

Подведем итоги. С применением современных компьютерных технологий в сфере образования происходят существенные изменения. Меняется место и роль преподавателя в учебном процессе, его основные функции. Задача новых информационных технологий — рост творческого компонента в деятельности учителя, переход от монолога к дискуссии.

Литература

1. *Волынская М. В.* О месте инноваций в образовании / М.В. Волынская // Высшее образование сегодня: реформы, нововведения, опыт. – 2005. – № 5. – С. 45–49.
2. *Киселёв А.* Высшее образование в контексте инновационной научно-технической парадигмы / А. Киселёв // Высшее образование в России. – 2008. – № 4. – С. 68–72.
3. *Лазарев В. С.* Педагогическая инноватика: объект, предмет и основные понятия / В.С. Лазарев, Б.П. Мартиросян // Педагогика: научно-теоретический журнал. – 2004. – № 4. – С. 11–21.
4. *Полонский В. М.* Инновации в образовании (методологический анализ) / В.М. Полонский // Инновации в образовании. – 2007. – № 2. – С. 4–14.
5. *Шафоростова Е. Н.* Инновационная деятельность школы как фактор роста профессионализма педагогов / Е.Н. Шафоростова // Образование и общество: научный, информационно-аналитический журнал. – 2005. – № 1. – С. 28–33.
6. *Шилов К. В.* Классификация инноваций / К.В. Шилов // Инновации в образовании. – 2007. – № 3. – С. 52–58.

А.А. Kachanova (Lyutaya)

Innovative Methods of Teaching at the Pedagogical University

In the article problems of introducing innovative teaching methods are raised up. It is argued that video-lesson and case methods help future specialists to acquire professional skill of using teaching technologies and analyzing educational process.

Key words: video-lesson; innovation; case-method; method of education; multimedia.

References

1. *Voly'nskaya M. V.* O meste innovacij v obrazovanii / M.V. Voly'nskaya // Vy'sshee obrazovanie segodnya: reformy', novovvedeniya, opy't. – 2005. – № 5. – S. 45–49.
2. *Kiselyov A.* Vy'sshee obrazovanie v kontekste innovacionnoj nauchno-technicheskoy paradigmy' / A. Kiselev // Vy'sshee obrazovanie v Rossii. – 2008. – № 4. – S. 68–72.

3. *Lazarev V. S.* Pedagogicheskaya innovatika: object, predmet i osnovny'e ponyatiya / V.S. Lazarev, B.P. Martirosyan // Pedagogika: nauchno-teoreticheskij zhurnal. – 2004. – № 4. – S. 11–21.
4. *Polonskij V. M.* Innovacii v obrazovanii (metodologicheskij analiz) / V.M. Polonskij // Innovacii v obrazovanii. – 2007. – № 2. – S. 4–14.
5. *Shaforostova E. N.* Innovacionnaya deyatel'nost shkoly' kak factor rosta professionalizma pedagogov / E.N. Shaforostova // Obrazovanie i obshhestvo: nauchny'j, informacionno-analiticheskij zhurnal. – Oryol, 2005. – № 1. – P. 28–33.
6. *Shilov K. V.* Klassifikacia innovacii / K.V. Shilov // Innovacii v obrazovanii. – 2007. – № 3. – S. 52–58.

М.Ю. Пустовит

Создание учебно-методического комплекса по стилистике русского языка и культуре речи

В статье описывается процесс создания учебно-методического комплекса по стилистике русского языка и культуре речи, детально рассматриваются его составляющие. Особое внимание уделяется технологической карте дисциплины.

Ключевые слова: учебно-методический комплекс; стилистика русского языка; культура речи; технологическая карта.

В современных условиях происходят существенные изменения в сфере высшего профессионального образования. Переход на двухуровневую систему обучения (бакалавриат, магистратура) влечет серьезные преобразования в преподавательской деятельности. Для оптимального функционирования учебного процесса необходимы новые образовательные технологии. Важнейшим звеном этого процесса является создание таких УМК (учебно-методических комплексов), в которых нашли бы отражение происходящие перемены.

Имея скромный опыт использования разработанного нами учебно-методического комплекса по стилистике русского языка и культуре речи, опишем некоторые моменты его создания и применения. Первоочередным в данном процессе было определение цели (усвоение стилистического богатства русского языка, формирование речевой культуры) и задач (изучение языковых и стилистических норм, функциональных стилей речи, совершенствование коммуникативных качеств, ознакомление с правилами этикета и т.д.) преподаваемого предмета. После чего мы выделили смежные (в соответствии с учебным планом) со стилистикой русского языка и культурой речи дисциплины: введение в языкознание, педагогику и психологию. Бесспорным является то, что знания, получаемые студентами при изучении этих предметов, помогают им лучше понять суть тех явлений, с которыми они знакомятся в процессе освоения преподаваемой нами дисциплины. Например, во введении в языкознание есть такие разделы, как «Фонетика и фонология», «Лексикология», «Грамматика». Фонетические, лексические, морфологические и синтаксические средства языка (их использование в речи) являются составной частью стилистики русского языка и культуры речи. Связь очевидна. При исследовании основ ораторского искусства необходимо опираться на знания, приобретаемые в процессе изучения педагогики и психологии.

Определение видов профессиональной деятельности, на которые ориентирует преподаваемая дисциплина, стало следующим этапом создания учебно-методического комплекса. К числу этих видов в первую очередь относится владение технологиями общения, грамотное использование языковых единиц и применение стилистических приемов в связной речи, ораторское искусство. Далее нами были сформулированы требования, предъявляемые к уровню освоения стилистики русского языка и культуры речи. Перечислим лишь некоторые из них. Обучающиеся должны обладать компетенциями ясно, выразительно и последовательно излагать свои мысли, уметь определять функционально-стилистическую и эмоционально-экспрессивную принадлежность тех или иных языковых средств и использовать их в соответствии с заданным контекстом, иметь навыки проведения стилистического анализа и редактирования текстов, знать и уметь применять правила речевого этикета.

Важнейшей составляющей учебно-методического комплекса является определение его содержания, которое, в свою очередь, должно соответствовать ГОС ВПО.

В настоящее время опубликовано достаточно большое количество литературы по стилистике русского языка и культуре речи. Преподаватель должен заранее продумать, какие учебники он будет рекомендовать студентам, какой материал использовать, предложив как основной список литературы, так и дополнительный. На этом этапе мы встретились с определенными трудностями, связанными с тем, что в русском языке есть немало случаев, когда на одно и то же явление существуют различные точки зрения. В частности, в орфоэпическом словаре под редакцией И.Л. Резниченко [3: с. 515] допускается двойное произношение *манёвры* и *маневры*, а в учебном пособии под редакцией О. Я. Гойхмана «Русский язык и культура речи» [1: с. 141] и в справочнике «Культура устной и письменной речи делового человека» [2: с. 11] подчеркивается, что нужно произносить только *манёвры* (без вариантов). Подобных примеров можно привести достаточно много. Не все пособия и словари одновременно признают изменения норм. В такой ситуации желательнее познакомить студентов с различными взглядами на происходящие в русском языке процессы, обосновать при этом собственную точку зрения, порекомендовать изучить тот или иной источник. Очевидно, что преподавателю не нужно быть слишком строгим к тем учащимся, которые, сославшись на труды других авторов, не будут согласны с его мнением. Несмотря на перечисленные выше проблемы, у студентов должны быть базовые учебники, наиболее эффективно обеспечивающие процесс обучения.

План освоения стилистики русского языка и культуры речи нашел свое отражение в технологической карте, к которой также были разработаны методические рекомендации. В соответствии с количеством часов, отведенных в учебном плане на изучение дисциплины, мы тщательно продумали ее структуру, в которую вошли три модуля: вводный, базовый и дополнительный. Во вводном модуле были предложены задания, позволяющие определить «остаточные» знания учащихся. Проверка знаний студента и его готовности к обучению в вузе помогает педагогу скорректировать свою деятельность, ва-

рьюя степень сложности изучаемого материала. Например, контрольная работа на тему «Использование в речи многозначных слов, омонимов, антонимов, синонимов» и тестирование с целью выявления навыков произношения некоторых звуков и сочетаний звуков входят в состав нашего вводного модуля. Данные темы учащиеся проходят еще в школе, в вузе же они исследуют материал по указанным темам на качественно новом, более сложном уровне.

Поскольку базовый модуль является основным и выполнение содержащихся в нем видов работ обеспечивает решение большинства педагогических задач, значительная часть набранных студентами баллов должна быть получена именно при оценке предложенных в нем составляющих. Текущие контрольные работы и тестирования («Сравнительный анализ функциональных стилей речи», «Значение слова и лексическая сочетаемость», «Роды и виды ораторской речи» и др.) позволяют определить степень усвоения студентами учебного материала, помогают, в конечном счете, их наиболее объективной аттестации. Мы считаем необходимым выделить в технологической карте графы «Участие в обсуждении проблем использования языковых единиц и стилистических приемов в речи». Подобного рода дискуссии способствуют активизации мышления, развивают самостоятельность суждений. Кроме того, мы сталкивались с тем, что студенты, проявляя инициативу, выполняют интересные работы, не заявленные в технологической карте. Такие работы нельзя не поощрить. Выступая с докладами на практических занятиях, студенты учатся не бояться говорить публично, объективно оценивать себя со стороны, развивают свои речевые навыки.

Стоит или нет учитывать посещение учащимися практических и лекционных занятий? Это спорный вопрос. Мы учитываем и ставим за это баллы. Выполняя задания дополнительного модуля, студенты могут улучшить свой результат. При этом им предоставляется право самим выбирать их. Например, можно выполнить задания по темам: «Использование в речи тропов. Тропы в произведениях художественной литературы», «Деловые письма». «Трудности перевода фразеологических средств языка», «Особенности речевого общения при ведении деловых переговоров» — другие возможные темы для выбора.

В технологической карте обязательно нужно указать, какие виды работ будут оцениваться, сколько баллов (максимально и минимально) можно получить за выполнение заданий из перечисленных выше модулей, является ли работа аудиторной или внеаудиторной. Если студентам предлагается сделать доклад или реферат, написать эссе, то к технологической карте обязательно нужно приложить тематику докладов, рефератов, эссе. Стоит только приветствовать, когда студенты предлагают свои темы, соответствующие изучаемому материалу. Наиболее близким и интересным для учащегося вуза видом аттестации являются компьютерные презентации. Очень важно стимулировать исследовательский подход в процессе получения информации, способствовать обращению студентов к их личному опыту. Предложенная тема компьютерной презентации «Интернет как средство общения» позволяет студентам выразить свое отношение к проблемам электронной связи.

В примечании к технологической карте излагаются требования к заданиям и система оценок. Например, наши требования к докладу: 1) основные положения нужно представлять в сжатой форме; 2) содержание доклада должно соответствовать его теме; 3) объем — от трех страниц печатного текста (шрифт Times New Roman, интервал 1,5); 4) указание источников используемой информации; 5) желательно подготовить не менее трех вопросов по содержанию доклада. Максимальная оценка доклада — 3 балла.

На первом же занятии нужно ознакомить студентов с системой выставления итоговых оценок, объяснить соотношение между набранными баллами и итоговой оценкой по десятибалльной и по пятибалльной шкале. А кроме того регулярно информировать студентов о ходе экспериментальной работы. Студентам, отсутствовавшим на занятиях по уважительной причине нужно пройти устное собеседование с преподавателем по проблемам практических и семинарских занятий, выполнить внеаудиторные контрольные и письменные работы, а также два задания из дополнительного модуля (по выбору студента).

После составления технологической карты мы представили тематическое планирование, в котором постарались подробно описать структуру каждого практического занятия с указанием используемых источников. Считаем необходимым включение в состав учебно-методического комплекса тематики контрольных и самостоятельных работ. Студент, набравший к моменту сдачи зачета или экзамена не менее 30 баллов, считается аттестованным. Согласно технологической карте без сдачи экзамена студент может набрать максимум 85 баллов. Для получения большего количества баллов студенту необходимо сдать экзамен (максимальное количество баллов за экзамен — 15).

При создании учебно-методического комплекса очень важно сделать все возможное, чтобы учащийся вуза получил максимум информации о новых образовательных технологиях, был бы заранее сориентирован на выполнение тех или иных заданий с их применением. Педагогу нужно продумать методы и приемы, которые будут использоваться в профессиональной деятельности, наладить непрерывный процесс осмысления материалов опытной работы, их анализ, обобщение.

Литература

1. *Гойхман О. Я.* Русский язык и культура речи: учеб. пособие / О.Я. Гойхман, Л.М. Гончарова, О.Н. Лапшина и др.; под ред. О.Я. Гойхмана. — М.: Издательский дом «ИНФРА – М», 2002. — 192 с.
2. *Культура устной и письменной речи делового человека: справочник-практикум.* — 14-е изд. — М.: Флинта; Наука, 2008. — 315 с.
3. *Резниченко И. Л.* Орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение: ок. 25 000 единиц / И.Л. Резниченко. — М.: Астрель; АСТ, 2005. — 1182, [2] с.

M. Ju. Pustovit

**Elaboration of a Strategic Planning and Teaching Aids
Complex on Russian Stylistics and Speech Culture**

The process of elaboration of a strategic planning and teaching aids complex on Russian stylistics and speech culture is described in the article. Different stages and relevant aspects of the process (including selection of teaching guides and special literature for reading) are considered in detail. Special attention is paid to the technological card.

Key words: strategic planning and teaching aids complex; Russian stylistics; speech culture; technological card.

References

1. *Gojxman O. Ya.* Russkij iazyk i kultura rechi: ucheb. posobie / O.Ya. Gojxman, L.M. Goncharova, O.N. Lapshina i dr.; pod red. O.Ya. Gojxmana. — M.: Izdatel'skij dom «INFRA – M», 2002. — 192 s.
2. *Kultura ustnoj i pis'mennoj rechi delovogo cheloveka: spravochnik-praktikum.* — 14-e izd. — M.: Flinta; Nauka, 2008. — 315 s.
3. *Reznichenko I. L.* Orfo'picheskiy slovar' russkogo yazy'ka. Proiznoshenie. Udarenie: ok. 25 000 edinic / I.L. Reznichenko. — M.: Astrel; AST, 2005. — 1182, [2] s.

Б.А. Гиленсон

Вузовский учебник по зарубежной литературе: заметки о жанре

В статье дается теоретический анализ проблем, связанных с созданием современного учебника по зарубежной литературе. На основании собственного опыта автор определяет важнейшие свойства учебника, соответствующего современному уровню науки и актуальным задачам образования; рассматривает вопрос о связи теории с практикой. В числе других аспектов поставленной проблемы затрагивается также вопрос об особенностях учебников, предназначенных для студентов бакалавриата.

Ключевые слова: вузовский учебник; зарубежная литература; двухуровневая система образования; литературоведческие жанры; авторская индивидуальность.

Одной из актуальных задач в развитии филологического образования на современном этапе, в свете становления двухуровневой системы (бакалавриата и магистратуры) остается создание нового поколения учебников, в частности, по литературным курсам. В постсоветское время наука о литературе добилась очевидных успехов, преодолевая догматику, идеологическую заданность, партийный пресс и т.д., о чем уже неоднократно писалось. Появилось немало учебных монографий, а также учебников разных типов для школ, колледжей, педвузов и университетов¹. Прошло то время, когда нас убеждали, употребляя выражения Ленина, в том, что на каждом долларе грязь и кровь, что демократия, неизбежно буржуазная, насквозь фальшива, что богатство — зло, что банкир — хищник, антипод благородного человека труда, что бизнес — понятие, наполненное негативным смыслом, что путь социальных реформ — бесперспективен и вреден в противовес благодетельному революционному насилию и т.д., и т.п. Сегодня мы думаем об этом с иронической улыбкой, но в свое время эти «революционные» перекосы, эта убогая догматика вызывали тревогу у многих сочувствовавших нам мастеров культуры Запада.

Однако отказ от ошибок прошлого нередко сопряжен с другой крайностью, с бездумной переменой минусов на плюсы и обратно. Возникают новые негативные явления в самой духовной атмосфере общества, в тех, в частности, областях, с которыми напрямую сталкивается высшее гуманитарное (и не только) образование. Литература вытесняется из школьных программ, из ЕГЭ. Международно признанных авторов, классиков, затмевают поставщики массового чтения. Книги

¹ На подлинно современном уровне написаны: [11, 14, 15, 16, 17].

научного, учебного направления издаются крайне малыми тиражами, нередко за счет авторов. «Толстые» литературные журналы, кажется, навсегда вытеснены из книжных киосков «гламурными» изданиями. Вообще «гламуризация» захватила не только материальную среду, но и психологию людей. Телевидение, это мощное средство воздействия на широчайшую аудиторию, тиражирует низкопробный ширпотреб, примитивные сериалы, не лучшие образцы «поп-культуры». Мифологизируются современные «звезды», будь то представители бизнеса, эстрады, спорта. Укореняются представления об «успехе» как исключительно материальном преуспевании, больших деньгах, удовольствиях, преимуществах «сладкой жизни». Редко появляются на телеэкране инженеры, ученые, таланты в сфере техники (а не только эстрады!). Все это подрывает культуру, которая не менее важна для государства, чем производство нефти, газа, никеля и т.д., несущее осязаемую прибыль.

Вышеперечисленные обстоятельства делают существенно важным продуктивное и основательное преподавание литературы в вузе, в частности, у бакалавров. Как не вспомнить в этой связи, что в Древней Элладе талантливый, высоко образованный, творческий человек ценился в общественном сознании выше богатого, а образование и воспитание граждан полагались наиглавнейшей государственной задачей. Да и в дореволюционной России — в классической гимназии, с ее замечательными традициями, огромное внимание уделялось древним языкам и классической литературе.

* * *

Опубликовав за последнее десятилетие ряд учебников, пособий (в том числе учебно-методического характера), а также программ по различным курсам зарубежной литературы [1–9]¹, выскажу некоторые замечания и соображения, возникшие в процессе их написания и апробации в лекционной работе. Они исходят из того, что в науке и преподавании сложились определенные жанры или разновидности литературоведческих трудов, классификацию которых нельзя считать полностью разработанной. Это собственно научные исследования: академические монографии, оснащенные богатым аппаратом, истории национальных литератур, проблемные сборники, статьи, предисловия, эссе, литературные портреты, научные и художественные биографии, некоторые виды мемуаристики и т.д. К особому жанру литературоведения следует отнести работы, имеющие учебную направленность, обладающие определенными научными, методическими и педагогическими качествами. Это вузовские учебники по литературе. Иногда они пишутся большим коллективом авторов, каждый из которых обладает своим видением материала; некоторые разделы и главы представляют собой почти не переработанные предисловия, статьи, фрагменты из академических трудов. В коллективных книгах всегда неизбежен разный уровень: научный, методический, стилевой. Реже учебник создается одним лицом и несет печать его опыта, знаний и индивидуальной манеры.

¹ В период работы над настоящим номером вышла работа [6], находится в производстве учебник: Гиленсон Б.А., Храповицкая Г.Н. История зарубежной литературы XIX в. Ч. 1 (М.: Дрофа),

У нас немало хороших авторских учебников, выдержавших не одно издание: это учебники по древнегреческой литературе С.И. Радцига [13], по античной литературе И.М. Тронского [18], по литературе Средних веков и Возрождения (под редакцией А.А. Смирнова) [10]. Изящен по стилю, увлекателен по содержанию посмертно изданный (1996) курс лекций по литературе эпохи Возрождения Б.И. Пуришева [12]. Вообще, некоторые учебники, созданные крупными литературоведами, несмотря на присутствие в них «дежурных» цитат и вынужденной дани политической моде, — и сегодня сохраняют свою ценность. Нельзя согласиться с бытующим мнением, что в отличие от серьезных академических штудий, учебники представляют некое «упрощенное» литературоведение, предлагая «среднеарифметическую» точку зрения, изложенную в популярном ключе. Кстати, популярно — не значит примитивно. Простота и ясность изложения отнюдь не снижают научного уровня исследования.

Автор учебника, на наш взгляд, должен быть специалистом, обладающим широкими знаниями, накопленными в результате чтения, возможно, не одного, а нескольких вузовских курсов. Специалистом, обладающим не только исследовательским, но и педагогическим, «просветительским» даром. В идеале он соединяет в себе ученого, педагога, лектора. Работая над учебником, он должен «видеть» аудиторию, для которой пишет, знать ее запросы, интересы и особенности восприятия материала. Ему следует писать лаконично, доступно, избегая тяжеловесного наукообразия. Разница между ученым «кабинетного», академического плана и литературоведом, привыкшим работать не только за письменным столом, но и в студенческой аудитории, читать лекции, вести семинары, — очевидна. Уступая первому в глубине знаний, отдельных специальных вопросов и проблем, вузовский профессор нередко превосходит своих коллег из исследовательских институтов шириной эрудиции.

Авторы учебников оставляют о себе память у поколений студентов. Вспоминая прошлое, они говорят: «Мы учили античность по Тронскому, Возрождение — по Пуришеву, XX век — по Андрееву». Идеи, концепции этих авторов развиваются на специальных научных конференциях, чтениях: Алексеевских, Пуришевских, Андреевских. Психологически важны для студентов лекции авторов учебников или монографий, по которым они занимаются.

* * *

Возвращаясь к специфике учебников для бакалавров, полезно иметь в виду два момента; компактность и яркость в изложении материала. Согласно учебному плану зарубежная литература изучается бакалаврами, в отличие от специалистов, не 8, а 6 семестров, в более сокращенном объеме. В то же время в учебный курс вводятся некоторые новые темы: так, в первом семестре читается не античная литература, а литература и культура Древнего Мира. Сочетание литературы и культуры присутствует в курсах вплоть до XIX века. Конечно, культурологический материал, увлекательный и многообразный, должен быть изложен сжато, но не сведен к перечислению наиболее значимых имен композиторов, художников, ученых и т.д. Важно отметить наиболее

выразительные аспекты взаимодействия литературы и других видов искусства, например, показать, как архитектура и театр в «век Перикла» обусловили эстетику классической эллинской драматургии; как живопись и музыка романтизма отозвались в стилистике романтической поэзии, а манера импрессионистов сказались на творчестве Э. Золя, П. Верлена, Г. де Мопассана, как музыка и дух Бетховена «пропитали» «Жан Кристофа» Ромена Роллана. То же относится к воплощению писателями философских идей и обращению к научным открытиям (особенно в психиатрии, медицине). Материал этот обширен и разнообразен, здесь важно отобрать наиболее весомые явления и органически соединить литературоведческий и культурологический аспекты, оставляя, конечно, за литературой ведущую роль.

Существенный аспект учебника по литературе — стиль изложения. Учебнику противопоказаны как тяжеловесная наукообразность и скучноватый «академизм», так и безликость, словесные шаблоны, лексическая бедность, то, что иногда называют «канцеляритом». О литературе нельзя писать так же, как о многих других гуманитарных дисциплинах, продуктивно присутствие в тексте художественного, эстетического элемента. Он особенно наглядно виден, когда о литературе пишут писатели; яркие примеры этому — статьи Э. Золя, Ги де Мопассана, А. Франса, Дж. Голсуорси и других. То же относится к статьям и отзывам о западной литературе А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, А.И. Куприна, И.А. Бунина, А.А. Блока. Образцами подлинно литературного стиля могут служить работы многих русских историков (В.О. Ключевского, Н.И. Карамзина, С.М. Соловьева), не говоря уже о критиках (В.В. Розанове, А.Н. Веселовском, П.Н. Сакулине, А.Н. Пыпине и др.). Между тем, опыт показывает, что в издательстве редакторы обычно следят лишь за содержательной стороной текста, за «правильностью» языка.

Назовем и другие проблемы, встающие перед авторами учебников по зарубежной литературе для бакалавров. Необходимо наглядно показывать студентам, что речь идет не просто о литературе, но об истории литературы, об историко-литературном процессе. В настоящий период усилилось внимание к философским и особенно религиозным аспектам литературы, что отрадно. Преодолевается и упрощенное представление о связи литературы с историей, когда важнейшей функцией реалистического словесного искусства полагалось отражение исторических событий в качестве их художественных иллюстраций. Однако как реакция на подобную негативную практику обозначился явный перекокс, когда исторические события начинают, вообще игнорироваться. Творчество писателей трактуется вне исторического, социального контекста. Необходимая взаимосвязь между литературоведением и новейшими достижениями исторической науки не учитывается. Примером этой новой крайности может служить, то, что Парижская Коммуна, значение которой явно преувеличивалось учеными марксистами, фактически не упоминается в современном учебнике по зарубежной литературе рубежа XIX–XX веков. А ведь это событие отозвалось в творчестве А. Рембо, В. Гюго, Э. Золя, Э. Потье — автора «Интернационала», Ж. Ваялеса — автора романа «Жак Вентра»

и других. Заметим, что единственный наш линкор на Черном море именовался «Парижская Коммуна» (в дальнейшем переименован в «Севастополь»), а главный линейный корабль на Балтике — «Марат».

В именном указателе упомянутого учебника отсутствует имя В.И. Ленина, историческое значение которого, при всей неоднозначности его деятельности, неоспоримо. О нем писали Г. Уэллс, Дж. Рид, Р. Роллан, Л. Арагон и др. Огорчительно, что из обширных библиографий в диссертациях по зарубежной литературе исчезли труды историков. В прежних исследованиях и учебниках уделялось особое внимание рабочему и социалистическому движению, их влиянию на писателей Запада, начиная с Байрона, Шелли, Гейне. Теперь, напротив, тема эта почти отсутствует. Однако вне ее нельзя понять творчество таких художников как Б. Шоу, Г. Гауптман, Э. Золя, А. Франс, Э. Верхарн, Дж. Лондон, Т. Драйзер, не говоря уже о тех, кто творил в период между двумя мировыми войнами.

Речь идет не об упоминании судьбоносных исторических событий, а о неослабевающем внимании к исторической эпохе, к атмосфере, которая находит отзвук, прямой или скрытый, у любого большого художника, даже если он будет прямо декламировать свою «аполитичность», как Флобер, или укрываться в своих четырех стенах, как Пруст.

Если в прежних учебниках присутствовали «дежурные» цитаты из классиков марксизма, то теперь стало модным от них избавляться. А это также не вполне справедливо, ибо в суждениях, скажем, Маркса, Энгельса об античности, Ренессансе, авторах XVII–XIX веков немало пронизательного и полезного.

Литературная панорама в учебниках должна быть представлена в историческом движении. Отсюда необходимость взаимосвязи между курсами, постоянное внимание к проблемам традиции и новаторства. Сколь многообразен материал, иллюстрирующий живую роль античного наследия в последующие литературные эпохи, включая XX век! Разве можно понять Байрона вне ориентации на поэзию XVIII века и обогащения поэтики романтизма в целом, вне его влияния на младших современников: А. Пушкина и М. Лермонтова, А. Мицкевича и А. де Виньи. Эдгар По также не прошел мимо художественного опыта романтиков, но, создав собственную систему, оказал влияние на Ш. Бодлера, а тот, в свою очередь, на многих символистов, П. Верлена, С. Малларме, а в России — на наших поэтов «серебряного века»: К. Бальмонта, Д. Мережковского, З. Гиппиус и В. Брюсова.

Учебник должен включать в себя и элементы компаративистики, акцентировать внимание на наиболее ярких аспектах взаимосвязей русской и зарубежной литератур. Это особенно существенно, потому что студенты воспринимают отечественную словесность и западные литературы как разные «нестыкующиеся» дисциплины, а слабое знание истории препятствует их пониманию синхронности художественных явлений в России и на Западе. Разнообразны сюжеты, касающиеся проблемы «мировое значение русской классики». Среди них — «Л.Н. Толстой и Р. Роллан», «Л.Н. Толстой и Э. Хемингуэй», «Ф.М. Достоевский и У. Фолкнер», «И.С. Тургенев и Г. де Мопассан», «А.П. Чехов и западноевропейская

драма» и др. Эта тематика не только важна для будущего филолога: погружаясь в нее, серьезные студенты не смогут не испытать чувства гордости за нашу классическую литературу, получившую высочайшее признание за рубежом.

Параллельно с учебником издаются практикумы (вспомним, например, подробный практикум по античной литературе М.И. Николы), и это отрадно. Но вот такой крайне продуктивный вид учебной литературы, как семинарии, посвященные творчеству одного конкретного писателя, в настоящее время, к сожалению, почти утрачен. В прежние годы работы о русских писателях (А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, М. Горький, В.В. Маяковский и др.) издавались регулярно. Теперь же в издательствах считают, что семинарии, будучи малотиражными, невыгодны. В последний раз ценный семинарий по Пушкину Л. Фризмана увидел свет в 1996 году. Что касается семинариев по зарубежной литературе, то они вообще отсутствуют. Между тем, семинарии, скажем, по Шекспиру, Гете, Байрону, Хемингуэю и др. могли бы быть очень интересны. Вообще же длительная, целеустремленная работа над творчеством одного большого художника могла бы стать крайне полезной для подготовки серьезного филолога.

* * *

Нет нужды доказывать очевидную истину, что наряду с содержательным аспектом важна методика «подачи» художественных текстов. При этом надо учитывать, что большинство изучаемых произведений зарубежной литературы, в отличие от отечественной, почти незнакомы вчерашнему школьнику. И в этом — важное отличие учебников по русской и зарубежной литературе. В последнем, на наш взгляд, полезно, в необходимом объеме, дать характеристику, но отнюдь не пересказ сюжета, донести до студента живой образ книги, романа, драмы, поэмы, лирического стихотворного сборника. Надо учитывать, конечно, что некоторые произведения будут рассмотрены на семинарских занятиях, число которых, как и лекций, всегда недостаточно. Учебник может помочь изучению текста, но не заменит его основательного чтения. В отличие от рядового читателя филолог обязан читать целенаправленно, проникая в глубины текста, выявляя скрытые смыслы, ассоциации, и тут ему могут помочь комментарии. Чтение — это тоже искусство и труд, о чем в свое время напоминал И. В. Гете: «Добрые люди не знают, как много времени и труда необходимо, чтобы научиться читать. Я затратил на это восемьдесят лет жизни и все еще не могу сказать, что достиг цели». Слова эти, не лишённые самоиронии, — глубоко справедливы. Сегодня эта истина необычайно актуализировалась, студенты, чтобы облегчить себе жизнь, часто «скачивают» информацию из Интернета, знакомятся с содержанием книг по пересказам текстов в разного рода справочниках, появившихся в последнее время. К тому же столь любимое массами телевидение приучает к бездумному «поглощению» информации. Умение целеустремленно вчитываться в текст, размышлять над ним — очень важная проблема.

Учебник по зарубежной литературе в сжатом виде, конечно, должен привлечь внимание к художественному переводу. И это особенно значимо, потому что в России всегда проявлялась редкая отзывчивость на все новое и ценное,

что появлялось на Западе. Наверное, в России сложилась одна из лучших, если не лучшая, школа художественного перевода, получившая глубокое теоретическое обоснование (в трудах К. Чуковского и др.); переводческой деятельностью занимались не литературные ремесленники, а те, кто составляли цвет национальной словесности: А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, В.А. Жуковский, Ф.И. Тютчев, К.Д. Бальмонт, В.Я. Брюсов, Б.Л. Пастернак.

Учебник призван ориентировать студентов на изучение основных философских и религиозных идей — последним, как известно, долгое время уделялось слишком малое внимание. Кроме того, в учебнике должны ощущаться межпредметные связи, прежде всего, с такими дисциплинами, как теория литературы, языкознание, психология, история религии и т.д. Опыт показывает, что обычно эти предметы воспринимаются студентами изолированно, вне внутренней связи друг с другом.

В отличие от прагматически понимаемой в советскую эпоху «идейности» как утверждения коммунистических идеалов, всего того, что способствует государственной политике, современный учебник должен пропагандировать те общечеловеческие ценности добра, справедливости, человечности, любви, которые содержат в себе высокие образцы мировой классики. Учебник призван убедить в том, что замечательные литературные произведения, созданные много сотен лет тому назад, — это не только неотторжимые факты истории и мировой культуры, они так или иначе входят в сегодняшнюю жизнь, обращены к проблемам, которые всегда будут волновать человека.

Для раскрытия нравственного потенциала литературы важны личности самих писателей. Как давать их биографии? Думается, что в жизнеописаниях важно выделить главные факты, а не «анкетные» данные, воссоздать образ художника слова как творческой индивидуальности. Если соглашаться с мнением о том, что стиль — это человек, то становится понятным как личность Дж.Г. Байрона, Дж. Лондона, Э. Хемингуэя отозвалась в их манере, художественной системе. Это поможет понять, что такое автобиографизм в литературном произведении, какую роль играет личность писателя, его темперамент, жизненный опыт, в его творческой лаборатории. Знание писательских биографий убеждает в том, что ум, талант нередко (хотя и не всегда) связаны с высокими нравственными качествами. Вспомним Вольтера, выступавшего в защиту невинно осужденных, Байрона, отдавшего жизнь за свободу Греции, Золя, пожертвовавшего своим личным благополучием, возглавив компанию по спасению Дрейфуса. Ведущие писатели мира всегда активно выступали против милитаризма, тирании, фашизма, тоталитарных режимов. Продуктивным оказывается знакомство студентов с лучшими образцами художественных биографий, особенно написанных самими писателями (М.А. Булгаков о Мольере, С. Цвейг о Бальзаке, А. Моруа о многих французских писателях, Дж. Гарднер о Чосере и др.).

Если позволит объем, в учебнике полезны контрольные вопросы и темы письменных работ, хронологическая таблица, именной указатель. Опыт показывает, что весьма важен оказывается выбор названия, заголовков разделов и параграфов, подбор эпиграфов, что мы пытались продемонстрировать

в наших учебниках. Восприятие текста в значительной мере зависит от того, насколько удачно, наглядно и логично он структурирован, разбит на четкие смысловые единицы.

* * *

Автор учебника должен дать студенту почувствовать, что он отнюдь не предлагает ему истину в последней инстанции. Нельзя упускать из виду дискуссионности многих моментов. Ведутся споры, например, вокруг Великой Французской революции, в частности, о деятельности якобинцев; по поводу революционных событий в Европе в 1848 году, вокруг такой личности, как Наполеон или большевистской революции 1917 года. Не менее важно убедить студентов в том, что исторический опыт, расширение накопленных знаний о мире и человеке дают возможность вносить дополнительные нюансы в оценку классических произведений и художественных образов. Ярчайший пример тому — Гамлет. Критическая литература о нем огромна, плодотворны и сценические интерпретации образа, осуществленные крупнейшими актерами. Не случайно среди разделов шекспироведения выделяют такую его ветвь, как гамлетология.

Некоторые студенты воспринимают учебник как текст, подлежащий запоминанию. Однако одна из важнейших задач учебника состоит в том, чтобы пробудить интерес к предмету, стимулировать познавательную активность.

На наш взгляд, достойный учебник должен быть уподоблен знаменитому хемингуэевскому айсбергу, где над водой находится одна десятая его часть, а остальные девять десятых, невидимая часть — подводная. Учебнику надлежит предлагать лишь необходимую, сжато изложенную информацию, в то время как пласты фактического и аналитического материала, важные подробности могут остаться «за текстом». Пытливый студент пополнит свои знания самостоятельно, если «вкус» к научной литературе пробудился в нем. Однако скучные учебники, написанные равнодушным пером, способны погасить научные интересы студентов. Аксиоматично, конечно, что КПД учебника зависит не только от его достоинств и недостатков, но и от того, в какой мере и как он используется преподавателем, от его знания курса, любви к предмету, внутренних убеждений, искусства подачи материала, наконец, что немало важно, от артистизма педагога. Но это уже особая тема.

Мы убеждены, что добротный, удачный учебник по литературе (как зарубежной, так и отечественной) способен иметь более широкий круг адресатов, чем студенты-филологи. Его воспримут с немалой пользой для себя серьезные читатели, любители книги с гуманитарными интересами. Как бы ни были значимы в материальном прогрессе общества технические знания, они не исключают непреходящей ценности живого художественного слова. Напомнить об этом — сверхзадача, внутренняя мотивация учебника по литературе. Вот почему хочется вновь и вновь цитировать фрагмент из Нобелевской речи Иосифа Бродского: «Ни один уголовный кодекс не предусматривает наказаний за преступление против литературы. И среди преступлений этих наиболее тяжким является не преследование авторов, не цензурные ограничения, и т.п., не предание книг костру.

Существует преступление более тяжкое — пренебрежение книгами, их нечтение. За преступление это человек расплачивается всей своей жизнью, если же преступление это совершает нация — она платит за это своей историей».

Литература

1. *Гиленсон Б. А.* Античная литература: в 2-х кн. / Б.А. Гиленсон. – Кн. 2. Древний Рим. – 2-е изд. – М.: Флинта, 2002. – 280 с.
2. *Гиленсон Б. А.* Античная литература: в 2-х кн. / Б.А. Гиленсон. – Кн. 1. Древняя Греция. – 2-е изд. – М.: Флинта, 2002. – 416 с.
3. *Гиленсон Б. А.* Древнегреческая драма классического периода: учеб. пособие / Б.А. Гиленсон. – М.: Жизнь и мысль, 2001. – 270 с.
4. *Гиленсон Б. А.* История зарубежной литературы конца XIX – начала XX века: учеб. пособие для вузов по спец. «Русский язык и литература» / Б.А. Гиленсон. – М.: Академия, 2007. – 480 с.
5. *Гиленсон Б. А.* История зарубежной литературы конца XIX – начала XX века. Практикум: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. пед. учеб. заведений / Б.А. Гиленсон. – М.: Академия, 2006. – 224 с.
6. *Гиленсон Б. А.* История зарубежной литературы конца XIX – начала XX века: учебно-методическое пособие / Б.А. Гиленсон. – М.: МГПУ, 2009. – 248 с.
7. *Гиленсон Б. А.* История литературы США: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Б.А. Гиленсон. – М.: Академия, 2003. – 704 с.
8. *Гиленсон Б. А.* Литература и культура Древнего мира: учеб. пособие для студ. вузов, обуч. по напр. «Филол. образование» / Б.А. Гиленсон. – М.: Академия, 2008. – 320 с.
9. *Гиленсон Б. А.* Марк Твен. Судьба «короля смеха» / Б.А. Гиленсон. – М.: МГПУ, 2007. – 247 с.
10. История западноевропейской литературы. Средние века и Возрождение: учебник для филол. спец. вузов / М.П. Алексеев и др.; под ред. А.А. Смирнова. – М.: Высшая школа, 2000. – 462 с.
11. История зарубежной литературы XVII века: учеб. пособие / А.Н. Горбунов и др.; под ред. Н.Т. Пахсарьян. – М.: Высшая школа, 2005. – 487 с.
12. *Пуришев Б. И.* Литература эпохи Возрождения: курс лекций / Б.И. Пуришев. – М.: Высшая школа, 1996. – 366 с.
13. *Радциг С. И.* История древнегреческой литературы: [учебник для филол. спец. ун-тов] / С.И. Радциг. – 5-е изд. – М.: Высшая школа, 1982. – 287 с.
14. *Сухих И. Н.* Литература: учебник для 10 класса, среднее (полное) общее образование (базовый уровень): в 2-х ч. / И.Н. Сухих. – Ч. 1. – М.: Академия, 2008. – 240 с.
15. *Сухих И. Н.* Литература: учебник для 10 класса, среднее (полное) общее образование (базовый уровень): в 2-х ч. / И.Н. Сухих. – Ч. 2. – М.: Академия, 2008. – 272 с.
16. *Сухих И. Н.* Литература: учебник для 11 класса, среднее (полное) общее образование (базовый уровень): в 2-х ч. / И.Н. Сухих. – Ч. 1. – М.: Академия, 2008. – 240 с.
17. *Сухих И. Н.* Литература: учебник для 11 класса, среднее (полное) общее образование (базовый уровень): в 2-х ч. / И.Н. Сухих. – Ч. 2. – М.: Академия, 2008. – 368 с.
18. *Тронский И. М.* История античной литературы: [учебник для филол. спец. ун-тов] / И.М. Тронский. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1983. – 464 с.

B.A. Gilenson**A Textbook on Foreign Literature at the University: Notes on Genre**

In the article the main problems connected with writing modern teaching-books on foreign literature are analysed. Basing on his own experience of writing teaching-books and delivering lectures the author determines the most important features of a teaching-book corresponding to the modern level of Humanities and to the tasks of modern higher education. Among other aspects of the main problem distinctive features of teaching-books for bachelors are also named.

Key words: university teaching-book; foreign literature; two-level education; genres of literary criticism; author's individual manner (style).

References

1. *Gilenson B. A. Antichnaya literatura: v 2-x kn. / B.A. Gilenson. – Kn. 2. Drevnij Rim. – 2-e izd. – M.: Flinta, 2002. – 280 s.*
2. *Gilenson B. A. Antichnaya literatura: v 2-x kn. / B.A. Gilenson. – Kn. 1. Drevnyaya Greciya. – 2-e izd. – M.: Flinta, 2002. – 416 s.*
3. *Gilenson B. A. Drevnegrecheskaya drama klassicheskogo perioda: ucheb. posobie / B.A. Gilenson. – M.: Zhizn' i mysl', 2001. – 270 s.*
4. *Gilenson B. A. Istoriya zarubezhnoj literatury' konca XIX – nachala XX veka: ucheb. posob. dlya vuzov po spec. «Russkij yazyk i literatura» / B.A. Gilenson. – M.: Akademiya, 2007. – 480 s.*
5. *Gilenson B. A. Istoriya zarubezhnoj literatury' konca XIX – nachala XX veka. Praktikum: ucheb. posob. dlya stud. filol. fak. vy'ssh. ped. ucheb. zavedenij / B.A. Gilenson. – M.: Akademiya, 2006. – 224 s.*
6. *Gilenson B. A. Istoriya zarubezhnoj literatury' konca XIX – nachala XX veka: uchebno-metodicheskoe posobie / B.A. Gilenson. – M.: MGPU, 2009. – 248 s.*
7. *Gilenson B. A. Istoriya literatury' SShA: ucheb. posobie dlya stud. vy'ssh. ucheb. zavedenij / B.A. Gilenson. – M.: Akademiya, 2003. – 704 s.*
8. *Gilenson B. A. Literatura i kultura Drevnego mira: ucheb. posobie dlya stud. vuzov, obuch. po napr. «Filol. obrazovanie» / B.A. Gilenson. – M.: Akademiya, 2008. – 320 s.*
9. *Gilenson B. A. Mark Tven. Sud'ba «korolya smexa» / B.A. Gilenson. – M.: MGPU, 2007. – 247 s.*
10. *Istoriya zapadnoevropeiskoj literatury'. Srednie veka i Vozrozhdenie: uchebnik dlya filol. spec. vuzov / M.P. Alekseev i dr.; pod red. A.A. Smirnova. – M.: Vy'sshaya shkola, 2000. – 462 s.*
11. *Istoriya zarubezhnoj literatury' XVII veka: ucheb. posobie / A.N. Gorbunov i dr.; pod red. N.T. Paxsar'yan. – M.: Vy'sshaya shkola, 2005. – 487 s.*
12. *Purishev B. I. Literatura e'poxi Vozrozhdeniya: kurs lekcii / B.I. Purishev. – M.: Vy'sshaya shkola, 1996. – 366 s.*
13. *Radcig S. I. Istoriya drevnegrecheskoj literatury': [uchebnik dlya filol. spec. un-tov] / S.I. Radcig. – 5-e izd. – M.: Vy'sshaya shkola, 1982. – 287 s.*

14. *Suxix I. N.* Literatura: uchebnik dlya 10 klassa, srednee (polnoe) obshhee obrazovanie (bazovy'j uroven'): v 2-x ch. / I.N. Suxix. – Ch. 1. – M.: Akademiya, 2008. – 240 s.
15. *Suxix I. N.* Literatura: uchebnik dlya 10 klassa, srednee (polnoe) obshhee obrazovanie (bazovy'j uroven'): v 2-x ch. / I.N. Suxix. – Ch. 2. – M.: Akademiya, 2008. – 272 s.
16. *Suxix I. N.* Literatura: uchebnik dlya 11 klassa, srednee (polnoe) obshhee obrazovanie (bazovy'j uroven'): v 2-x ch. / I.N. Suxix. – Ch. 1. – M.: Akademiya, 2008. – 240 s.
17. *Suxix I. N.* Literatura: uchebnik dlya 11 klassa, srednee (polnoe) obshhee obrazovanie (bazovy'j uroven'): v 2-x ch. / I. N. Suxix. – Ch. 2. – M.: Akademiya, 2008. – 368 s.
18. *Tronskij I. M.* Istoriya antichnoj literatury': [uchebnik dlya filol. spec. un-tov] / I.M. Tronskij. – 4-e izd., ispr. i dop. – M.: Vy'sshaya shkola, 1983. – 464 s.

С.В. Косихина

Функция отрицательных слов в лирических прозаических миниатюрах

Статья посвящена изучению роли отрицательных лексем в миниатюрах И.Ф. Анненского. Специфика отрицательных лирических предикатов рассматривается с точки зрения положительной семантики, амбивалентности значения, а также коммуникативной установки.

Ключевые слова: лирические прозаические миниатюры И.Ф. Анненского; отрицательная лексика; амбивалентность понятий; «обратное» значение; коммуникативная функция.

Обилие отрицательных лексем в поэтике И.Ф. Анненского формирует специфический эмоциональный ореол его произведений. В лирических прозаических миниатюрах использование отрицательных частиц и слов заметно усиливается по мере приближения к финалу: последние предложения всех миниатюр концентрируют в себе сразу нескольких отрицаний, где общее отрицание осложнено частными: «...жить и даже **не замечать** при этом, что ее в то же самое время изнашивает собственная, уже **ни с кем не делимая** мука» [1: с. 220]; «**Падайте**, потому что и вы были иногда прекрасны, хотя бы тем, что **никого не радовали...**» [1: с. 213]; «Да ты и **не можешь** уйти от меня, потому что ты ведь это я, и **никто** больше — это-то уж наверно...» [1: с. 214]; «...в тоске человеческого духа, который **не видит** выхода из круга пошлости, убожества или трагически осужден казаться самодовольным или безнадежно фальшивым» [1: с. 217]; «Живу, потому что верую, что когда больше во всем мире **не будет биться ни единого сердца**, музыка угасающих светил будет еще играть, и что она будет вечно играть среди опустелой залы вселенной» [5: с. 144].

Среди грамматических средств, использованных И.Ф. Анненским в пяти оригинальных лирических прозаических миниатюрах для выражения отрицания, наблюдается следующая картина частотности:

– отрицательные местоимения (3),

- отрицательное наречие (3),
- отрицательное слово «**нет**» (8),
- частица **ни** (10),
- частица **не** (48), из них в качестве словообразовательной приставки (6).

В свою очередь, распределение этих средств в каждой отдельной миниатюре неоднородно и имеет свои особенности, отражающие их функциональную роль:

	<i>Мысли-изглы</i>	<i>Andante</i>	<i>Сентиментальное воспоминание</i>	<i>Моя душа</i>	<i>«Когда я гляжу на розу...»</i>
Отрицательные местоимения	1	–	–	–	2
Отрицательное наречие	–	–	1	1	1
Отрицательное слово « нет »	1	–	2	5	–
Частица ни	–	3	5	1	1
Частица не	4	9	19	8	8

Приведенная статистика позволяет увидеть то, что И.Ф. Анненский практически не использует в миниатюрах отрицательные местоимения. На наш взгляд, объяснение этого факта кроется в специфике субъектной структуры миниатюр, прономинативная модель которых тяготеет к системе «я – я», изначально не предполагающей другого, кто был бы отрицаем. На фоне отсутствия в текстах отрицательных местоимений обращает на себя внимание образование автором собственного аналога отрицательного местоимения — «не – мы», которое в отличие от отрицательных местоимений не отрицает кого-либо, а утверждает существование другой реальности. В структуре окказионального образа «не – мы» заложена характерная для поэтики И.Ф. Анненского амбивалентность: одновременное отрицание и утверждение; этот же единовременный контраст заложен в его «отрицательных» образах «несуществующего человека» в чреве матери, «Неизвестного поэта» и «небытия».

Случаи использования И. Ф. Анненским отрицательного слова «**нет**»:

- функционирование в предложении в качестве модальной частицы, устанавливающей связь с другими частями сообщения и выражающей субъективное отношение говорящего с точки зрения согласия или несогласия;
- употребление в качестве предиката («<...> **хоть нет** надо мной больше **ни** погасающей радуги, **ни** белоствольных берез...»);
- функционирование в качестве эквивалента самостоятельного отрицательного предложения, указывающего на обязательное присутствие диалога («**О, нет**»; «**О нет же, нет...**»). Данный вариант использования слова «нет» обладает большей категоричностью в выражении субъективного отношения к предмету

речи, а также позволяет создать в произведении иллюзию диалога. В миниатюре «Моя душа» направленность на диалог, заявленная уже в эпиграфе с помощью обращения и конструкции с общим отрицанием, осложненной и усиленной отрицательным словом «нет», распространяется в дальнейшем на все произведение, в котором маркер диалога — слово «нет» — встречается пять раз.

Частица **ни** используется И.Ф. Анненским в качестве усиления отрицания признака: «Там, наверху, не осталось **ни** облачка, **ни** полоски, **ни** точки даже...» [1: с. 214], а также в тех случаях, когда поэту необходимо дать определение неизвестного через систему отрицаний, отталкиваясь «от противоположного», при этом перечень отрицательных дефиниций не вносит какой-либо ясности в природу этого неизвестного и лишь подчеркивает его «инакость». «Трудноуловимое» понятие «не женщина» в миниатюре «Сентиментальное воспоминание» определяется И. Ф. Анненским путем повторения отрицаний: «Я не знал ее **ни** ребенком, **ни** девушкой, **ни** женщиной. Но мне до сих пор кажется, что я должен ее встретить» [1: с. 215]. Подобную структуру отрицаний И.Ф. Анненский использует, пытаясь определить «иную» реальность, осмыслить которую в положительных категориях для поэта невозможно.

Функциональная роль частицы **не** в отрицаниях разнообразна, что объясняет и частотность её использования:

– словообразовательная функция, наделяющая новое слово амбивалентным значением («Неизвестный», «несуществующий», «ненужные»), ср. «Неизвестный» и псевдоним И.Ф. Анненского «Ник. Т-о», превращающие отрицание в утверждение;

– выражение неопределенности или неясности признака («я спал и **не** спал», «я **не** совсем проснулся и заснул», «**не то** запела, **не то** заныла»; «**не то** упрехом, **не то** воспоминанием»);

– функция отрицания при сказуемом или главном члене, выражающем предикативный признак, что влечет за собой общее отрицание всего предложения («Я **не** боюсь тебя, уходящей, и **не** считаю твоих минут» [1: с. 214]);

– функция частного отрицания («вечно **не** в банальной метафоре, а в абсолюте» [5: с. 144]).

Использование И.Ф. Анненским отрицательных слов имеет свою специфику: как правило, отрицательные лирические предикаты несут в себе положительную семантику, на которую иногда указывает контекст. Наглядным примером подобного «обратного» значения в миниатюре «Мысли – иглы» может являться словосочетание «**никого не** радовали», положительная семантика которого раскрывается посредством синонимического ряда с другой причинно-следственной характеристикой «мыслей» — «прекрасны». Характеристика «никого не радовали» становится синонимом отсутствия банальности, о которой часто вспоминал И.Ф. Анненский применительно к современной литературе: «Хочется уйти куда-нибудь от этих банальных метафор, наивных гипербол и отделаться, наконец, от этих метких общих мест. <...> Чуткая боязнь грубого плана банальности — вот арсенал новой поэзии» [2: с. 205–206].

На существование «обратного» смысла в отрицаниях И.Ф. Анненского первым обратил внимание В.Е. Гитин: «Смысл употребления отрицательных лексем заключается вовсе не в отрицании, а в утверждении того или иного явления или состояния как особенной данности этого мира. <...> Эта негативная лексика не является выражением негативной лирической позиции автора и потому является утвердительной, а следовательно, позитивной. <...> Анненский — единственный из русских после Баратынского, кто последовательно мыслит эстетическую реальность как возведенное в положительный смысл отрицание, кто из отрицания явления создает положительные реалии поэтического мира» [3: с. 3–30]. Творческая реальность всегда обозначена И.Ф. Анненским посредством отрицательных лексем («*ненужные строфы*», «*мысли, ненужные людям*»): отрицательная реальность в биографическом плане (отсутствие понимания со стороны коллег-литераторов, критические высокомерные отзывы о его творчестве, отсутствие единомышленников и востребованности творчества) трансформируется в эстетическую реальность творчества. И. Ф. Анненский достойно переносил свое творческое одиночество: «*Нисколько не смущаюсь тем, что работаю исключительно для будущего*» [2: с. 447].

Амбивалентность и антитетичность, свойственная образам и понятиям И.Ф. Анненского, отражается, таким образом, и на его отрицательной лексике, не снимающей контраста антитезы, но разрушающей его резкие границы.

К указанным функциям использования И.Ф. Анненским отрицательной лексики, с нашей точки зрения, необходимо добавить ещё одну — коммуникативную. С точки зрения рецептивной эстетики, семантические разрывы (пробелы) и отрицания управляют процессом коммуникации и являются точкой опоры, вокруг которой вращаются взаимоотношения между текстом и читателем. В качестве подтверждения этого положения В. Изер говорит о том, что «вычеркнутое всегда остается на виду и способно влиять на отношение читателя к знакомому и определенному, т.е. отрицания побуждают читателя занять некоторую позицию *по отношению* к тексту». Так как любое отрицание базируется на определенной мотивации, то в поисках этой скрытой причины читатель вынужден занять определенную позицию «*между тем, что подвергалось аннулированию, и тем, что приходится считать за мотивацию этого аннулирования*» [4: с. 73–76]. Следовательно, отрицательная лексика, которой завершаются миниатюры И.Ф. Анненского, выполняет функцию обращения автора к читателю, символически передавая право «*тревожной душе человека XX столетия*» [2: с. 205] вдохнуть новую жизнь в «*мысли-иглы*».

Литература

1. Анненский И. Ф. Стихотворения и трагедии / И.Ф. Анненский. – Л.: Советский писатель, 1990. – 638 с.
2. Анненский И. Ф. Книги отражений / И.Ф. Анненский. – М.: Наука, 1979. – 679 с.

3. *Гитин В. Е.* Точка зрения как эстетическая реальность / В.Е. Гитин // *Иннокентий Анненский и русская культура XX века.* – СПб.: АО Арсис, 1996. – С. 3–30.
4. *Изер В.* Рецептивная эстетика / В. Изер // *Академические тетради: Альманах.* – Вып. 6. – М., 1999. – С. 59–96.
5. *Лавров А. В.* Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях / А.В. Лавров, Р. Д. Тименчик // *Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник.* – Л.: Наука, 1983. – С. 61–146.

S.V. Kosihina

The Function of Negative Words in Prose Lyrical Miniatures

The article is devoted to studying the role of negative lexemes in Innokenty Annenskij's prose poems. Peculiarities of negative lyric predicatives are considered from the point of view of positive semantics, of meaning ambivalence and communicative purpose as well.

Key words: lyrical prose miniatures by I. Annenskij; negative lexemes; ambivalence of concepts; “reversed” meaning; communicative function.

References

1. *Annenskij I. F.* Stixotvoreniya i tragedii / I.F. Annenskij. – L.: Sovetskij pisatel', 1990. – 638 s.
2. *Annenskij I. F.* Knigi otrazhenij / I.F. Annenskij. – M.: Nauka, 1979. – 679 s.
3. *Gitin V. E.* Tochka zreniya kak e'stetcheskaya realnost' / V.E. Gitin // *Innokentij Annenskij i russkaya kultura XX veka.* – SPb.: AO Arsis, 1996. – S. 3–30.
4. *Izer V.* Receptivnaya e'stetika / V. Izer // *Akademicheskie tetradi: Almanax.* – Vy'p. 6. – M., 1999. – S. 59–96.
5. *Lavrov A. V.* Innokentij Annenskij v neizdannyy'x vospominaniyax / A.V. Lavrov, R.D. Timenchik // *Pamyatniki kultury'. Novyy'e otkry'tiya. Ezhegodnik.* – L.: Nauka, 1983. – S. 61–146.

XI международная конференция «Виноградовские чтения» на филологическом факультете ГОУ ВПО МГПУ

Предлагаемый материал содержит обзор основных направлений работы международной научной конференции «XI Виноградовские чтения: Текст и контекст в лингвистическом, литературоведческом и методическом аспекте», проходившей в ноябре 2009 года на филологическом факультете ГОУ ВПО МГПУ и посвященной 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя. Конференция собрала участников из 14 стран и 42 городов России. В соответствии с программой, после пленарного заседания работа прошла в рамках 15 секций, посвященных различным проблемам современной филологии. Следующая сессия конференции — «XII Виноградовские чтения: Текст, контекст, интертекст в лингвистическом, литературоведческом и методическом аспекте» запланирована на осень 2011 года и будет приурочена к 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова.

Ключевые слова: научная конференция; XI Виноградовские чтения; текст и контекст; филологический факультет МГПУ; Н.В. Гоголь; М.В. Ломоносов.

С 12 по 14 ноября 2009 года на филологическом факультете ГОУ ВПО МГПУ прошла XI международная конференция «Виноградовские чтения: текст и контекст в лингвистическом, литературоведческом и методическом аспекте», посвященная 200-летию со дня рождения Н.В. Гоголя. Конференция впервые проходила под эгидой Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) и Международной ассоциации университетов (International Association of Universities — IAU) при ЮНЕСКО. Среди участников были гости из Италии, Ирана, Китая, стран ближнего зарубежья (Азербайджана, Армении, Беларуси, Болгарии, Грузии, Казахстана, Латвии, Литвы, Узбекистана, Украины), а также представители различных школ отечественной филологии из 42 городов России. Своих представителей делегировали 14 московских вузов, включая МГУ им. М.В. Ломоносова, Российский государственный гуманитарный университет, Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шо-

лохова, Московский государственный областной университет, Московский педагогический государственный университет, Российский университет дружбы народов, Московский государственный университет печати, Московский гуманитарный педагогический институт, Московский институт открытого образования. Ценный вклад в работу конференции внесли представители ведущих академических научно-исследовательских институтов, таких как Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН и Институт содержания и методов обучения РАО. Многие из гостей приняли деятельное участие в проведении мероприятия не только в качестве докладчиков, но и в роли председателей секций, круглых столов и т.д. Это, в частности, профессор Н.К. Онипенко (Москва, МГУ), профессор Гинтаутас Кундротас (Литва), профессор Г.Д. Фигуровская (Елец), профессор Н.А. Герасименко (Москва, МГОУ), профессор А.П. Романенко (Саратов), профессор К.Д. Гордович (С.-Петербург), доцент Г.В. Казанцева (Москва; Коломна), профессор М.П. Жигалова (Беларусь), профессор Е.С. Романичева (Москва, МГПИ) и другие.

К открытию конференции были опубликованы 5 томов «Виноградовских чтений – 2009», соответствующих основным направлениям работы конференции. В библиотеке вуза работала выставка, подготовленная к XI Виноградовским чтениям.

После регистрации участников конференция открылась пленарным заседанием. От имени ректората участников поприветствовал проректор по учебно-методической работе, директор Института иностранных языков ГОУ ВПО МГПУ д.ф.н., профессор *Олег Анатольевич Радченко*. С приветственным словом выступил также декан филологического факультета Вильнюсского педагогического университета, д.ф.н., профессор *Гинтаутас Кундротас*.

Прозвучавшие на пленарном заседании доклады представляли важнейшие аспекты филологического анализа текста (лингвистический, литературоведческий и методический), определяющие спектр постоянных научных направлений конференции.

Заслуженный деятель науки России, главный научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН профессор *Елена Андреевна Земская* поделилась воспоминаниями о своем учителе — Викторе Владимировиче Виноградове, чье имя украшает название конференции и задает ту высокую планку научного подвижничества, к которой хотели бы приблизиться все без исключения участники мероприятия. Прекрасная русская речь Елены Андреевны, ее увлекательный рассказ о Викторе Владимировиче как «учителе, человеке, ученом» вызвали самый теплый отклик в зале, где присутствовали не только преподаватели и гости, но и большое число студентов.

Характер полновесного научного доклада носило выступление доктора филологических наук, профессора МГУ им. М.В. Ломоносова *Валентина Александровича Недзвецкого* «“Мертвые души” Н.В. Гоголя: замысел и драма “художественной проповеди”». Изложенная докладчиком концепция формирования и трансформации жанровой модели «Мертвых душ» была подкре-

плена обстоятельным анализом «готовых» жанровых моделей в литературе 1830–1840-х годов и текста гоголевской поэмы.

В центре внимания доктора филологических наук, профессора Российского университета дружбы народов *Ольги Ивановны Руденко-Моргун* оказалась проблема использования визуальных интерактивных средств в школьном обучении. Возможности современных технологий были продемонстрированы на материале мультимедийного учебного пособия для школьников, разработанного под руководством докладчицы.

В ином — теоретическом ключе была поставлена проблема взаимодействия филологической науки с новой технологической реальностью в докладе заведующего кафедрой русского языка и общего языкознания филологического факультета ГОУ ВПО МГПУ профессора *Евгения Флорентовича Кирова*. В выступлении докладчик сделал попытку спрогнозировать трансформацию, которой может подвергнуться традиционная научная методология гуманитарных дисциплин в свете формирования новой — «гипертекстовой» системы знаний. Концепция докладчика носила дискуссионный характер, приглашая слушателей к дальнейшему научному обмену. Частично такой обмен состоялся в рамках круглого стола, организованного кафедрой русского языка и общего языкознания.

В целом, в рамках Виноградовских чтений, помимо пленарного и итогового заседаний, были проведены заседания пятнадцати секций и трех круглых столов. В организации их работы ведущая роль принадлежала кафедрам факультета. Особо следует отметить вклад старейших кафедр, объединяющих в своей деятельности целое созвездие научных направлений: кафедры русского языка и общего языкознания (организатор работы пяти секций), кафедры русской литературы и фольклора (организатор четырех секций), кафедры прикладной лингвистики и образовательных технологий в филологии (организатор трех секций). К научно-организационным мероприятиям в рамках конференции успешно присоединились и более молодые кафедры, взявшие на себя подготовку и проведение секционной работы по перспективным направлениям зарубежной филологии (кафедра зарубежной литературы и кафедра германской филологии).

В рамках секции **«Текст и контекст как теоретическая проблема лингвистики»** (председатели: проф. *Н.К. Ониненко*, доц. *С.В. Лихачев*) были рассмотрены фундаментальные аспекты лингвистической проблемы «текст и контекст». Весомо прозвучал теоретический доклад *Н.К. Ониненко* (Москва, МГУ им. *М.В. Ломоносова*) «Текст как объект грамматической науки». Несомненный интерес также вызвало выступление *И.В. Труфановой* (Москва, МГПУ) «О природе эстетического знака».

На совместных заседаниях секций **«Концептосфера текста. Лингвистическое исследование текста в исторической перспективе»** и **«Русский язык: единицы языка в контексте речи»** (председатели: проф. *Г. Кундротас*, проф. *Е.Ф. Киров*, доц. *Е.Н. Абрашина*, проф. *Л.И. Осипова*, проф. *Н.К. Ониненко*) выступили представители Москвы, Вильнюса, Саратова, Челябинска. Был затронут широкий круг вопросов, таких как: проблемы звучащей речи (*Ж.В. Ганиев*, *Г. Кундротас*), разговорная речь (*Л.И. Осипова*, *В.Н. Шапошников*), роль

контекста в прагматической характеристике языковых средств (В.И. Гаврилова, Н.Н. Кошкарлова), особенности выражения эмоциональных состояний в разных языках (Е.В. Ситникова, Йовита Русецкая). Наибольший интерес вызвали доклады Ж.В. Ганиева (Москва, МГПУ, «Петровская реформа как источник неустойчивости орфоэпии в XVIII веке»), Г. Кундротаса (Литва, «Интонация в русском и литовском языках»), В.И. Гавриловой (Москва, МГПУ, «Контексты для реализации пассивного и квазипассивного (декаузативного) прочтения одних и тех же возвратных глаголов»), Н.Н. Кошкарловой (Челябинск, «Конфликтный текст: прагматические характеристики угрозы и упрека как способов речевого воздействия»), Е.Ф. Кирова (Москва, МГПУ, тема «Концепт “пьянство”»), Л. И. Осиповой (Москва, МГПУ, «Реализация словообразовательного потенциала имен существительных разных разрядов в современной русской разговорной речи») и Е.М. Виноградовой (Москва, МГПУ, «Концепт “Несбывшееся” в романе А. Грина “Бегущая по волнам”»). Выступления В.И. Гавриловой и Е.Ф. Кирова вызвали оживленную дискуссию. Поводом для дискуссии стала также трактовка функциональных стилей, высказанная в докладе В.Н. Шапошникова (Москва, МГПУ, «Просторечие в структуре русского языка и современной коммуникации»), отличающаяся от общепринятой.

Большой интерес у лингвистов из разных городов России вызвала тематика секции *«Художественный текст как объект филологического анализа»* (председатели: проф. Е.Ю. Геймбух, доц. А.В. Горелкина). Проблематика заседания — поиск наиболее эффективных приемов описания идиостиля конкретных авторов, от М.Е. Салтыкова-Щедрина до писателей Серебряного века и советских литераторов. Большая часть сообщений вызвала неподдельный интерес, о чем свидетельствовали многочисленные вопросы к докладчикам — А.П. Романенко (Саратов), Е.Ю. Геймбух (Москва, МГПУ), А.В. Горелкиной (Москва, МГПУ), М.В. Захаровой (Москва, МГПУ), С.В. Косихиной (Москва, МГПУ), З.С. Санджи-Гаряевой (Саратов), С.Е. Родионовой (Уфа), Г.Д. Фигуровской (Елец).

Проблемам изучения текста и контекста в русской литературе была посвящена работа трех секций. Круг вопросов, затронутых докладчиками и участниками дискуссий, был связан с проблемами, отраженными в тематике секций и научных направлений конференции (интерпретация художественного текста, архетип, мифопоэтика, «московский текст», вопросы культурного, исторического и художественного контекста). Доклады были построены на материале русской литературы XIX века, Серебряного века, XX века, отечественного фольклора. В компаративном аспекте докладчиками привлекался материал традиционной материальной и духовной культуры народов мира, мифологии, мировых религий. Большинство докладов было посвящено фундаментальным проблемам русского литературоведения, однако затрагивались также различные аспекты преподавания русской литературы.

На заседаниях секции *«Русская литература: восприятие, анализ и интерпретация художественного текста»* (председатели: проф. А.П. Ауэр, доц. И.И. Матвеева, доц. М.Б. Лоскутникова) внимание участников было приковано к широкому спектру проблем, отражающих различные аспекты поэти-

ки русского художественного текста. Среди участников — гости из Москвы, Коломны, Орехово-Зуева, Ставрополя, Красноярска, а также из зарубежных стран. Представительница Лингвистического центра Веронского университета (Италия) *Л.Л. Ружанская* выступила с интересным докладом на тему «Бунинская Москва (об одном Арбатском стихотворении И.А. Бунина)».

Проблемам контекстуальных связей произведений русской литературы было посвящено заседание секции **«Русская литература: контекстуальный анализ художественного творчества»** (председатели: проф. *К.Д. Гордович*, доц. *Е.Ю. Полтавец*; проф. *С.А. Джанумов*, доц. *М.В. Яковлев*). Среди рассмотренных персоналий: М.Ю. Лермонтов, И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, М.Е. Салтыков-Щедрин, И. Шмелев, М. Цветаева, В. Набоков, классики отечественной литературы советского периода. Проблемам мифопоэтики текста было уделено особое внимание на заседании секции **«Архетипическая основа и мифопоэтика художественного текста»** (председатели: д.ф.н., доц. *А.В. Громова* и доц. *И.Н. Райкова*). В числе участников — представители Азербайджана (Бакинский славянский университет) и ряда российских городов (Саратова, Воронежа, Орехово-Зуева, Нижнего Новгорода и др.). С большим вниманием были заслушаны, в частности, доклады *К.Д. Гордович* (Санкт-Петербург, «Солнце мертвых» И. Шмелева в контексте прозы 1920-х годов о гражданской войне), *Е.Ю. Полтавец* (Москва, МГПУ, «“Война и мир” Л. Н. Толстого в контексте даосской философии»), других участников заседания.

Впервые на конференции были представлены секции, освещавшие проблемы германского языкознания. Тематика докладов на заседании секции **«Зарубежная лингвистика: филологический анализ текста»** (председатели: проф. *М.В. Беляева*, доц. *Г.А. Иванкина*) отличалась широтой и затрагивала самые существенные аспекты германистики: историю германских языков, их лексический и грамматический строй. Наибольший интерес вызвали следующие вопросы: особенности образного мифопоэтического мышления древних германцев (*А.С. Данилов*, Москва, МГПУ); история, существенные черты и значение рэп-культуры современных афроамериканцев (*А.В. Богданов*, Москва, МГПУ); английская пословица как единица языка и речи (*Г.А. Иванкина*, Москва, МГПУ); причины синтаксических трансформаций в современной разговорной немецкой речи (*М.В. Беляева*, Москва, МГПУ, «Функционально-коммуникативная характеристика некоторых высказываний устного дискурса (на материале немецкого языка)»).

Несмотря на камерность, весьма продуктивным в научном отношении было заседание секции **«Единицы языка и семантическая структура текста»** (председатель: проф. *Н.Л. Огуречникова*). В докладах *Н.Л. Огуречниковой*, *В.С. Щировой* и *В.И. Гавриловой* рассматривались традиционные вопросы языкознания, связанные с содержанием языковых единиц и характером их реализации в речи, тогда как доклад аспиранта *А.С. Махова*, напротив, выделялся нетрадиционным характером объекта исследования: докладчик рассматривал типы организации информационного пространства в сети «Интернет». Живой отклик аудитории вызвало выступление *В.С. Щировой* (Москва,

МГПУ) о характере использования фразеологизмов в немецком языке: слушателей особенно заинтересовали приведенные докладчицей сведения об особенностях восприятия немцами русских фразеологизмов и наоборот.

Отдельная секция была посвящена обсуждению проблем современного изучения *зарубежной литературы* (председатели: проф. *Б.А. Гиленсон*, доц. *Г.В. Казанцева*, доц. *Т.Г. Чеснокова*, доц. *Я.С. Линкова*). На секции в пределах общего предметного поля фактически были представлены разные направления: античный, библейский и фольклорный интертекст произведений европейской литературы (*А.С. Джанумов*, *А.Г. Волкова*), учебный текст в преподавании зарубежной литературы (*Б.А. Гиленсон*), жанровый и национально-культурный контекст в литературах Запада (*Я.С. Линкова*, *Г.В. Казанцева*, *В.Г. Мостовая*, *Т.Г. Чеснокова*, *З.Б. Желтикова*, *Е.Ю. Забаева*, *О.С. Фроликова* и др.). Всего в работе секции приняли участие 17 докладчиков. Большинство приглашенных участников — представители ведущих вузов Москвы: МГУ им. М.В. Ломоносова, РГГУ, РУДН, МГОУ. Наибольший интерес у присутствующих вызвали доклады *Я.С. Линковой* (Москва, МГПУ, «Образ России и русских в “Путешествии в Россию” Теофила Готье»), *Т.Г. Чесноковой* (Москва, МГПУ, «Бурлескная трагедия в раннем творчестве Г. Филдинга»), *В.Г. Мостовой* (Москва, МГУ, РГГУ, «Сентенции в гомеровском эпосе: текст и контекст»), *Г.В. Казанцевой* (Коломна, «Античная биография и античная риторика: к проблеме жанровых преемственных связей»), *Л.А. Симоновой* (Москва, МГПУ, «Современные подходы к изучению творчества О. де Бальзака»). Среди слушателей и заинтересованных участников обсуждения были аспиранты кафедры зарубежной литературы филологического ф-та МГПУ, а также магистранты, студенты (специалисты) и бакалавры факультета. Подводя итоги заседания, председатель секции профессор *Б.А. Гиленсон* подчеркнул, что обращение к новейшим методам исследования не должно отвлекать внимание литературоведов от личности автора. Не менее важную роль играет в науке и личность самого исследователя, лучшим подтверждением чему может служить разносторонний вклад в филологическую науку академика В. В. Виноградова.

По традиции большое внимание на конференции было уделено вопросам методики преподавания художественных текстов в рамках лингвистических и литературоведческих дисциплин. В работе секции «*Восприятие, анализ и интерпретация художественного текста в вузе и школе*» (председатели: проф. *М.П. Жигалова*, доц. *Н.С. Чернышова*) приняли участие гости из Беларуси и Ирана, преподаватели, студенты и магистранты филологического факультета МГПУ. Круг проблем, затронутых в докладах и свободной дискуссии, был широким: современная методика преподавания русской словесности в университетах Запада, двухступенчатая система образования в Германии и России (*М.П. Жигалова*), создание мотивационной системы обучения (*В.А. Коханова*), технологии личностно-ориентированного образования, социально-коммуникативный подход в обучении лингвистическим дисциплинам (*Н.С. Чернышова*), интерпретация и анализ произведений русской художественной литературы в вузе и школе (*Марзие Яхьянур*). Слушатели проявили особый интерес к докладам гостей конференции. *М.П. Жигалова* (Беларусь)

рассказала о двухступенчатой системе образования в Институте Славистики в университете им. Гумбольдта в Берлине, отметив, что методы работы над анализом художественного произведения, предлагаемые русскими, белорусскими, западноевропейскими методистами, во многом идентичны. Доклад *Марзие Яхьянур (Иран)* поразил слушателей своей оригинальностью и заставил посмотреть на рассказ И. Бунина «Смерть пророка» глазами литературоведа Востока. Отмечая влияние поэта Шейха Саади на творчество И. Бунина, *М. Яхьянур* обратила внимание на философскую мудрость писателя, простоту и лаконичность его прозы. В рамках еще одной методической секции — **«Текст и контекст в методике преподавания филологических дисциплин в вузе и школе»** оживленную дискуссию вызвали доклады *Е.С. Романичевой (Москва, МГПИ, «Историко-культурный контекст на страницах учебника литературы»)*, *Н.Ю. Русовой (Н. Новгород, «Категория концепта и интеграционные технологии преподавания литературы»)*, *Н.Г. Большаковой (Москва, РУДН, о роли текста при обучении иностранцев русскому языку)*, *О.А. Скрябиной (Рязань, «О чувстве языка при текстоформирующей деятельности»)*, *Г.А. Сидоровой (Москва, МГПУ, об использовании текста как средства контроля правописных умений старшеклассников)*.

Празднование в 2009 году 200-летия со дня рождения Н.В. Гоголя стало событием, определившим особый тематический ракурс одиннадцатых Виноградовских чтений. Гоголевская тематика была представлена и на пленарном заседании (в докладе *В.А. Недзвецкого*), и на специальных «гоголевских» секциях, из которых наиболее представительной стала **«Гоголевский текст в литературоведении»**. Секция собрала ученых разных направлений: теоретиков и историков русской и зарубежной литературы, представивших творчество Н.В. Гоголя в самых разнообразных контекстах. В докладах, в частности, освещались вопросы поэтики, стилистики и метода гоголевского творчества (*И.А. Агаева, М.Б. Лоскутникова, Е.Г. Чернышова, Е.Ю. Полтавец* и другие), фольклорные мотивы и литературные связи в произведениях Н.В. Гоголя (*С.А. Джанумов, Ю.С. Шапошников*), рассматривалась проблема «Гоголь в восприятии современников и потомков» (*Я.С. Линкова, Д.А. Олицкая*), анализировались гоголевские мотивы и реминисценции в творчестве писателей XX в. (*А.И. Смирнова, И.А. Канунникова, Е.Ю. Кольшева, И.И. Матвеева* и др.).

Секции **«Гоголевский текст в лингвистике»** и **«Гоголевский текст в методике преподавания русского языка и литературы в школе и вузе»** провели свою работу в рамках объединенных заседаний близких по тематике секций лингвистического и методического направлений. Проблема лингвистического анализа гоголевских текстов получила интересное освещение в выступлениях *Н.А. Герасименко (Москва, МГОУ, «Чародейство превращений: связки в текстах Н.В. Гоголя»)* и *Т.Е. Шаповаловой (Москва, МГОУ, «“Почти” в повести Н.В. Гоголя “Старосветские помещики”)*. «Гоголевская» тематика в методическом аспекте была удачно представлена в докладах *Е.Д. Гореликовой (Москва, ГОУ ЦО «Технология обучения г. Москвы»)*, *Н.Л. Антоновой (Москва, МГПУ)*, *М.М. Егоровой (Москва, Институт гуманитарного образования и информационных технологий)*.

Интегративные тенденции нынешней конференции нашли убедительное преломление в работе круглых столов с их более широкими возможностями для свободной дискуссии, для постановки острых проблем, обсуждения опыта, накопленного в рамках новых научных парадигм и в условиях образовательной реформы. Кафедра русского языка и общего языкознания, в частности, организовала дискуссию на тему *«Текст. Дискурс. Нарратив»*, посвященную актуальным вопросам теории и практики современного дискурса и нарратива, обсуждению границ этих понятий. Среди выступающих — председатели *Е.Ф. Киров* и *Н.К. Онипенко*, гости (*Н.А. Герасименко*, *С.Е. Родионова*, *Г.Д. Фигуровская*, *Т.Е. Шаповалова*), преподаватели и аспиранты кафедры (*Е.Н. Абрашина*, *Е.Ю. Геймбух*, *А.В. Горелкина*, *М.В. Захарова*, *Е.В. Ситникова*, *И.В. Труфанова*, *Е.С. Ярыгина*, *Йовита Русецкая*).

Большое количество заинтересованных участников собрал круглый стол *«Проблемы изучения и преподавания русской и зарубежной литературы в современном образовательном пространстве»*, организованный кафедрой русской литературы и фольклора совместно с кафедрой зарубежной литературы. На заседании были затронуты такие проблемы, как современные подходы к изучению и преподаванию литературной классики в условиях образовательной реформы; предмет литературоведческих дисциплин в вузе и школе; «вершины» и «звенья» литературного процесса; литература и Интернет. Наиболее активное участие в обсуждении приняли *Л.П. Кременцов*, *Б.А. Гиленсон*, *Т.Г. Чеснокова*, *Ю.С. Шапошников*, *Я.С. Линкова*, *Н.Б. Калашикова*, *Л.А. Симонова*, *И.И. Матвеева*, *О.Ю. Казмирчук*, а также гости конференции: профессор *К.Д. Гордович* (Санкт-Петербург) и профессор *И.И. Агаева* (Азербайджан, Баку). Наряду с полярными оценками, тяготевшими к преклонению перед сложившимися традициями или резкому отрицанию прежней преподавательской практики, прозвучали и более взвешенные суждения о необходимости сохранения специфики филологического знания в самом характере использования новых технологий и методов.

Остроактуальной стала и проблематика круглого стола *«Русский язык и литература в полиэтнических классах столичной школы: проблемы и решения»*, прошедшего под председательством академика РАО *Е.А. Быстровой* и проф. МГПУ *В.А. Кохановой*. Круг вопросов был весьма разнообразным: от проблемы освоения учебных программ учащимися полиэтнических классов до культурологических и нравственных аспектов преподавания русского языка и литературы в полиэтническом классе. В работе приняли участие зарубежные гости — *Мардзие Яхьянур* (Иран), *М.П. Жигалова* (Беларусь), преподаватели МГПУ *В.А. Коханова*, *А.А. Кулакова*, *И.А. Канунникова*, *Н.С. Чернышова*; учителя экспериментальных школ *А.В. Димитрюк*, *К.Г. Стрючкова*, студенты бакалавриата и магистратуры филологического факультета МГПУ (*А. Аль-Кайси*). Поставленные проблемы вызвали высокую заинтересованность слушателей благодаря живой связи с практикой преподавания в современной школе.

В целом XI Виноградовские чтения стали примером продуктивного сотрудничества филологов в международном, российском и региональном мас-

штабе. Не менее ценным можно считать взаимодействие маститых ученых и молодых филологов, их со-присутствие в едином культурном пространстве. В рамках конференции значимая для педагогического вуза связь между научными направлениями и преподавательской практикой осуществлялась не только в тематике секций, круглых столов и отдельных выступлений, но и в значительном расширении аудитории за счет студентов. А для последних участие в мероприятии такого ранга стало полезным опытом приобщения к сфере «большой науки» и к обсуждению ее актуальных проблем.

Эти и другие результаты конференции были отмечены на заключительном заседании, состоявшемся 14 ноября 2009 года. В целом работа научной сессии получила положительную оценку участников. Решением XI международной конференции «Виноградовские чтения» был подтвержден регулярный характер мероприятия, определены сроки и тематика очередного, двенадцатого по счету форума (Москва, 2011), его тематическая связь с празднованием 300-летнего юбилея со дня рождения М. В. Ломоносова. При росте интеграции была отмечена потребность в расширении научной тематики «Виноградовских чтений», что нашло отражение в их уточненном подзаголовке: «Текст, контекст, интертекст в лингвистическом, литературоведческом и методическом аспекте». Тем самым был подведен итог одиннадцатых «Виноградовских чтений» — итог, в целом положительный, какими видятся и дальнейшие перспективы этого масштабного научного мероприятия.

Обзор по материалам XI международной конференции
«Виноградовские чтения» подготовила *Т.Г. Чеснокова*

**XI International Conference Vinogradov's Readings
(Vinogradovskie chteniya) held at the Philological faculty
of the Moscow City Pedagogical University
(Reviewed by *T.G. Chesnokova*)**

The above-placed material contains information on the main branches of the work of the International Conference *XI Vinogradov's Readings (Vinogradovskie chteniya): Text and Context in Linguistics, Literary Criticism and Theory of Teaching Philology*, devoted to the 200th Anniversary of *N.V. Gogol*, which took place on November 12–14, 2009, at the Philological faculty of the Moscow City Pedagogical University. The philological forum gathered participants from 14 countries and from 42 cities of the Russian Federation. According to schedule after the plenary meeting there were held 15 section meetings devoted to different problems of modern philology. The next session — *XII Vinogradov's Readings: Text, Context and Intertext in Linguistics, Literary Criticism and Theory of Teaching Philology* — will be held in 2011 and be timed to the 300th Anniversary of *M. V. Lomonosov*.

Key words: conference; XI Vinogradov's Readings (Vinogradovskie chteniya); text and context; philological faculty of the MСPU; *N.V. Gogol*; *M.V. Lomonosov*.

Научная конференция «Литературный процесс: от Средневековья к Новому времени» (к 80-летию Андрея Дмитриевича Михайлова)

Публикуемый материал представляет собой обзор научной конференции, организованной отделом классических литератур Запады и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН и приуроченной к 80-летию одного из старейших сотрудников отдела А. Д. Михайлова. Диапазон научных интересов А. Д. Михайлова простирался от исследований памятников Средневековой литературы до русско-европейских литературных связей XX века. Широта кругозора ученого и определила тематику докладов участников.

Отдел классических литератур Запады и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН планировал провести конференцию «Литературный процесс: от Средневековья к Новому времени» в рамках празднования юбилея А. Д. Михайлова, ведущего научного сотрудника, члена-корреспондента РАН. Заявленная тематика конференции отвечала научным интересам сотрудников отдела и вместе с тем включала весь спектр научных изысканий самого юбиляра. К сожалению, Андрей Дмитриевич не дожид несколько месяцев до своего юбилея. Заседание, тем не менее, состоялось, во многом как дань уважения крупному ученому, как свидетельство памяти его многогранных исследований.

Конференция проходила два дня, 15 и 16 декабря 2009 года. При ее открытии с приветственным словом выступила директор ИМЛИ РАН, Е. А. Стеценко. Большая часть докладов утреннего заседания была посвящена русско-европейским литературным связям, что, безусловно, на протяжении всей жизни А. Д. Михайлова, являлось предметом его постоянного интереса. Так, в докладе Т. М. Николаевой (Институт славяноведения РАН) было проведено крайне тщательное и подробное исследование текста драмы М. Ю. Лермонтова «Маскарад». При сопоставлении с романом Шодерло де Лакло было показано, что образы лермонтовских героев князя Звездича и баронессы Штраль имеют своими прототипами Виконта де Вальмона и маркизу де Мертей — главных «злодеев» французского романа. В. В. Полонский (ИМЛИ РАН) своим выступлением перенес слушателей совсем в другую эпоху: в его докладе (составляющем часть

большого исследования) была затронута тема рецепции творчества П. Клоделя в России. Предметом доклада Т.А. Михайловой (МГУ) стали условия проявления интереса к памятникам древнерусской литературы в век Екатерины. В контексте этих условий в докладе рассматривался и факт нахождения в XVIII веке «Слова о Полку Игореве».

Часть докладов была посвящена непосредственно научной деятельности А.Д. Михайлова. Так, И.Г. Птушкина (ИМЛИ РАН), являясь ученым секретарем и членом Редколлегии серии «Литературные Памятники», рассказала о той просветительской роли, которую сыграл А.Д. Михайлов в развитии и становлении серии. В докладе был дан подробный анализ методов работы ученого с документами и прочим научным материалом, был сделан обзор тех изданий, в составлении которых он принимал самое активное участие. О.В. Смолицкая (ИМЛИ РАН), анализируя творчество П. Мериме, сосредоточила свое внимание на теме Средневековья в поэтике писателя, особо выделив и подчеркнув тот факт, что к разработке этой проблематики она приступила при содействии и в соответствии с пожеланием Андрея Дмитриевича.

Поэтике Средневековой литературы были посвящены три доклада сотрудников отдела классических литератур Западного и сравнительного литературоведения. Е.А. Гуревич на материале саги «Прядь о Норна-Гесте» проанализировала становление и эволюцию образа рассказчика на фоне описания героического прошлого; М.Р. Ненарокова проследила цикличность развития жанра эклоги с I по IX век; в подробном разборе проповедей Бернардино да Сиена А.В. Топорова сделала, в первую очередь, акцент на своеобразии адресата, а именно: к каким женщинам были обращены исследуемые проповеди, на какие стороны их праведной жизни обращал внимание проповедник (воспитание детей, внутрисемейные отношения, любовь и брак), какой образ средневековой женщины складывается в результате внимательного прочтения текстов.

Целый ряд докладов был посвящен отдельным проблемам истории и поэтики французской литературы. К.А. Чекалов на примере такой малоизученной проблемы, как эзотерика Ренессанса дал обзор всего французского Возрождения. Трактовку XVIII века в творчестве М. Пруста проанализировала Н.Т. Пахсарьян (МГУ). Несмотря на то, что Пруст скорее полемизирует с XVIII столетием, в его произведениях часто упоминаются отдельные произведения искусства, литературные памятники и предметы интерьера. О влиянии творчества Кребийона на «День» Парини говорилось в докладе Е.Ю. Сапрыкина. Малоизученная тематика представлена в выступлении Е.П. Гречаной (ИМЛИ РАН): оно было сосредоточено на изучении своеобразия переводов французских романов в России XVIII – начало XIX века и их читателей.

Изучению поэтики английской литературы было посвящено несколько докладов. М.Л. Андреев (ИМЛИ РАН) исследовал своеобразие комедии Реставрации на примере творчества четырех драматургов: Дж. Этериджа, У. Уичерли, Дж. Фаркера и У. Конгрива — самых репрезентативных по целому ряду характеристик, с точки зрения докладчика. Е.В. Халтрин-Халтурина (ИМЛИ РАН) представила один из вариантов литературного влияния творчества Э. Спенсера на становление

поэтики Дж. Китса, а также указала на эффект обратного влияния, проявившегося в том, что в современном отношении к творчеству Э. Спенсера существенную роль сыграли взгляды английского романтика. А Е.П. Зыкова (ИМЛИ РАН) представила вниманию слушателей компаративистский анализ темы преступной любви, наказания и милосердия в поэмах «Анджелло» А.С. Пушкина и «Паризина» Дж.Г. Байрона.

В докладах, посвященных немецкой литературе, были затронуты проблемы, связанные с изучением творчества Гёте и немецких романтиков. Д.Л. Чавчанидзе (МГУ) проанализировала образ автора в художественном тексте Г. Гейне и А. Шамиссо, а также критическое отношение обоих авторов к романтическим ценностям, содержащимся в эстетике йенского романтизма. И.Н. Лагутина (ИМЛИ РАН) представила обширный материал по интерпретации творческого наследия Гёте в России в эпоху Серебряного века.

Прошедшие в течение двух дней заседания явились своеобразным научным диалогом коллег и соратников А.Д. Михайлова, убедительно доказывающим актуальность научной проблематики исследований ученого и перспективы их дальнейшего изучения.

Обзор конференции
подготовила Я.С. Линкова

“Literary Process: from Middle Ages to Modern Times”

(Commemorating the Eightieth Anniversary of Andrei Mikhailov): A Conference

(Reviewed by Ya.S. Linkova)

The review calls readers' attention to a conference, set up by the Department of Classical Literatures of the West and Comparative Literary Studies of the Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. The conference was dedicated to the memory of A. D. Mikhailov, one of the most distinguished members of the Department. His sphere of interest included a wide range of subjects stretching from Mediaeval literature to Russian-European literary contacts of the XX century. The breadth of the scholar's interests has determined the thematic diversity of addresses delivered at the conference.

Памяти Георгия Константиновича Косикова

29 марта 2010 года не стало доктора филологических наук, профессора и заведующего кафедрой истории зарубежной литературы филологического факультета Московского государственного университета Георгия Константиновича Косикова.

Георгий Константинович являлся известным литературоведом и прекрасным переводчиком, специалистом по французской литературе Средневековья, Возрождения, рубежа XIX–XX веков, модернизма и постмодернизма. Среди поэтов и писателей Франции, которым Косиков уделял особенное внимание, — Франсуа Вийон, Мишель Монтень, Франсуа Рабле, Теофиль Готье, Шарль Бодлер, Лотреамон, Поль Верлен, Альфред Жарри, Борис Виан и другие. Помимо всего вышеперечисленного он занимался теорией литературы и методологией гуманитарных наук, был автором множества работ по теоретическим проблемам истории литературы. Особенно весомый вклад Г.К. Косиков внес в изучение таких направлений гуманитарного знания, как семиотика, структурализм и постструктурализм. Благодаря его усилиям русский читатель смог познакомиться с творчеством целого ряда выдающихся европейских мыслителей и философов — таких, как Ролан Барт, Жан-Поль Сартр, Юлия Кристева, Клод Бремон, Альгирдас-Жюльен Греймас, Цветан Тодоров. В 2006 году правительство Франции наградило Георгия Константиновича Косикова орденом офицера Академических пальмовых ветвей — знаком отличия, учрежденным Наполеоном в области науки, образования и просвещения, с формулировкой «за заслуги перед французской культурой».

В течение нескольких лет Георгий Константинович возглавлял диссертационный совет филологического факультета по зарубежной литературе — совет, защита в котором всегда была честью для любого «зарубежника» — будь то аспирант факультета или получивший известность исследователь. Однако для большинства из нас он был, прежде всего, преподавателем и — в последние годы — заведующим замечательной кафедрой истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ.

Студенты знакомились с ним на втором курсе, когда он читал курс лекций по литературе эпохи Возрождения. На пресс-конференции, организованной в прошлом году в Интернет-издании «Лента.ру», Г.К. Косиков, отвечая на вопрос об особенностях гуманитарного знания, сказал следующее: «Специфический метод гуманитарных наук — это “понимание” (Verständnis), то есть “вчувствование”, “вживание” (Einfühlung) в “духовную атмосферу”, в которой жили или

живут изучаемые люди. Согласно Дильтею, самый метод “наук о духе” требует от гуманитария пережить “внутреннюю жизнь” этих людей в своем сознании» (<http://www.lenta.ru/conf/kosikov/>). Георгий Константинович обладал именно таким даром «вживания», поэтому его лекции были так любимы студентами.

В первые же часы после известия о его кончине в «Живом журнале» появилось множество воспоминаний о Косикове: нынешних студентов, молодых ученых или просто бывших выпускников филфака МГУ. И каждый вспоминал какую-нибудь лекцию — о Шекспире, о «Похвале глупости», Лютере и т.д. Спустя порой даже тридцать лет люди почти дословно помнят эти чудесные и волшебные, по словам большинства, занятия. И количество студентов, пришедших на отпевание своего любимого преподавателя, — лишнее тому доказательство.

Он всегда ярко, живо, интересно и просто говорил о самых сложных или трудных для понимания студентов предметах. При этом Г.К. Косиков никогда не допускал тона превосходства в разговоре со студентами. Это был всегда диалог, причем, казалось, что диалог на равных, хотя в этом диалоге никогда не было панибратства. А как он радовался, когда его студентам удавалось найти свой подход к тому или иному автору или тексту, подобрать точное слово для определения какого-нибудь литературного факта!

Еще один уникальный курс, который создал Георгий Константинович, — «История зарубежной критики и литературоведения (для литературоведов)». Он читал его много лет, и за прошедшие годы его слушали не только студенты, аспиранты, бывшие выпускники, но и многие коллеги. Уникальность курса состояла в авторском прочтении богатейшего материала, блестящем лекторском исполнении и все том же диалоге, к которому были допущены слушатели. История науки, как и история литературы, никогда не представляла в изложении Георгия Константиновича мертвым, «археологическим» знанием. Он, как никто, умел показать живые нити, связывающие современность не только с «неклассическим» типом мышления, но и с аристотелевской классикой, мог обнаружить живую, мучительно острую мысль в спорах гуманистов и реформаторов и т.п. При этом любая модернизация прошлого вызывала у него резкое неприятие. То, что он делал и говорил, было не искусственной «актуализацией» старых идей, но прояснением истинных связей в духовном пространстве культуры, анализом сложного взаимодействия пластов, составляющих почву современного «духа».

Выдающийся педагог и ученый, Георгий Константинович Косиков запомнился нам как носитель и проповедник гуманитарных ценностей, хотя эта «проповедь» отнюдь не была навязчивой, неуважительной по отношению к слушателю. Он обращался не к рассудочной способности и не к сиюминутным эмоциям людей, но вел диалог с их живым, «понимающим» сознанием и сам способствовал развитию такого сознания у студентов. С идеями, высказанными Георгием Константиновичем, можно в чем-то не соглашаться, но с ними нельзя не считаться как с подлинно живой мыслью, прочувствованной и выстраданной ее создателем.

Трудно представить себе филологический факультет без него. Казалось, что Георгий Константинович есть и будет всегда. Всякий раз, заходя на кафедру, можно будет увидеть его сидящим в старом кресле в голубоватом сига-

ретном дыме. Возможно, он не всегда находился в «общительном» настроении, но он всегда был — на своем месте, словно олицетворяя неизбывность тех ценностей, которые защищал.

Георгий Константинович долгие годы определял и на долгие годы определил уровень нашей литературной науки. Поверить в то, что он ушел невозможно. Замены ему нет...

*Преподаватели и сотрудники
кафедры зарубежной литературы МГПУ*

ЮБИЛЕИ

Б.А. Гиленсон

А.А. Аникст и Т.Л. Мотылёва: двойной портрет (из истории российской филологической науки)

Как стремительно летит время! Наши учителя сегодня уже стали страницами истории филологической науки. Помнится, член-корреспондент РАН П.А. Николаев, озабоченный развитием нашего литературоведения, задумал создать словарь, в который вошли бы наиболее крупные учёные; уже разрабатывался, — что было достаточно деликатным делом, — словник, но договориться с издательством тогда не удалось. П.А. Николаев скончался, и его «задумка» не осуществилась. Тем не менее, мы полагаем, что идея эта плодотворна и полезна, особенно для молодых литературоведов — магистрантов и аспирантов. На 2010 г. падает два юбилея, столетия со дня рождения видных учёных-зарубежников: А.А. Аникста и Т.Л. Мотылёвой. Это были люди обширных знаний с отчётливо выраженным научным лицом и исследовательской манерой, в судьбах которых по-своему «отразился век».

1

Александр Абрамович Аникст (1910–1988) родился в Цюрихе, где находился в большевистской эмиграции его отец. В 1917 г. он был среди тех, кто в «пломбированном» вагоне сначала через Германию, затем — Швецию и Финляндию вернулись в Россию. Отец находился на руководящей советской работе и погиб в годы сталинских репрессий. После смерти Сталина реабилитирован.

А.А. Аникст был широко образован, блестяще владел английским (как и другими европейскими языками, что отличало зарубежных его поколения). Английская литература стала его специальностью. Накануне войны А.А. Аникст был сотрудником Института мировой литературы. Его работа была прервана войной. Но он успел принять участие в вышедшей в 1945 году 2-й части 1 тома «Истории английской литературы», где им были написаны главы о современни-

ках Шекспира: Бомонте и Флетчере, о таких крупнейших фигурах XVII века, как Мильтон и Бэньян, и английских писателях XVIII столетия (Аддисон, Стиль, Филдинг, Шеридан и др.). За время войны коллектив тома, который и сегодня читается с интересом, потерял трёх своих авторов: докторанта М.Д. Заблудовского, добровольно вступившего в ополчение, докторанта М.Н. Гутнера и доцента Б.А. Кузьмина. После войны А.А. Аникст, блестящий лектор, преподавал в ряде московских вузов, которые в разгар «космополитической» кампании был вынужден покинуть. В первые послевоенные годы, когда труды по зарубежной литературе были редкостью, А.А. Аникст создал ряд учебных книг: это антологии американской и английской литературы (на языке оригинала) и хрестоматия по зарубежной литературе XIX в. (эпоха романтизма). Кроме этого он выпустил книгу о Даниэле Дэфо (1953) в Детгизе, а также первую в нашей стране однотомную «Историю английской литературы» (1956), написанную живо, которую и сегодня можно читать и рекомендовать студентам.

С начала 1950-х гг. А.А. Аникст начал целеустремлённо заниматься Шекспиром выпустил серию монографий, ему посвящённых. Первой в этом ряду стала книга «Творчество Шекспира» (1963), вышедшая в преддверии широко отмечавшегося в нашей стране в 1964 г. 400-летия со дня рождения автора «Гамлета». Помнится, это был настоящий, щедро отмеченный праздник: вышел знаменитый фильм Г. Козинцева «Гамлет», появилось немало работ о Шекспире, начался выпуск нового собрания сочинений драматурга. Книга Аникста стала основой его диссертации на степень доктора искусствоведения; среди оппонентов был Б.И. Пуришев. На защите Б.И. Пуришев оспорил упорно бытовавший в нашем шекспироведении тезис, согласно которому в исторической хронике «Король Генрих V» драматург создал явно идеализированный образ короля. Эта точка зрения была изложена и в диссертации А. Аникста. Б.И. Пуришев возразил, что концепция Генриха V у Шекспира намеренная: его король задуман как укор английской монархии. А.А. Аникст искренне поблагодарил оппонента за тонкое наблюдение. Помнится мне и то, что на специальном стенде были выставлены опубликованные к тому времени труды А.А. Аникста. Шел 1963 год — защита докторских по зарубежной литературе была редкостью, их авторы были, как правило, зрелыми, известными учёными. Запомнилось заключительное слово А.А. Аникста: «Свои разыскания я обобщил в выходящей книге “Творчество Шекспира”. А её я посвящаю памяти своих родителей». Когда спустя четверть века в том же самом издательстве вышла моя книга «В поисках “другой” Америки» (1987) я также сделал подобное посвящение, услышанное мной когда-то из уст А. Аникста.

В дальнейшем А.А. Аникст разрабатывал различные аспекты наследия автора «Гамлета». В известной серии «ЖЗЛ» вышла его биографическая книга «Шекспир» (1964); в ней он, в частности, показал, что несмотря на наличие «белых пятен», благодаря скрупулёзно накопленным шекспироведами фактам, возможно выстроить подробное жизнеописание драматурга. Год спустя свет увидела его монография «Театр эпохи Шекспира» (1965), в которой присутствовал театроведческий аспект. В 1971 г. появилась книга «Первые издания Шекспира». Писал

он и послесловия к томам собрания сочинений, и статьи проблемного характера, в частности, посвящённые стилю Шекспира. Исключительно полезной стала его замечательная книга «Шекспир. Ремесло драматурга» (1976). В ней он одним из первых показал, что в основе методологии Шекспира лежит система средств и приёмов, выявляемых в разных его произведениях. Драматург творил не просто повинувшись озарению, как это порой представлялось, но был высочайшим профессионалом своего дела, знавшим законы драмы и сцены. Приёмы, которые он взял на вооружение, не были его изобретениями, они обнаруживаются у его современников, драматургов-«елизаветинцев». Шекспир взял их и создал оригинальный «сплав», высоко художественное единство, которое определяет неповторимость его эстетики и манеры. Наконец, А.А. Аникст издал ориентированную на учебный процесс книгу «Трагедия Шекспира “Гамлет”». Литературный комментарий. Книга для учащихся и учителей» (М.: Просвещение, 1980). В ней, а также в ряде других работ, в том числе и в лекции, которую А.А. Аникст читал в Библиотеке иностранной литературы, вторгаясь в «вечный» спор, слаб, или, напротив, решителен Гамлет, он предложил свою, думается плодотворную точку зрения. Он писал о том, что Гамлет неоднозначен в разных обстоятельствах, что его натура противоречива, а подобное изображение сложности психологического мира личности было заслугой Ренессанса. Аналогичной неоднозначностью был отмечен и «мудрый безумец» Дон Кихот. Запомнилась мне и лекция А.А. Аникста о «Короле Лире», трагедии, вызвавшей резкую критику Л.Н. Толстого, который полагал недостоверным, алогичным поведение старого короля, поверившего своим старшим дочерям и прогнавшего добрую Корделию. Ключ к этой загадке даёт, по мнению А.А. Аникста, великий Михоэлс, один из лучших исполнителей Лира. Он объяснял своей трактовкой роли подобное парадоксальное обстоятельство тем, что старый король привык к обрядности, к славословию в свой адрес, что характеризовало его поведение на вершине власти. Не было ли это прозрачной ассоциацией с культом вождя народов? Заслуги А.А. Аникста-шекспироведа были оценены на родине драматурга: в его кабинете висел диплом почётного доктора Бирмингемского университета.

А.А. Аникст говорил, что мечтает написать книги о трёх величайших гениях: Шекспире, Гёте и Бальзаке. Он успел это сделать по отношению к первым двум. Не будучи, собственно, германистом, он публикует отдельную книгу, посвящённую «Фаусту» Гёте. Она явилась прологом к его фундаментальной монографии «Творческий путь Гёте» (1986), которую он посвятил памяти своих учителей, И.М. Нусинова и Ф.П. Шиллера, жертв сталинизма.

Последние годы, работая в Институте искусствознания, А.А. Аникст занимался вопросами эстетики, теории драмы в её историческом развитии, выпустив несколько монографий по этой проблематике. Он был активным участником литературного процесса и издательской деятельности: состоял в редколлегии 30-томного собрания сочинений Диккенса и 9-томного собрания сочинений Шоу, а также «Краткой литературной энциклопедии» в 9-ти томах; выступал он и как театральный критик, тонкий и принципиальный. В начале 1960-х гг., побывав

в США, он совместно с Н. Бояджиевым, выпустил новаторскую для того времени книгу «Шесть рассказов об американском театре». Помню, как он был ошеломлён, посмотрев постановку «Гамлета» в Ленком; в стремлении «осовременить» шедевр, приблизить его к массовому зрителю, было явно нарушено чувство меры. Принц датский был одет в джинсы, футболку, не расставался с ракеткой. Аникст написал резкую рецензию на этот спектакль, но газета «Советская культура» не решилась её опубликовать. И всё же, без шума спектакль был снят. Стоит заметить, что мода на осовременивание классики, не всегда удачная, существует и сегодня. Тогда же подобная новация в отношении Шекспира встречалась неизменно, негативно, шекспироведами.

Александр Абрамович Аникст был остроумным, наделённым обаянием, критически мыслящим человеком. Поэтому его не жаловали литературные официозы. Помню, я написал для выходившей на английском языке газеты «Москоу ньюс» обзор книжных новинок, где была лестная оценка работ Аникста. Тогда он был в очередной опале, и этот пассаж без моего ведома выбросили. Когда я рассказал об этом Александру Абрамовичу, он был на меня по-настоящему обижен, что я не отстоял свой текст, и мне никак не удавалось убедить его, что подобную «правку» никто со мной не согласовывал. Но в целом, я вспоминаю об общении с ним с благодарностью.

Помню, когда я был в доме у Льва Гинзбурга, то попросил его позвонить Аниксту и спросить у него мнения, какую тему мне выбрать для моей диссертации. А.А. Аникст сразу же назвал имя писателя Синклера Льюиса. Это было абсолютно точное «попадание». С тех пор я занимался этим писателем многие годы. А.А. Аникст написал обо мне статью для 9-го дополнительного тома КЛЭ. Он вообще очень внимательно относился к молодым, поддерживал их. Общение с ним было всегда вдохновляющим. К сожалению, его кончина в 1988 г. в Переделкине осталась почти незамеченной; я узнал об этом с опозданием. Но это было «смутное» время, финал советской эпохи.

Не в пример некоторым современным критикам и литературоведам, тяготеющим к нарочитым языковым изыскам и «красивостям», Александр Абрамович писал легко и просто, четко выражал свою мысль. Поэтому так приятно читать его труды. В то же время, он, по-моему, был прав, когда говорил, что у иных критиков щегольство стиля при отсутствии ясно выраженной идеи, является свидетельством отсутствия у них ясной методологии.

2

Тамара Лазаревна Мотылёва (1910–1992) окончила литературный факультет МГУ в 1930 г. и начала выступать как критик, затем работала в ИМЛИ. Её муж, венгерский коммунист, погиб в пучине репрессий, как и многие коминтерновцы, находившиеся в Москве (среди них и знаменитый Бела Кун). В годы войны ИМЛИ, где она исполняла обязанности замдиректора, находился в эвакуации в Ташкенте, там она издала брошюру «Немецкая литература в борьбе против фашизма». В 1947 г. Тамара Лазаревна защитила докторскую

диссертацию на тему «Л.Н. Толстой и Ромен Роллан». В ней она на многие годы определила важные направления своей научно-критической работы. В период борьбы с «коспомолитизмом» она вынуждена была оставить работу в ИМЛИ и заняться преподаванием, сначала в Библиотечном институте, а потом в Литинституте им. Горького, где заведовала кафедрой зарубежной литературы. Но после того, как её, доктора наук и известного критика, дважды проваливали на учёном совете при утверждении в звании профессора, она расстаётся с преподаванием и переходит на работу в журнал «Иностранная литература», который стал выходить в 1955 г.

На переломе 40–50-х гг. в условиях «холодной войны» происходил настоящий погром как советской, так и зарубежной литературы. Пострадало немало литературоведов (например, Г.А. Гуковский, А.И. Старцев). Круг американских авторов, изучаемых и публикуемых, сузился до катастрофически малого списка: Марк Твен, Драйзер. Затем наступила «оттепель», и писатели, до того подвергавшиеся шельмованию, — среди них Хемингуэй, Стейнбек, Эптон Синклер были реабилитированы и «вошли» в читательский обиход. Речь А.Т. Твардовского на XX съезде, в которой он среди выдающихся писателей современности назвал Хемингуэя и Т. Манна, стала судьбоносной. Между тем, даже повесть «Старик и море» долгое время опасались публиковать, пока после драматических перипетий (о них я писал в ряде работ о Хемингуэе) она не появилась в журнале «Иностранная литература». Началось триумфальное возвращение писателя к нашему читателю. Когда в 1959 г. отмечалось в Литературном музее 60-летие со дня рождения Хемингуэя, был устроен вечер, ему посвящённый, совпавший с выходом его двухтомника. Толпа поклонников творчества писателя буквально осаждала помещение, порядок поддерживала конная милиция. Вообще, процесс «возвращения» к нам писателей Запада — это драматическая история, сюжет, заслуживающий отдельного изучения.

Говорю об этом, потому что Т.Л. Мотылёва принимала активное участие в процессе «реабилитации». Среди тех, кто был «возвращён» нашему читателю, сатирик Синклер Льюис, первый американец — лауреат Нобелевской премии по литературе, автор знаменитого антифашистского романа «У нас это невозможно» (1935). В конце 40-х гг. он выступил с рядом неприятных нам заявлений, был ошельмован советской критикой и пополнил «проскрипционный» список «запрещённых» западных писателей. В 1955 г. в журнале «Иностранная литература» появилась статья Т.Л. Мотылёвой «О творчестве Синклера Льюиса», которая стала для меня своеобразной путеводной звездой, потому что, не учась в аспирантуре, я стал писать диссертацию, посвящённую этому писателю. Т.Л. Мотылёва дала отзыв от кафедры, когда я защитился в 1963 г. В 1965 г. она «пробила» собрание сочинений Синклера Льюиса в издательстве «Правда», подчинённом журналу «Огонёк», официозу, возглавляемому в ту пору всемогущим Анатолием Сафроновым. Это первое в мире собрание сочинений писателя, аналогичного которому не было даже на его родине. Т.Л. Мотылёва стала автором предисловия, я же писал послесловия и комментарии к большинству томов. Любопытно, что некоторая задержка выхода произошла с 6 томом (послесловие было поручено такому «про-

веренному» публицисту как А.Ю. Кривицкий). В том входил антифашистский роман «У нас это невозможно», в переводе были сделаны мягкие купюры. Роман звучал исключительно актуально, и в издательстве ждали результатов выборов в США, чтобы правильно расставить политические акценты. Дело в том, что осенью 1964 г. в США проходили президентские выборы, за кресло в Белом доме бились демократ Линдон Джонсон и ставленник крайне правых, «ультра бешеных», сенатор Барри Голдуотер, казавшийся настоящим двойником главного персонажа романа С. Льюиса. К счастью, Голдуотер потерпел поражение, и это стало закатом его карьеры. Работа над собранием сочинений Льюиса под руководством Т.Л. Мотылёвой и редакторов стала для меня полезной школой, которая помогла мне в написании книги «Америка Синклера Льюиса», увидевшей свет после немалых треволнений и переживаний в 1972 г. Я сегодня исполнен огромной благодарности к Д.С. Лихачёву, внутренняя рецензия которого помогла увидеть свет в научно-популярной серии издательства «Наука».

В то же время я наблюдал, как работает Тамара Лазаревна: она была человеком исключительного трудолюбия и самодисциплины. Помню, как она говорила: существуют работы трёх видов трудности. Первый вид — наиболее сложный — написание текста, этим надо заниматься в утренние часы. Второй вид — работа с критической литературой, чужими рукописями; это — дневные часы. Третий вид — художественные произведения, чтением их надо заниматься в вечерние часы. Она следовала подобному распорядку неукоснительно. Тамара Лазаревна обладала яркой творческой индивидуальностью: сферой её интересов была литература XX в., причём не одна, как у большинства литературоведов, а самые разные национальные литературы: французская, немецкая, английская, американская, славянские литературы. Владение основными западно-европейскими, а также славянскими языками и отличное знание текстов позволяло ей в работах, носивших историко-теоретический характер оперировать обширным материалом, сопоставлять разные явления. Она была также знатоком русской классической и советской литературы.

Углубляя положения своей докторской диссертации, она в 1957 г. публикует обширное исследование «О мировом значении Толстого». Возможно, в ряде моментов Тамара Лазаревна несколько прямолинейно трактовала влияние Толстого на писателей Запада конца XIX–XX вв., но именно она первой поставила эту проблему. Вообще, она внесла несомненный вклад в компаративистику, которая после критических «разносов» 40-х гг. начинала нормально развиваться. В 1960 г. широко отмечалось 50-летие со дня смерти Л.Н. Толстого. К этой дате было запланировано издание тома «Литературного наследства»: «Толстой и зарубежный мир» в двух частях. Но работа оказалась очень сложной, а потому затянулась. Том, интересный и наполненный свежим материалом, увидел свет только в 1965 г. Т.Л. Мотылёва приняла в нём активное участие. Я тоже подготовил для него ряд материалов: публикаций переводов, комментариев, что было крайне полезно, ибо я познакомился с крупнейшими литературоведами, среди которых был С.А. Макашин.

Продолжая работу над наследием Толстого, Тамара Лазаревна выпустила по-своему уникальное исследование «“Война и мир” за рубежом. Переводы, критика, влияние» (1976); ранее она была редактором фундаментальной библиографии «Художественные произведения Л.Н. Толстого в переводах на иностранные языки», выпущенной Книжной палатой в 1961 году.

Не расставалась она и с Роменом Ролланом. В 1959 г. вышло обстоятельное исследование о его творчестве. Позднее, в 1969 г. в серии ЖЗЛ были опубликована биография Роллана, в которой Т. Мотылёва затронула «полузапретный» в те годы сюжет об отношении писателя к репрессиям 30-х гг. в Советском Союзе. Роллан никак не мог разузнать, куда «пропали» некоторые его друзья и знакомые адресаты в нашей стране. Однако, как и некоторые писатели Запада, нам симпатизировавшие (например, Драйзер), Роллан, в условиях нараставшей фашистской угрозы, не считал возможным открыто высказать осуждение сталинизма¹. Продолжая заниматься наследием Р. Роллана, Тамара Лазаревна ездила в Париж, где общалась с вдовой писателя (урождённой М.П. Кудашевой) и работала в его архиве. Позднее она рассказывала мне, что обнаружила среди рукописей писателя немалое количество конспектов занятий, которые вёл Роллан во время преподавания в Сорбонне в 1890-е гг. Как педагог Роллан исключительно ответственно и основательно готовился к встрече со своими учениками и слушателями. Об этом красноречивом факте я обычно рассказываю своим студентам, напоминая о том, сколь многие писатели (начиная с Платона и Аристотеля) плодотворно занимались педагогической деятельностью.

Важным направлением научно-литературной деятельности Тамары Лазаревны стала немецкая литература. Она была одним из редакторов собрания сочинений Генриха Манна. Ещё в 1953 г. она выпустила критико-биографический очерк об Анне Зегерс, с которой была лично знакома. В переработанном и расширенном виде очерк был издан в 1984 г. кроме того, она опубликовала специальную работу, посвящённую лучшему роману А. Зегерс «Седьмой крест» (1980). Эта работа вышла в специальной массовой историко-литературной серии, ориентированной на широкого читателя. В этой же серии, несколько ранее, в 1976 г. она опубликовала работу об автобиографическом романе И. Бехера «Прощание». Богатый фактический материал содержала и её книга «Первый антифашистский роман “Верноподданный” Генриха Манна», которую выпустило издательство «Книга» в 1974 г. Читая сегодня эти работы Тамары Лазаревны, невольно задумываешься о том, что в постперестроечные годы писателям Запада радикальной, антифашистской направленности (да и самому Р. Роллану) стали уделять несправедливо малое внимание.

¹ Тема «Писатели Запада и Советский Союз» специально обсуждалась в дискуссии в журнале «Иностранная литература», 1989, №№ 7–8. Этой проблеме посвящается статья: *Гиленсон Б. А.* Сталинизм и литература США. «Белые пятна» «красных тридцатых» // Вопросы литературы. – 1989. – № 12. – С. 50–83.

В заслугу Тамаре Лазаревне следует отнести и то, что она продемонстрировала подлинно научный подход к таким писателям, как Джойс, Пруст, Кафка, на которых навешивался ярлык «модернистов», имевший в первые послевоенные десятилетия явно уничижительный смысл. Сегодня это представляется странным, но в своё время переводить и исследовать их было делом непростым¹. В 3-м томе «Истории английской литературы» Т.Л. Мотылёва написала важную главу о Р. Киплинге. В ней она во многом «очистила» писателя от ярлыка «бард английского колониализма». Эта работа определила новые подходы к наследию Киплинга. Тамара Лазаревна активно исследовала текущий литературный процесс на Западе, соединяя оценки конкретных произведений с выводами широкого теоретического характера, чему способствовала её работа в редколлегии КЛЭ и журнала «Иностранная литература». Предметом пристального научного внимания стал, во-первых, жанр романа в XX в., его эволюция и разнообразие его художественных форм; во-вторых, своеобразие реализма в истекшем столетии, его новаторство, его новое качество в сравнении с классическим реализмом XIX столетия. Её статья и выступления по данной проблематике были обобщены и расширены в ряде монографий: «Зарубежный роман сегодня» (1961), «Иностранная литература и современность» (1961), «Достояние современного реализма» (1973), «Роман — свободная форма. Статьи последних лет. Черты современной прозы. Толстой и Достоевский за рубежом» (1982). Тамаре Лазаревне принадлежит также ряд работ, посвящённых восприятию советской литературы за рубежом; она была ответственным редактором фундаментальной библиографии: «Произведения Горького в переводах на иностранные языки» (ВГБИЛ, 1980). Тамара Лазаревна Мотылёва ушла из жизни в 1992 г., как-то незаметно. Было начало постсоветской эпохи, положение литературы и литературоведов оказалось незавидным.

Тамара Лазаревна Мотылёва была плодовитым и высоко эрудированным литературоведом и критиком. Она писала ясно и просто, в её работах, конечно, можно заметить дань времени. Но огромный фактический, тщательно изученный материал, как и в трудах А.А. Аникста, нельзя игнорировать. В советское время работали литературоведы разного уровня: рьяные (и нередко недостаточно образованные) официозы, апологеты системы — и те, кто в нелёгких условиях трудились с максимальной пользой и серьёзностью. То ценное, что они сделали, не должно быть забыто, потому что это наше неотторжимое наследие: из их лучших трудов во многом выросло и современное, постсоветское литературоведение.

¹ Помнится, в 1970-е гг. один из бескомпромиссных апологетов соцреализма, профессор МГУ (не хочется называть его фамилию), лицо всесильное, всерьёз утверждал, что, например, использование таких «буржуазных» приёмов, как гротеск, не говоря уже о «потоке сознания», немислимо в подлинно «прогрессивном» искусстве. Он же препятствовал Е. Гениевой в защите её диссертации о Джойсе.

Рецензии на книги:

- **Город и люди: Книга московской прозы /** Сост. В.В. Калмыкова, В.Г. Перельмутер. – М.: Русский импульс, 2008. – 640 с.
- **Николаев П. А. Мемуарный калейдоскоп: Из тени в свет перелетая...** – М.: Русский импульс, 2008. – 448 с.

Особенностью первой книги-антологии является взгляд на столицу сквозь призму сознания человека, выросшего и подчас возмужавшего вне ее истории, традиций и обычаев. Немосквичи по рождению, эти писатели связали свои судьбы с тем городом, который воплотил для них движение времени и дал возможность почувствовать пульс эпохи.

Книга включает пять частей: «Миф и реальность», «Сорок сороков», «Жизнь человеческая», «Люди и книги», «Новый мир». Представленные в них художественные произведения и отрывки из них сопровождаются вступительным словом Веры Калмыковой и послесловием Вадима Перельмутера, в которых освещены такие проблемы, как «Москва и “немосквичи”» и «тексты города и город-текст». В приложении содержатся интереснейшие «Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы» И. Забелина. Завершается публикация не менее интересными «художественными комментариями» авторов-составителей книги.

В первую часть книги вошли воспоминания и рассказы, в которых повседневность переплетена с преданиями, слухами, историческими анекдотами. Москва В. Гиляровского предстает в воспоминаниях как столкновение мифа и действительности, как приобщение к городским легендам — в рассказах Е. Баранова и И. Лукаша, как современный фарс — в рассказе В. Катаева «Вещи».

Смыслообразование второй части исходит из русской гиперболизирующей идиомы «сорок сороков». Неизбывная ностальгия по Москве, даже по непростым и грозным российским временам, ощущается в рассказах Б. Зайцева

(«Улица Св. Николая», «Уединение»). Метафора Москвы как «увядшей розы» за домашним киотом определяет взгляд на мир И. Лукаша («Московские розы»). Представления о правдолюбии запечатлены в рассказе Вс. Иванова «Поединок. Подмосковная легенда». Московское чудотворство («Московский подвижник» М. Осоргина) и многоплановая панорама московского быта и бытия («Сорок сороков» М. Булгакова) расширяют границы увиденного и прочувствованного человеком.

Течение жизни сложно и полно парадоксов, в революционную эпоху трагических, — такова идея, организующая третью часть книги. В именах, фактах, цифрах, за которыми встают жизненные перипетии, Москва воплощена в книге В. Гиляровского «Мои скитания», выдержками из нее открывается эта часть. Рассказы А. Соболя и В. Катаева, зарисовки А. Мариенгофа запечатлели «картины Страшного Суда» рубежа 1910–1920-х годов и представления о том, что «вне Москвы нет России и нет любви» (В. Катаев, «Зимой». С. 252).

Линия «золотого сечения» этого издания проходит через его четвертую часть, в которой возникают контуры притягательного мира книжной культуры. Вместительным сокровенных тайн предстает книга в рассказе М. Осоргина «По Москве». В. Гиляровский вспоминает свою первую книгу и связанную с нею бурную реакцию властей («Сожженная книга»). «Вдогонку за Москвой» (С. 285) лежит путь С. Кржижановского («Штемпель “Москва” (13 писем в провинцию)», «Книжная закладка»). Загадки некоей рукописи и ее творца становятся центром внимания Я. Голосовкера («Сожженный роман»). Героем городского фольклора, воспроизведенного Е. Барановым, предстает Пушкин.

Завершает основной корпус книги часть «Новый мир». Рассказы «Усомнившийся Макар» А. Платонова, «Вишневая косточка» Ю. Олеси, очерковые произведения «Москва Краснокаменная» М. Булгакова, «Москва от зари до зари» И. Ильфа и др. сосредоточены на новых реалиях жизни, на новом биении пульса — «невиданном, неслыханном» (С. 427).

Книга по «москвоведению», несомненно, интересна широтой представленного миропонимания. Она хорошо издана и проиллюстрирована. Для преподавателей же МГПУ она значима и тем, что в библиографическом списке заметное место занимает издание нашего университета. В частности, авторы-составители рекомендуют книгу «Москва и “московский текст” в русской литературе и фольклоре», которая под редакцией Н.М. Малыгиной и И.А. Беляевой была издана в МГПУ в 2004 году.

Посмертно изданный «Мемуарный калейдоскоп» принадлежит П.А. Николаеву — автору более 600 научных трудов, главному редактору журнала «Филологические науки» (с 1972 и до конца жизни ученого), почетному члену ряда зарубежных университетов и академий, главному редактору множества академических изданий, в том числе шеститомного словаря «Русские писатели. 1800–1917» и словаря «Русские писатели XX века», Президенту Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы и проч. и проч. Главной же своей работой П.А. Николаев считал преподавание в стенах МГУ им. М.В. Ломоносова,

где он трудился с 1952 года, а в 1977–1996 годах был заведующим первой в нашей стране кафедрой теории литературы, приняв это подразделение из рук его основателя Г.Н. Поспелова.

П.А. Николаев был человеком-эпохой: он знал всех, все знали его. Ректор МГУ им. М.В. Ломоносова, академик РАН В.А. Садовничий подчеркнул во вступительном слове к изданию: эта книга представляет собой «мемуарную исповедь», и «с каждой новой страницей читатели все более будут проникаться атмосферой событий истории России XX века» (С. 7).

Ученик Н.Л. Бродского, П.А. Николаев оставил воспоминания о родном университете — об атмосфере, царившей в нем в разные годы, о ректорах, профессорах и преподавателях, об Институте мировой литературы им. А.М. Горького (ИМЛИ), в котором он сотрудничал в 1969–1980 годах, о своих учениках, а также о многих писателях, деятелях культуры и главах нашего государства.

Справедливы слова заслуженного профессора МГУ им. М.В. Ломоносова А.Я. Эсалнек: «Важнейшая особенность его [Петра Алексеевича] личности заключалась в том, что он сочетал в себе способности ученого-филолога и разностороннего общественного деятеля, организатора науки» (С. 9). Оценки, которые выносит П.А. Николаев, подчас нелицеприятны. Однако в первую очередь его критический заряд направлен в сторону самого себя: «В списке моих печатных работ — более 640 названий, в том числе десятки книг, но нет ни одного “слона” кроме тех, которые изданы коллективами моих академических и университетских коллег» (С. 123). К этому ученый добавлял: «В последнее время я пытаюсь наверстать упущенное» (там же).

П.А. Николаев и его жена Ирина Иосифовна, его верная спутница, однокурсница и замечательный редактор, были участниками Великой Отечественной войны. И ушел Петр Алексеевич из жизни в знаменательный день — 9 мая 2007 года.

Книга П.А. Николаева, наряду с воспоминаниями, включает в себя ряд статей, размещенных в последние годы в Интернете. Среди наиболее интересующих его теоретических вопросов — проблемы художественного времени и его модификаций, предметной детализации художественных образов, сюжетосложения, художественной речи.

Завершает книгу список печатных работ П.А. Николаева — свидетельство неустанных трудов ученого.

М.Б. Лоскутникова

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ
ОБРАЗОВАНИЕ» 2010, № 1 (4)**

Виноградова Елена Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка МПГУ.

Для контактов: evinoradova@proc.ru

Ганиев Журат Валиевич — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания ГОУ ВПО МГПУ.

Для контактов: DenisovaE@mgpu.ru

Гиленсон Борис Александрович — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой зарубежной литературы ГОУ ВПО МГПУ.

Для контактов: lidiya_z@mail.ru

Громова Алла Витальевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и фольклора ГОУ ВПО МГПУ.

Для контактов: gromovaav@mail.ru

Девятова Надежда Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания ГОУ ВПО МГПУ.

Для контактов: deviatovan@mail.ru

Казмирчук Ольга Юрьевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры прикладной лингвистики и образовательных технологий в филологии ГОУ ВПО МГПУ.

Для контактов: kazmirchuk@yandex.ru

Калугин Василий Васильевич — доктор филологических наук, профессор МГУ, профессор кафедры русского языка и общего языкознания ГОУ ВПО МГПУ.

Для контактов: DenisovaE@mgpu.ru

Качанова (Лютая) Анна Алексеевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры прикладной лингвистики и образовательных технологий в филологии ГОУ ВПО МГПУ.

Для контактов: AnjaLioutaja@yandex.ru

Косихина Светлана Владимировна — кандидат филологических наук, старший преподаватель Московского государственного лингвистического университета.

Для контактов: SvetlanaKosikhina@yandex.ru

Линкова Яна Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы ГОУ ВПО МГПУ.

Для контактов: yanali2@yandex.ru

Лихачев Сергей Владимирович — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания ГОУ ВПО МГПУ.

Для контактов: LihachovSV@rambler.ru

Лоскутникова Мария Борисовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и фольклора ГОУ ВПО МГПУ.

Для контактов: loskutnikova@umail.ru

Пустовит Марина Юрьевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики и образовательных технологий в филологии ГОУ ВПО МГПУ.

Для контактов: majuru@gmail.com

Ситникова Екатерина Владимировна — кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и общего языкознания ГОУ ВПО МГПУ.

Для контактов: evsitnikova@mail.ru

Чеснокова Татьяна Григорьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы ГОУ ВПО МГПУ.

Для контактов: tchesno@bk.ru

Authors of MCPU Vestnik (Bulletin), № 1 (4) – 2010

Vinogradova Elena Mihajlovna — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of the Russian Language, Moscow Teachers' Training State University.

Contacts: evinoradova@proc.ru

Ganiev Zhurat Valievich — Doctor of Philology, Professor of the Department of the Russian Language and General Linguistics, MCPU.

Contacts: DenisovaE@mgpu.ru

Gilenson Boris Alexandrovich — Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Foreign Literature, MCPU.

Contacts: lidiya_z@mail.ru

Gromova Alla Vitalyevna — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Literature and Folklore, MCPU.

Contacts: gromovaav@mail.ru

Devyatova Nadezhda Mihailovna — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of the Russian Language and General Linguistics, MCPU.

Contacts: deviatovan@mail.ru

Kazmirchuk Olga Yurievna — Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer of the Department of Applied Linguistics and Educational Technologies in Philology, MCPU.

Contacts: kazmirchuk@yandex.ru

Kalugin Vasily Vasilyevich — Doctor of Philology, Professor of the Department of the Russian Language, MSU, Professor of the Department of the Russian Language and General Linguistics, MCPU.

Contacts: DenisovaE@mgpu.ru

Kachanova (Lutaya) Anna Alexeevna — Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer of the Department of Applied Linguistics and Educational Technologies in Philology, MCPU.

Contacts: AnjaLioutaja@yandex.ru

Kosihina Svetlana Vladimirovna — Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer of the Moscow State Linguistic University.

Contacts: SvetlanaKosikhina@yandex.ru

Linkova Yana Sergeevna — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Literature, MСPU.

Contacts: yanali2@yandex.ru

Lihachev Sergej Vladimirovich — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of the Russian Language and General Linguistics, MСPU.

Contacts: LihachovSV@rambler.ru

Loskutnikova Mariya Borisovna — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of the Department of Russian Literature and Folklore, MСPU.

Contacts: loskutnikova@umail.ru

Pustovit Marina Yuryevna — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of the Department of Applied Linguistics and Educational Technologies in Philology, MСPU.

Contacts: majupu@gmail.com

Sitnikova Ekaterina Vladimirovna — Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer of the Department of the Russian Language and General Linguistics, MСPU.

Contacts: evsitnikova@mail.ru

Chesnokova Tatyana Grigoryevna — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Literature, MСPU.

Contacts: tchesno@bk.ru

Требования к оформлению статей

Уважаемые авторы!

Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными Редакционно-издательским советом Университета.

1. Шрифт — Times New Roman, 14 кегль, междустрочный интервал — 1,5, поля — верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 п. л.). При использовании латинского или греческого алфавита, обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании, греческими буквами — в светлом прямом. Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы не могут быть сканированными.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева; заголовок — посередине, полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещается аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова (не более 5). Ключевые слова и словосочетания разделяются точкой с запятой.

4. Статья снабжается пристатейным списком использованной литературы, оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ 7.1–2003 «Библиографическая запись» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка даются в тексте в квадратных скобках, например: [3: с. 57] или [6: т. 1, кн. 2, с. 89].

6. Ссылки на Интернет-ресурсы и архивные документы даются в тексте в круглых скобках или внизу страницы по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

7. В конце статьи после списка литературы на русском языке приводится фамилия автора, заглавие, аннотация статьи, ключевые слова (*Key words*) и список литературы (*References*) на английском языке.

8. Рукопись подается в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

9. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор по требованию главного или выпускающего редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно посмотреть на сайте www.mgpi.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра.

Вестник МГПУ

Журнал Московского городского педагогического университета

Серия «Филологическое образование»

№ 1 (4), 2010

Главный редактор:

кандидат филологических наук, доцент *Т.Г. Чеснокова*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденеева*

Редактор: *Л.Ю. Ильина*

Компьютерная верстка, макет: *О.Г. Арефьева*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:

ПИ № 77-5797 от 20 ноября 2000 г.

Подписано в печать: 7.05.2009 г. Формат 70×108 1/16.

Бумага офсетная.

Объем: 9 усл. печ. л. Тираж 1 000 экз.